

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ульяновский государственный педагогический
университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

Ковалев Кирилл Сергеевич

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВОИНСКОЙ
ДИСЦИПЛИНЫ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
В РУССКОЙ АРМИИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Шайпак Леонид Александрович

Ульяновск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РУССКОЙ АРМИИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА.....	32
§ 1.1. Обусловленность становления воинской дисциплины и процесса определения статуса преступлений в русской армии XVII века.....	32
§ 1.2. Петр I и реформирование воинской дисциплины в русской армии.....	59
§ 1.3. Особенности разработки военно-правовых норм по преодолению преступности и дисциплинарной практики войск в 1725–1796 гг.	94
§ 1.4. Политика государства по изменению нормативной базы, обеспечивавшей правопорядок в русской армии в конце XVIII – первой четверти XIX века.....	117
ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ИСКОРЕНЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В РУССКОЙ АРМИИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА.....	146
§ 2.1. Осуществление военно-правовой политики Российского государства в армии XVII столетия.....	146
§ 2.2. Воплощение правового регулирования в вопросах воинской дисциплины и борьба с преступностью в русской армии в конце XVII – XVIII вв.	176
§ 2.3. Специфика государственной политики в военно-дисциплинарном обеспечении русской армии в период правления Александра I	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	232
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	238
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	263
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	264

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Модернизация современных Вооруженных Сил Российской Федерации требует переосмысления многих вопросов военного развития государства, приведения его в соответствие с требованиями времени. Реализация обоснованной военной политики находится в тесной взаимосвязи с совершенствованием вопросов обороноспособности страны, с повышением уровня боевой готовности армии и флота, а также укреплением правопорядка и воинской дисциплины.

В современной действительности происходят кардинальные изменения в развитии армии России, которые находят отражение как в ее организационной структуре, так и функционировании. Поэтому в настоящее время государство уделяет пристальное внимание становлению и развитию Вооруженных Сил страны, материально-техническому оснащению армии, комплектованию самих войск, воинской дисциплине. Неслучайно в 2015 г. свое послание Федеральному Собранию Президент России В. В. Путин начал со слов благодарности российским военнослужащим. Он отметил: «Армия и Флот России убедительно показали свою боеготовность, свои возросшие возможности. Современное русское оружие действует эффективно, а бесценная практика его применения в боевых условиях обобщается и будет использована для дальнейшего совершенствования нашей военной техники и вооружений»¹.

Изучение исторического опыта реализации государственной политики по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии на материалах длительного хронологического периода должно способствовать наращиванию военно-исторических знаний в этой области. Исследование военно-правовой политики Российского государства и практической реализации по искоренению преступности в русской армии XVII – первой четверти XIX в. позволит детализировать и оценить происходившие в ис-

---

¹ Послание Президента России Федеральному Собранию «Мы не имеем права быть уязвимыми» // Российская газета. 2015. № 6846. 4 декабря.

тории процессы, выявить динамику развития армии, изучить историческую обусловленность становления и реализации военного законодательства, определить роль личности в реформировании общества, глубже исследовать деятельность видных государственных и военных деятелей.

В истории России можно найти немало количество примеров изменения воинской дисциплины, усиления и ослабления борьбы государства с преступностью в армии. Особенно наглядно это проявилось в XVII – первой четверти XIX века. Важно заметить, что внимание со стороны государства к Вооруженным Силам страны в данный хронологический период играло особую роль. В России появляются постоянная, регулярная армия, новая система комплектования войск, были созданы и получили свое развитие первые дисциплинарные уставы, с учетом лучших отечественных и западных образцов формировалась национальная военная система Российского государства. В результате данных серьезных преобразований Россия становится великой, могущественной державой.

Всестороннее исследование государственной политики по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии является злободневной проблемой, которая имеет существенное теоретическое и практическое значение для России и ее Вооруженных Сил на современном этапе. Формирование выводов и извлечение уроков из исторического опыта развития военной системы изучаемого периода предоставляет возможность совершенствовать политику государства по укреплению порядка и дисциплины в российской армии. Таким образом, исторический опыт искоренения преступности в воинских частях требует тщательного многоаспектного анализа как для современного, так и для будущего развития военной системы страны.

Актуальность исследования определяется и тем, что в настоящее время проблема воинской дисциплины и борьбы государства с преступностью в армии недостаточно исследована. Несмотря на то, что по отдельным аспектам темы имеется научная литература, однако обобщающие работы, освеща-

ющие объект исследования в течение длительного исторического периода, а именно в рамках XVII – первой четверти XIX в., практически отсутствуют.

Таким образом, актуальность темы исследования обосновывается следующими причинами.

Во-первых, исследование государственной политики по созданию и реализации дисциплины в войсках, а также борьбы с преступностью в армии в XVII – первой четверти XIX в. необходимо для уточнения исторического прошлого Российского государства, уяснения роли военных сил в законодательных реформах, происходивших в рассматриваемую эпоху.

Во-вторых, в настоящее время военная история России, а также военное законодательство страны вызывают повышенный интерес у исследователей. Однако значительная часть источников по данной теме остается недостаточно изученной. Проведение объективного анализа проблемы тем более важно, что в настоящее время идет процесс дальнейшего углубленного познания исторического прошлого страны. С одной стороны, происходит освобождение от нередко высказывающихся в обществе и в науке тенденциозных взглядов на исторические процессы, с другой – преодоление появившихся в последние годы попыток искажения действительности. В этой связи данное диссертационное исследование позволит дополнить реальную картину становления и развития русской армии.

В-третьих, армия и Вооруженные Силы на протяжении всего развития государства играют существенную роль в отстаивании суверенитета и независимости страны. Следовательно, военные являются обязательной частью любого общества. Поэтому все, что происходит в армейских частях, в том числе и то, что касается преступлений, наказаний за них, укрепления дисциплины, сказывается в целом на развитии государства. В результате, борьба с преступностью в армии становится обязательным направлением государственной политики. Кроме того, Вооруженные Силы следует рассматривать не только в качестве основной структуры для защиты государства, но и фактором его внутренней стабильности.

Обращение к опыту создания и развития государственной политики по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в армии в XVII – первой четверти XIX в. позволяет глубже исследовать значимость видных государственных и военных деятелей в военных и общественных преобразованиях страны. В развитии каждой державы бывают переломные этапы, на которых проявляют свои героизм, талант, профессиональные и личностные качества незаурядные личности. Так, целая плеяда выдающихся сподвижников Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II способствовали формированию и эволюции военной системы в России, а также ее законодательства. Среди них А. Д. Меншиков, Б. Х. Миних, Г. А. Потемкин, А. И. Репнин, Н. В. Репнин, П. А. Румянцев, Н. И. Салтыков, П. С. Салтыков, А. В. Суворов, Б. П. Шереметев и ряд других видных представителей изучаемой исторической эпохи.

Таким образом, в условиях модернизационных процессов Вооруженных Сил Российской Федерации анализ политики государства по реализации воинской дисциплины в XVII – первой четверти XIX в. имеет как научный, так и практический интерес, вызванный обстановкой в стране и в армии. В своих сущностных началах современный период очень схож с изучаемым прошлым, особенно с петровским временем, когда Россия вступила на долгий путь кардинальных реформ в армии и преобразований в области законодательства, особенно военного. Это приводит к необходимости выявления и изучения исторических параллелей в интересах решения военно-реформаторских задач государства в настоящее время.

Объектом исследования является русская армия в XVII – первой четверти XIX века. В содержание понятия «русская армия» входят сухопутные войска России в изучаемый период, оно включает в себя обобщенное представление о военнослужащих государства в XVII – первой четверти XIX в., защищавших его территорию от захватчиков, а также контролировавших правопорядок внутри страны. Русская армия, являясь важным орудием внешней и внутренней политики государства, расширяя свою организацион-

ную структуру и военное мастерство, с течением времени становится основной опорой самодержавия.

Предмет исследования – государственная политика России по укреплению воинской дисциплины, борьба с преступностью в русской армии в изучаемый хронологический период исторического прошлого страны, что потребовало всестороннего рассмотрения вопросов правового обеспечения воинской дисциплины и практической реализации государственной политики как по ее укреплению, так и по искоренению преступности в русской армии.

Хронологические рамки диссертационной работы. Временные рамки исследования охватывают XVII – первую четверть XIX века. Нижняя граница связана с тем, что первые сохранившиеся до наших дней законодательные исторические памятники, раскрывающие воинскую дисциплину и борьбу с преступностью в армии, относятся к XVII в. Верхняя граница изучаемого периода ограничена 1825 г., т. к. с приходом к власти Николая I была предпринята попытка кардинальных изменений дисциплинарной практики в войсках, военного законодательства и системы наказания, а также именно в это время происходит процесс создания принципиально новой системы тюремного заключения, особых исправительно-арестантских отделений в войсках. Поэтому этап XVII – первой четверти XIX в. сложился как самостоятельный период государственной политики по укреплению воинской дисциплины и искоренению преступности в армии.

Территориальные рамки исследования соответствуют границам России в период XVII – первой четверти XIX в., изменявшимся в результате активной внешней политики, военных действий государства, значительно расширивших площадь, территориальные размеры страны.

Степень научной разработанности проблемы. Изучение научных публикаций по теме исследования показало, что некоторые вопросы в области укрепления воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии XVII – первой четверти XIX в. становились предметом анализа как в отечественной, так и зарубежной исследовательской литературе. В то же

время, историографический обзор демонстрирует, что в ней, как правило, рассматривались лишь отдельные аспекты проблемы. В этой связи всестороннее освоение вопросов воинской дисциплины и реализации государственной политики по борьбе с преступностью в армии на столь длительном историческом этапе является первой попыткой по систематизации, сравнительно-сопоставительному анализу и обобщению имеющегося материала.

Различные сюжеты темы диссертационной работы в той или иной степени освещались как исследователями дореволюционного периода, так и советскими историками, а также продолжают оставаться в поле зрения ученых современности. Поэтому в историографии проблемы условно можно выделить три этапа.

Первый этап – дореволюционный, включающий в себя работы до революционных событий в России 1917 года. Характеризуя труды авторов дореволюционной историографии, необходимо отметить, что в этот период происходили сбор, накопление и систематизация источников, отражавших проблемы дисциплины в армии и военных преступлений. Данный этап интересен и тем, что прошло относительно небольшое количество времени с момента действия изучавшихся историками событий. Большинство публикаций до октября 1917 г. представляют собой работы общего характера, либо исследования, освещавшие отдельные узкие аспекты проблемы. Так, среди авторов, рассматривавших историю становления и развития русской армии на различных хронологических периодах ее реформирования, следует выделить Н. В. Анисимова, И. В. Анненкова, И. Д. Беляева, Г. С. Габаева, И. И. Голикова, Н. Е. Епанчина, А. К. Зиневича и др.²

---

² *Анисимов Н. В., Зиневич А. К.* История русской армии. Эпоха Петра Великого. 1699–1762 гг. Чугуев, 1911; *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка, 1731–1848: в 4 ч. СПб., 1849; *Беляев И. Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России: в 10 т. М., 1788–1797; *Габаев Г. С.* Опыт краткой хроники-родословной русских инженерных войск. СПб., 1907; *Епанчин Н. Е.* Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828–1829 гг. СПб., 1904; История Преображенского полка / сост. Лейб-гвардии Преображенского полка Штабс-капитан Азанчевский 1-й. М., 1859; Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до настоящего времени / под ред. А. Н. Петрова: в 2 т. М., 1897 и др.

Отдельно целесообразно определить группу исследований по истории государственного устройства и органов управления в изучаемый период, в которых имеется информация о военно-судебных учреждениях, развитии института военного чиновничества. Среди наиболее ярких авторов данных публикаций следует назвать А. Д. Градовского, А. И. Маркевича, М. П. Розенгейма³.

Проблемы политики государства по реализации воинской дисциплины и военных наказаний, а также вопросы развития военно-правового законодательства находились в центре внимания военно-научной общественности. Отдельные аспекты темы становились предметом изучения представителей военной истории, таких, как П. О. Бобровский, Г. Я. Есипович, П. Заусцинский, А. З. Мышлаевский, А. С. Парамонов, А. Ф. Редигер, и др.⁴ Среди работ данного периода хотелось бы особо выделить серию публикаций по истории Столетия военного министерства, разделы и главы которых посвящены непосредственно военно-тюремной системе⁵.

В труде И. И. Богданова достаточно подробно рассматривается развитие военно-судебной системы в период правления Екатерины II. При этом

---

³ *Градовский А. Д.* История местного управления в России. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1899; *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV – XVII веке. Одесса, 1888; *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878 и др.

⁴ *Бобровский П. О.* К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия: Историческое исследование. СПб., 1891; *Его же.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. С приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского, с поправками Петра. СПб., 1887; *Есипович Г. Я.* Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 г. // Журнал Министерства юстиции. 1859. Октябрь. Ч. II. С. 1-34; *Заусцинский Я. Н.* Воинский устав о наказаниях. СПб., 1906; *Его же.* История кодификации русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформ XIX века. СПб., 1908; *Мышлаевский А. З.* Петр Великий, военные законы и инструкции // Сб. военно-исторических материалов. Вып. IX. СПб., 1894; *Обручев Н.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1854; *Парамонов А. С.* О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения. СПб., 1904; *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы: в 2 ч. СПб., 1913–1914 и др.

⁵ Столетие военного министерства (1802–1902). Кн. Главное военно-судное Управление и Военно-тюремная часть. Исторический очерк. Т. XII. Ч. I. СПб., 1902; Столетие Военного министерства: Исторический очерк деятельности канцелярии Военного министерства и Военного совета. Т. 3. СПб., 1907.

основной вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что при Екатерине II в Вооруженных Силах страны получили значительное развитие поисково-следственные органы⁶.

В исследовании С. А. Панчулидзева, увидевшего свет в 1899–1900 гг., подробно описываются формы и методы воспитания кавалергардов, а также их наказания за совершение наиболее серьезных преступлений. Отдельная глава работы «Под сению Екатерины» позволяет судить об особенностях дисциплинарной практики в этом соединении, о личном вкладе императрицы в дисциплинирование офицеров и нижних чинов⁷.

В отдельную группу научных публикаций следует выделить работы, раскрывающие реализацию самих воинских наказаний, отбывание военнослужащими ссылки в Сибири, становление российской пенитенциарной системы, историю развития военно-карательных учреждений, а также содержание военных преступников в них. К исследователям, освещавшим данные аспекты темы, относятся В. Андресс, В. К. Андриевич, С. Н. Викторский, Н. П. Загоскин, А. Ф. Кистяковский, Л. Клугин, В. Н. Никитин, А. Палюмбецкий, С. В. Познышев, М. П. Розенгейм и др.⁸

В особом выделении нуждаются труды государственного и общественного деятеля второй половины XIX – начала XX в., профессора Н. Д. Сергеевского. Работая статс-секретарем Государственного совета и управляющим

⁶ Богданович М. И. Русская армия в век императрицы Екатерины II. СПб., 1873.

⁷ Панчулидзев С. А. История кавалергардов. 1724–1799–1899: в 4 т. СПб., 1899–1912.

⁸ Андресс В. О тюрьмах // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 1. С. 43–68; Андриевич В. К. История Сибири. Ч. 2. СПб., 1889; Викторский С. Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912; Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892; Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1896; Клугин Л. Несколько слов о телесном в русских войсках наказании по правилам военной дисциплины // Воен. сборник. 1859. № 9. С. 191–210; Никитин В. Н. Быт военных арестантов в крепостях. СПб., 1873; Его же. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней: 1560–1880 г. СПб., 1880; Палюмбецкий А. О происхождении и распространении пенитенциарной системы. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1854 года. Харьков, 1854; Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915; Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878 и др.

отделением Свода законов Государственной канцелярии, а также занимаясь научной и педагогической деятельностью, он издал немало количество фундаментальных работ по истории смертной казни, телесных наказаний, ссылки в России в XVII–XVIII вв.⁹

В то же время, наряду с обобщающими исследованиями, появились научные издания, освещавшие роль первых лиц государства и их сподвижников, а также выдающихся деятелей России в военном строительстве страны и реформировании русской армии. Так, отдельные труды посвящены А. А. Вейде, М. Л. Магницкому, Павлу I, Александру I и др.¹⁰

Таким образом, на первом этапе историографии исследователями была проведена существенная работа, были заложены конкретные основы раскрытия проблемы реализации государственной политики по укреплению дисциплины в воинских частях, а также определения воинских преступлений в армии в XVII – первой четверти XIX века. Несмотря на то, что публикации дореволюционного периода, как правило, носят обзорный характер, в то же время, им присущи такие качества, как информативность, сбор и накопление большого пласта данных по отдельным сюжетам темы.

Второй этап в историографии изучаемой проблемы определен следующими рамками: 1917–1991 гг. С началом советского периода в историографии темы воинской дисциплины и борьбы с преступностью в армии наблюдается снижение интереса к ней со стороны ученых. Это, в первую очередь, объясняется тем, что в государстве начинает складываться марксистско-ленинская концепция изучения исторического прошлого, которая

⁹ *Сергеевский Н. Д.* Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 7. СПб., 1879. С. 51–60; *Его же.* Смертная казнь в России в XVII и первой половине XVIII века // Журнал гражданского и уголовного права: Ноябрь. Кн. 9. СПб., 1884. С. 1–56; *Его же.* Ссылка в России в XVII веке: Март // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. 3. С. 1–34; *Его же.* Телесное наказание в России в XVII веке // Журнал гражданского и уголовного права: Январь. Кн. 1. СПб., 1886. С. 1–36 и др.

¹⁰ *Бобровский П. О.* Вейде Адам Адамович. Один из главных сотрудников Петра Великого и его военный устав 1698 г. Казань, 1887; *Феоктистов Е. М.* М. Л. Магницкий. СПб., 1865; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897–1898. Т. II; *Его же.* Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901; *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907 и др.

на передовые позиции исследования выдвинула иные страницы исторического прошлого России.

В советский период, особенно в 1920-е гг., вопросы эффективности государственной политики по борьбе с преступностью в армии в царский и имперский периоды были подвергнуты серьезному сомнению. Сама система воинских наказаний в России была названа «самодержавной», «антинародной», обслуживавшей интересы правящих классов¹¹.

Однако, были и исследователи, которые призывали присмотреться к дореволюционному опыту по реализации дисциплинарной практики, считая, что отдельные его составляющие можно использовать в Вооруженных Силах СССР. Исследования, касавшиеся укрепления дисциплины в армии, а также военного судоустройства и судопроизводства, нашли отражение в фундаментальных работах и научных статьях Л. Г. Бескровного, Л. П. Богданова. Так, в докторской диссертации Л. Г. Бескровного, защищенной в 1950 г., сделан вывод о том, что жестокие, порой «драконовские» меры, применявшиеся в петровской армии, Вооруженных Силах Российского государства в XVIII в., во многом позволили создать армию «нового типа», преодолеть такое явление, как массовое бегство солдат и, по сути, способствовали формированию армии-победительницы¹².

В более позднее время была защищена диссертация Л. М. Богданова, в которой он, используя значительный исторический материал, затрагивает вопрос применения наказаний в армии за преступления и нарушения воинской дисциплины. При этом он делает интересный вывод, что наибольшее количество осужденных военнослужащих относится ко времени Петра I, когда происходило становление русской армии, а также к тому периоду, когда Россия вела войны. В этой связи автор приходит к другому значимому умозаключе-

---

¹¹ *Верховский А. К.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921.

¹² *Бескровный Л. Г.* Строительство русской армии в XVIII веке: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1950.

нию, состоящему в том, что в боевых условиях дисциплина в армии была значительно выше¹³.

В целом, историков советской эпохи, хоть и в меньшей степени, но все же продолжали интересоваться вопросы развития русской армии. В первую очередь, это касалось проблем развития государственных учреждений¹⁴ и реализации военных реформ в России¹⁵.

Обособленным направлением на данном этапе историографии стало изучение первоисточников, что позволило исследователям провести объективный источниковедческий анализ, частично касавшийся и изучаемой проблемы. Так, в работах историков П. П. Епифанова, Л. Кочеткова, М. Н. Тихомирова, Т. Швориной, С. В. Юшкова рассматривались и оценивались такие документы, как «Русская правда», «Соборное уложение», уставы и воинские артикулы Петра I, различные уставы русской армии¹⁶.

Отдельные публикации, изданные в советский период, посвящены истории тюрем, ссылки и ее применения, жизни и быту военнопленных. Однако, при раскрытии данных вопросов упор делался на освещении реализации жестокой военно-карательной политики и тюремной системы государства¹⁷.

В целом, советскими историками была проведена значительная работа по анализу и обобщению большого количества исторических источников. В этот период происходит не только их детальное изучение, но и публикация в виде сборников документов и материалов.

¹³ *Богданов Л. М.* Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX в. (организация, управление, комплектование, вооружение): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981.

¹⁴ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

¹⁵ *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976; *Мецзяков Г. П.* О военных реформах Петра I // Военная мысль. 1946. № 5. С. 60.

¹⁶ *Епифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 5–42; *Его же.* Воинский Устав Петра Великого // Петр Великий: сб. ст. М.-Л., 1947. С. 167–213; *Епифанов П. П., Тихомиров М. Н.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961; *Кочетков Л.* Из истории уставов русской армии (XVI – XVIII веков) // Военная мысль. 1954. № 3. С. 42–57; *Шворина Т.* Воинские артикулы Петра I. М., 1940; *Юшков С. В.* Русская правда. М., 1950.

¹⁷ *Рыбак М. С.* Жестокость и произвол царской тюремной системы // Советская юстиция. 1983. № 4. С. 23–25; *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М., 1946 и др.

Третий, современный, этап историографии включает в себя исследовательскую литературу, начиная с 1991 г. и по сегодняшний день. На данном историческом отрезке времени возрастает интерес к проблеме развития русской армии, а также к вопросам укрепления дисциплины среди военных. Это стало возможным не только из-за отхода от идеологизации общественной жизни и научной мысли, но и за счет рассекречивания ряда архивных документов, предоставившего возможность, включая в научный оборот новый фактический материал, переосмыслить и по-новому оценить некоторые страницы военной истории России.

В постсоветский период интерес стали вызывать проблемы строительства русской армии и ее комплектования, проведения военных реформ, а также создания и функционирования государственных учреждений России, ведавших военными вопросами страны¹⁸. В этой связи следует назвать исследование коллектива авторов под редакцией В. А. Золотарева, освещающее реформы в русской армии, начиная с XVI в. В научном труде достаточно большое внимание отводится развитию военно-следственной и военно-судебной системы¹⁹. В указанный период начинается переиздание монографических работ по истории российской армии, например, известного военного историка начала XX в. А. А. Керсновского²⁰.

В связи с доступностью документов архивных хранилищ Российского государства у историков появилась возможность более детально изучать вопросы развития военно-тюремной и пенитенциарной системы страны, выявлять сами наказания за военные преступления, исследовать места ссылок и каторги военнослужащих. Среди авторов, изучающих названные проблемы,

---

¹⁸ *Каранетян Г.К.* Становление и развитие адмиралтейств-коллегии // Научный журнал «Апробация». 2013. № 11. С. 58-60; *Лушников А. М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996; О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1991; *Паршин В. В., Чеботарев А. В.* Система военного управления в России (XVIII – начало XX в.). М., 2002; *Тихонов В. А.* Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. М., 2013.

¹⁹ Отечественные военные реформы XVI–XX веков / под ред. В.А. Золотарева. М., 1995.

²⁰ *Керсновский А. А.* История русской армии. В 4 т. М., 1992; *Его же.* История русской армии. 1700–1881. М., 2004.

можно назвать В. И. Алексеева, Е. В. Анисимова, Л. В. Карханина, А. Ф. Кистяковского, Н. А. Петухова, П. Упорова и некоторых других ученых²¹. Необходимо заметить, что ряд исследований написаны на материале не только общероссийских документов, но и с применением архивных данных регионов, в которых проходила ссылка военных людей²². Это позволило более детально изучить исторические процессы в России XVII–XIX веков.

Особо следует отметить, что в трудах третьего историографического периода воинская дисциплина и борьба с преступностью в армии впервые становятся самостоятельным объектом научного исследования. Подтверждением этому служит одна из важных и серьезных публикаций Ю. Н. Арзамаскина, В. Д. Петрова, В. Ф. Мартынова, имеющая непосредственное отношение к изучаемой проблеме²³. Историк Н. И. Бородин в своей книге значительно дополнил труд московских ученых, показав применимость дореволюционного опыта для современной армии Российской Федерации²⁴.

В 2000-е гг. появляются научные исследования, авторы которых стараются обобщить те меры военно-уголовного и дисциплинарного воздействия, которые применялись в армии в XVII–XIX веках. К таким работам относится публикация О. В. Азамова, в которой анализируется практика применения

---

²¹ Алексеев В. И. Период возмездия и устрашения в истории тюремного заключения (XVI–XVIII вв.) // История государства и права. 2007. № 21. С. 28–29; Анисимов Е. В. Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. М., 2004; Карханина Л. В. К вопросу о понятии телесных наказаний и истории их применения // Материалы междунар. науч. конф. Самара, 2013. С. 92–95; Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000; Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995; Петухов Н. А. История военных судов России. М., 2003; Упоров П. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. СПб., 2004 и др.

²² Березина О. Б. Нерчинская каторга в России в конце XVIII – начале XX вв. Тамбов, 2006; Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1(27). С. 42–53.

²³ Арзамаскин Ю. Н., Бублик Л. А., Петров В. Д. Воинская дисциплина в Вооруженных силах России (XVIII–XX вв.). М., 2000; Мартынов В. Ф. Воинская дисциплина в русской армии и особенности ее функционирования на различных этапах ее строительства в XVIII – начале XX вв. // Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 2 (30). С. 120–123.

²⁴ Бородин Н. И. Укрепление воинской дисциплины в отечественной армии (исторический опыт). М., 2000.

дисциплинарных взысканий, а также работа военных судов в российской армии в обозначенный хронологический период²⁵.

Конец 1990 – начало 2000-х гг. стало временем пристального изучения вопросов формирования государственных и военных учреждений, воспитания воинской чести у офицеров русской армии, деятельности государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии в России, создания и развития рекрутской системы, что нашло отражение в подготовке серьезных диссертационных исследований²⁶.

Значительный интерес представляет работа С. М. Бойко, в которой автор анализирует военно-карательную политику государства по отношению к военнослужащим-иностранцам, занимавшим в русской армии XVII – первой четверти XIX в. достаточно ответственные посты. Важнейший вывод, к которому пришел исследователь, состоит в том, что руководство страны старалось жестко не наказывать иностранцев на русской службе, даже в тех случаях, когда они совершали серьезные преступления, в большинстве случаев ограничиваясь незначительными наказаниями, либо высылкой за границу²⁷.

Исключительный интерес представляет исследовательская работа А. Ф. Бочкова, в которой впервые комплексно затрагивается деятельность госу-

---

²⁵ *Азамов О. В.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской армии (конец XVIII - первая половина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

²⁶ *Анисимов В. В.* Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России в XVIII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Гаврищук В. В.* Строительство российской армии в XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Гриценко Н. В.* Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Иванов Е. С.* Воспитание воинской чести у офицеров Российской Армии XVIII – начала XX века: историко-педагогический анализ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1994; *Лобин А. Н.* Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; *Манойленко Ю. Е.* Русская артиллерия в первой трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; *Морихин В. Е.* Традиции офицерского корпуса русской армии XIX – начала XX веков: исторический анализ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Семенова Н. Л.* Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000; *Шабанов М. П.* Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998.

²⁷ *Бойко С. М.* Иностранцы-специалисты в русской армии и флоте (XVIII век): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

дарственных органов власти, командования войсковых частей по укреплению дисциплины и правопорядка в XVII в. в сравнении с результативностью функционирования органов управления той же направленности в XVIII столетии. Важный вывод, к которому пришел автор, состоит в том, что, если в XVII в. эта работа носила эпизодический, несистемный характер, то к XVIII в. она проводилась комплексно и отличалась высокой эффективностью²⁸.

В диссертационном исследовании С. В. Зотова затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью государства по реформированию правопорядка в армии во второй половине XVIII века. Основное умозаключение, которое делает историк, заключается в том, что именно во второй половине XVIII столетия военно-уголовная практика окончательно была отделена от военно-дисциплинарной²⁹.

Активная работа историков по изучению русской армии позволила накопить определенный массив научных исследований, поэтому неслучайно в печати появляются труды, отражающие историографический обзор темы. Так, в публикации В. В. Гаврищука раскрывается историография исследовательской литературы, связанной со строительством регулярной армии в XVIII в., в том числе дается оценка трудам, посвященным борьбе с преступностью в армии и организации в Вооруженных Силах государства, работы по поддержанию крепкой воинской дисциплины³⁰.

В публикациях постсоветского периода наблюдается внимание исследователей и к изучению вопросов военной подготовки офицеров русской армии, воспитания и быта военнослужащих³¹.

---

²⁸ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской армии (конец XVII – первая четверть XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

²⁹ Зотов С. В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской Армии во второй половине XVIII века: дис...канд. ист. наук. М., 2010.

³⁰ Гаврищук В. В. Строительство российской армии в XVIII веке: историографическое исследование: дис... д-ра ист. наук. М., 1999.

³¹ Бибииков В. Н. Подготовка офицеров русской армии в первой половине XIX века // Вестник Военного университета. 2007. № 2 (10). С. 68–74; Дуров И. Г. «Иметь старание о платье своём, и быть всегда чисту, как в платье, так и в белье...». Вещевое обеспечение военных и морских чинов в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2015. № 6. С. 45–50.

История русской армии, внешней политики и военных преобразований вызывает отдельный интерес у зарубежных исследователей. Так, например, существуют самостоятельные работы, посвященные комплектованию армии при императрице Екатерине II и государственной политике в сфере военного дела в годы ее правления, а так же влиянию Французской революции на российскую армию³².

В целом, в результате изучения комплекса исследований дореволюционного, советского и современного периодов собран существенный историографический материал, необходимый для данной диссертационной работы. Историография проблемы показывает, что в проанализированной литературе рассматриваются, как правило, лишь отдельные вопросы государственной политики России по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в армии в изучаемый период. Особо следует отметить, что интересующая соискателя тема ранее не становилась предметом специального исследования. Вместе с тем реалии сегодняшнего дня требуют более углубленных подходов к оценке прошлого. В этом смысле данная диссертационная работа позволит восполнить имеющиеся в историческом знании темы пробелы.

Целью диссертационного исследования является всестороннее комплексное изучение государственной политики России по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии XVII – первой четверти XIX века.

Достижение поставленной цели может быть обеспечено решением следующих задач:

1) рассмотреть основные направления государственной политики по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии и проследить ее трансформацию в XVII – первой четверти XIX в.;

---

³² *Flocken J. von. Katharina II. Zarin von Russland. B., 1991; Keep J. The Russian Army's Response to the French Revolutsion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 28. 1980. Heft 4. P. 521–522; Vernadsky G. The scope and contents of Ching is Khan's Jasa // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1938. V. 3; Таннберг Т. Комплектование российской армии в первой половине XIX в. // Французский ежегодник. 2012. Т. 44. С. 148–173.*

2) определить роль воинской дисциплины в системе военного строительства России, выявить и обобщить существенные факторы, обусловившие создание военно-дисциплинарной политики государства;

3) изучить специфику государственной политики в военно-дисциплинарном обеспечении русской армии;

4) проследить характер и особенности разработки военно-правовых норм по определению преступности и дисциплинарной практики войск;

5) выявить и классифицировать основные наказания по отношению к провинившимся военнослужащим;

б) определить черты общего и особенного в реализации политики государства по укреплению воинской дисциплины и искоренению преступности в русской армии в рамках исторических этапов изучаемого хронологического периода.

Источниковую базу исследования составил широкий круг как опубликованных, так и неопубликованных документов, ряд из которых впервые введен в научный оборот. В ходе детального анализа материалов целесообразно выделить 4 группы источников.

Первую группу источников составили такие важные при освещении темы свидетельства, как нормативно-правовые или законодательно-распорядительные акты, а также сборники документальных материалов. Среди нормативных данных следует выделить акты, указы, указы, манифесты и другие распорядительные документы. К таковым можно отнести, например, «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией», «Указы императора Павла», «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» и др.³³

---

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1842; Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. СПб., 1846–1872; Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907; Указы императора Павла // Русская старина. 1884. № 8. С. 232 и др.

К источникам данной группы, безусловно, имеют отношение законодательные материалы, которые непосредственно отражают документальную основу военного дела России. Некоторые из них были выпущены отдельными изданиями. Среди таковых следует назвать: «Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами»; «Воинские артикулы Петра I», «Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому Генералом Вейде в 1698 г.», «Старинный военный Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки», «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» и др.³⁴ Данные документы послужили важной основой при написании исследования, поскольку отражают устройство армии, ее боевой подготовки, а также освещают воинскую дисциплину и военные наказания за преступления в конкретной исторический период, что позволило выявить не только богатый фактический материал, но и выйти на уровень сравнительного анализа и обобщений.

В первую же группу источников были включены сборники опубликованных документов. Наибольшую важность при раскрытии темы исследования имел фундаментальный многотомный труд «Полное собрание законов Российской империи». Те данные, которые были необходимы для достижения цели и решения конкретных задач диссертационного исследования, сосредоточены, в основном, в различных томах первого и второго собраний, изданных в зависимости от времени их принятия³⁵. Особую значимость для написания диссертации из 1-го собрания представляли тома: 5 (1713–1719 гг.); 6 (1720–1722 гг.); 7 (1723–1727 гг.); 11 (1740–1743 гг.); 22 (1784–1788 гг.); 25 (1798–1799 гг.); 32 (1812–1814 гг.); 2-го собрания – том 1 (12 декабря 1825–1826 гг.); 2 (1827 г.) и др.

---

³⁴ Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб., 1780; Воинские артикулы Петра I. М., 1950; Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому Генералом Вейде в 1698 г. СПб., 1841; Старинный военный Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1777; Устав ратных, пушечных и других дел. СПб., 1777.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1-45. СПб., 1830; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1-55. СПб., 1830–1884.

Не менее важными для раскрытия темы являются сборники, в которых имеются исторические материалы в виде летописных сводов, кодексов законов и т.п., выдержки из документов и комментарии к ним³⁶. Среди данной разновидности источников были изучены сборники, в которые включены военные законы и инструкции Петра I, Устав ратных и пушечных дел, записки государственных деятелей и т.д. Большое научное значение имеют разъяснения и выводы по таким первоисточникам, как «Русская правда», «Соборное уложение 1649 года», «Судебники XV–XVI веков» специалиста в области древнейшей истории, корифея исторической науки Б. Д. Грекова³⁷.

В документах указанной группы сосредоточены основные положения функционирования русской армии, военно-правовые и нравственные устои воинской дисциплины XVII – первой трети XIX столетия.

Вторая группа источников представлена значимыми для научного освещения проблемы неопубликованными архивными документами. К данной группе относятся материалы 3 государственных архивных хранилищ страны: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА).

В РГАДА материалы по теме диссертационного исследования входят в состав следующих фондов: «Кабинет Петра I и его продолжение» (Ф. 9); «Сенат и его учреждения» (Ф. 248); «Рукописное собрание Федора Федоро-

---

³⁶ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. С приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского, с поправками Петра. СПб., 1887; Грот Я. К. Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера, впоследствии генерал-майора и губернатора // Труды Я. К. Грота. СПб., 1862; Мышлаевский А. З. Петр Великий, военные законы и инструкции // Сб. военно-исторических материалов. Вып. IX. СПб., 1894; Повесть временных лет. М.-Л., 1950; Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Г. В. Абрамович, Л. И. Ивина, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов и др. Л., 1987; Радишевский О. М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки: Состоящий в 663 указах, или статьях // В государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым: в 2 ч. М., 1777–1781 и др.

³⁷ Правда Русская / под общ. ред. Б. Д. Грекова. Т. III. М., 1963; Судебники XV – XVI веков / под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. М.-Л., 1952 и др.

вича Мазурина (1845-1898), московского почетного гражданина, собирателя русских рукописей и старопечатных книг» (Ф. 196); «Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент» (Ф. 1209); «Дела военные – (коллекция) Государственного архива Российской империи» (Ф. 20); «Разрядный приказ» (Ф. 210); «Государственное древлехранилище хартий и рукописей» (Ф. 135); «Именные приказы Петра I Сенату и другим учреждениям» (Ф. 1451).

Названные архивные фонды содержат такие важные для освещения проблемы материалы, как: записные книги именных указов, черновики указов, записок и писем Петра I и Екатерины I, «Входящие письма» Сената, коллегий, государственных и военных деятелей, послов, губернаторов, воевод за период с 1704 по 1725 гг.; Журналы и протоколы Сената, дела и приговоры Сената по Военной, Адмиралтейской коллегиям, Подрядной и провиантской канцелярии, по Сибирскому приказу, Канцелярии конфискации, дела следственных комиссий о злоупотреблениях должностных лиц за период 1704–1772 гг.; церковно-богослужебные книги XIV–XIX вв., хронографы, исторические и историко-литературные сборники, Судебник 1497 г., указы, грамоты (жалованные, вкладные и др.), горские и архиепископов, собрание Ф. Ф. Мазурина: законодательные, памятники, исторические, литературные естественнонаучные сочинения, материалы высших, центральных и местных учреждений XVII–XIX вв.; дела военно-походной канцелярии А. Д. Меншикова и Б. П. Шереметева, ведомости о личном составе пехотных и драгунских полков, переписка Кабинета Его Императорского Величества с военными учреждениями о состоянии армии, о войнах с Турцией, Пруссией, Швецией за 1700–1852 гг., а так же записки и проекты разных государственных лиц по военным вопросам; Боярские книги, Записные книги Московского стола и др.

Документы и материалы, освещающие военную историю Российского государства, в которую входят как сами реформы в армии, так и военные органы управления, претворявшие в жизнь государственную политику, отложились в РГВИА. При написании диссертации важными из данного архива

стали источники из таких фондов, как «Кабинет Его Императорского Величества» (Ф. 24); «Главное военно-судное управление» (Ф. 801); «П. М. Михайлов» (Ф. 248) и др.

В указанном центральном архиве страны накоплен ценный исторический материал по теме исследования, среди которого следует выделить: доклады и записки Военной коллегии на имя Екатерины II (1775–1795), документы об организации и состоянии частей российской армии: комплектовании, дислокации и материально-техническом снабжении гренадерских, пехотных, кавалерийских, казачьих полков, табели чинов Кавалергардского корпуса (1777–1784), материалы о военной и административной деятельности Г. А. Потемкина; высочайшие указы, повеления, конфирмации, приказы и отчеты по Аудиторскому департаменту, Главному военно-судному управлению, военно-окружным судам и военно-тюремным заведениям, документы о порядке открытия временных военных судов в Европейской России, изменении статей Воинского и Дисциплинарного уставов конца XVIII – начала XIX в.; рапорты о получении учебных пособий для обучения нижних чинов, заметки о настроениях в армии и тылу во время войн, письма, воспоминания, записная книжка коллежского советника П. М. Михайлова.

В РГИА большую помощь при раскрытии вопросов воинской дисциплины и борьбы государства с преступностью в армии оказали документы таких фондов, как: «Общее собрание Государственного Совета» (Ф. 1148); «Особый комитет председателей департаментов Государственного Совета» (Ф. 1164); «Комиссия составления законов при Государственном Совете» (Ф. 1260); «Департамент полиции исполнительной МВД» (Ф. 1286); «Именные указы и "Высочайшие" повеления Сенату» (Ф. 1329).

Изучение фондов архива позволило выявить наиболее ценные данные и материалы для темы исследования: проекты и черновые бумаги М. М. Сперанского об образовании Государственного Совета, структура данного органа власти и протоколы заседаний за 1810–1829 гг.; проекты преобразований Сената, проекты и записки разных лиц о преобразовании министерства внут-

ренных дел, проекты, записки и переписка о новом порядке рекрутских наборов (в том числе записки адмирала Н. С. Мордвинова: «О новом образе комплектования войск», «План нового порядка набора рекрут с ограничением срока службы», «Об устранении беспорядков при проведении рекрутского набора»), росписи новой рекрутской раскладки по губерниям и уездам, ведомости о количестве людей в государстве, подлежащих рекрутской повинности, о числе рекрутов, поступивших на службу с 1802 по 1810 г.; материалы по составлению сводов уставов о рекрутской повинности, проекты уставов гражданского судопроизводства, собрания узаконений о беглых людях; дела об утверждении штатов полиции в разных городах и населенных местах, об устройстве и содержании тюрем, о содержании и пересылке заключенных, о пересылке ссыльных за 1802–1825 гг.; именные указы и повеления различным учреждениям и должностным лицам (1704–1925 гг.), указы Временного правительства Сенату и др.

Таким образом, изучение архивных источников, ряд из которых впервые вводится в научный оборот, позволило глубже исследовать проблему воинской дисциплины в армии, выявить отдельные факты и сюжеты военной истории России, определить государственную политику и изучить систему формирования военных органов управления, а также определить воинские преступления и наказания за них.

Третью группу источников составили мемуары, записки, воспоминания. Данная разновидность документов позволяет передать дух времени, дополнить общую историческую картину яркими впечатлениями выдающихся полководцев, государственных и общественных деятелей, историков, современников. Среди таких работ целесообразно выделить записки крупного дипломата, посла в Великобритании, графа С. Р. Воронцова, проживавшего в середине XVIII – начале XIX в., оставившего свои записки об армии и русском войске, которые были опубликованы в журнале «Русский архив»³⁸. В данную источниковую группу следует также включить работу великого рус-

---

³⁸ Записки графа С. Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. 1876. № 11. С. 347–348.

ского полководца, военного теоретика и национального героя России А. В. Суворова. Блестящий полководческий дар, разработанные и введенные в действие боевая тактика и стратегия, непререкаемый авторитет среди военнослужащих позволили ему достичь апогея армейского мастерства. Поэтому неслучайно свои знания, умения и богатейший опыт в сфере военного дела он оставил в качестве размышлений и воспоминаний для потомков, последующих поколений³⁹.

Кроме того, при написании диссертационной работы был использован труд государственного приказного человека, чиновника российского Посольского приказа, современника царя Алексея Михайловича – Г. К. Котошихина⁴⁰, который является важным первоисточником по истории России XVII столетия.

Четвертую группу источников составляют словари, справочники и энциклопедии. В нее вошли издания, содержащие определения, сведения и данные о составе русской армии, о военных чинах, разновидностях воинских преступлений и наказаний за них, о выдающихся государственных и общественных деятелях, участвовавших в военных реформах России⁴¹.

Таким образом, источниковая база диссертационной работы представлена разноплановыми документами и материалами, являющимися репрезентативными для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач.

Научная новизна исследования заключается в постановке самой проблемы и комплексном изучении государственной политики по укреплению дисциплины в войсках и борьбы с преступностью в армейских частях в XVII – первой четверти XIX в., а также в недостаточной разработанности темы в отечественной историографии. В работе определены состав воинских преступлений; уточнены формы уголовной и дисциплинарной ответственно-

---

³⁹ Суворов А. В. Наука побеждать. 2-е изд. СПб., 1809.

⁴⁰ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.

⁴¹ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915; Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М., 1989; Военный энциклопедический словарь / ред. А. Э. Сердюков. М., 2007 и др.

сти военнослужащих, совершавших правонарушения; изучен вопрос разработки новых видов наказаний и механизмов их исполнения; выявлено совершенствование розыска и следствия; детально рассмотрены создание и постановка работы военных судов; проанализирован вопрос осуществления ссылки военнослужащих.

Впервые в научный оборот введены малоизученные и не использовавшиеся ранее документы, которые позволили воссоздать целостную картину консолидирования воинской дисциплины и искоренения преступности в русской армии в изучаемый период. Применение разноплановых источников способствовало раскрытию как общих закономерностей, так и специфики данного процесса на длительном историческом этапе, а именно в XVII – первой четверти XIX столетия.

В ходе проведенного анализа автором исследования среди первых были выделены новации в развитии государственной политики по составлению военно-нормативной документации в XVII – первой четверти XIX в. по сравнению с предшествующим временем, которые заключались в следующем: во-первых, были четко определены воинские преступления, а также ответственность за них в мирное и военное время; во-вторых, был конкретизирован состав такого преступления, как государственная измена; в-третьих, отдельно выделены преступления, связанные с причинением насилия и убытков по отношению к мирным жителям; в-четвертых, значительно увеличился ассортимент наказаний, применяемых к военнослужащим; в-пятых, впервые целью наказаний стало не только устрашение, но и исправление наказуемого.

Впервые автором диссертационного исследования доказано, что наряду со следственно-судебными органами в войсках была создана и следственно-поисковая система по поиску беглых военнослужащих, которая просуществовала вплоть до середины XIX века. Также к новизне исследования следует отнести сделанный вывод о создании в пределах Российского государства самостоятельной системы поиска и возвращения беглых солдат, которую со-

ставляли земские старосты и их вооруженные отряды на местах, съезжие избы, куда доставляли всех задержанных.

Указанные положения соответствуют пунктам 2 – Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности, 3 – Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития, 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов, 7 – История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности, 8 – Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития, 15 – Исторический опыт российских реформ Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его содержание и выводы могут способствовать углублению исторических знаний о государственной политике России по укреплению воинской дисциплины и борьбе с преступностью в русской армии в XVII – первой четверти XIX века. Накопленный опыт может оказать существенную помощь современным военным учреждениям государства – военным прокуратурам и военным судам в их работе по консолидации в Вооруженных Силах России правопорядка и воинской дисциплины.

Материалы исследования станут полезными при составлении специальных и обобщающих трудов по истории русской армии, при подготовке сборников документов и справочно-энциклопедических изданий. Результаты диссертационной работы помогут преподавателям высшей военной школы при написании учебных пособий, а также составлении лекционных и практических курсов по отечественной истории, военной истории России.

Методология и методы исследования. Теоретическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и системности, предполагающие изучение процессов и явлений в развитии и взаимосвязи.

При написании диссертационной работы были использованы различные методы. К общенаучным следует отнести: исторический, дедуктивный, индуктивный, системный, логический, анализ и синтез. Так, исторический метод исследования позволил раскрыть многочисленные факты и события в постоянном движении, в динамике; логический метод применялся при составлении выводов и умозаключений работы; индуктивный и дедуктивный методы сделали возможным обобщить большой объем исторических событий, и проследить их действие как в конкретных фактах и явлениях, так и в общих закономерностях; метод объективности позволил автору рассмотреть особенности развития воинской дисциплины в России на основе всей совокупности собранных разнообразных данных.

При изучении, обработке и систематизации фактического материала в диссертации применялись специальные методы научного исследования: историко-сравнительный, историко-системный, историко-генетический, историко-типологический. Историко-сравнительный метод позволил проследить динамику изучаемых процессов, а также провести сравнительный анализ карательной политики государства за военные преступления в различные периоды исторического прошлого Российского государства. При анализе происхождения военных реформ применялся историко-генетический метод. Историко-типологический метод позволил выявить единые тенденции в разнообразии объекта исследования. Причинно-следственные связи и закономерности изучаемых явлений в рамках их исторического становления были отражены при помощи историко-системного метода.

Принятый за основу при построении структуры диссертационной работы проблемно-хронологический метод способствовал определению преемственности большинства проблем в изучаемой теме, последовательно возвращаясь к их освещению в отдельных параграфах работы.

Совокупность примененных в исследовании принципов и методов позволили достигнуть поставленной цели и решить конкретные задачи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Государственная политика по реализации воинской дисциплины и борьбе с военными преступлениями ошутимо проявилась в период реформирования армии в XVII – первой четверти XIX века. Основная власть в армейской среде принадлежала военачальникам, которые имели широкие права по решению вопросов о преступности деяния, совершенного подчиненным, о степени его вины, о виде и мере его наказания.

2. С XVII в. складывается система военных преступлений и мер по их предотвращению, которая нашла отражение в законодательных документах той эпохи. Сами наказания военнослужащих имели характер устрашения и предупреждения.

3. Применяемая в XVII в. розыскная система провинившихся военнослужащих обладала рядом существенных недостатков. Во-первых, она предполагала изначальное глубокое знание военачальником военного законодательства, что далеко не всегда имело место и, соответственно, приводило к субъективности, поспешности в вынесении приговоров и произволу в наказании подчиненных ратных людей. Во-вторых, подобные дела тянулись очень долго, подвергались постоянным отсрочкам. В-третьих, в деятельности военных судов существовали условия для коррупционных проявлений: взяточничество и злоупотребление, отсутствие порядка в судопроизводстве, волокита и т.п.

4. В период правления Петра I было положено начало формированию единой системы, которая включала в себя четкую структуру, комплектование и деятельность в армии, жесткую воинскую дисциплину, определяла военные преступления и наказания за них, а также позволила создать колоссальный и детально сформулированный пласт нормативных документов, ставших в дальнейшем важными первоисточниками для освещения военного дела в русской армии.

5. Выделение самостоятельных органов власти и военно-карательной системы, разделение воинских преступлений от общих, создание военно-

судебной организации позволили усилить контроль над дисциплинарной практикой в русской армии. В середине XVIII в. произошел процесс отделения военно-карательных учреждений от общегражданских, что выразилось, во-первых, в создании в губерниях Военных контор – учреждений, занимавшихся расследованием воинских преступлений и подготовкой дел к заседанию военных судов, во-вторых, полиции было запрещено расследовать дела, связанные с совершением преступлений военнослужащими.

6. Реализованная дисциплинарная практика в войсках, проведенные военные реформы, борьба с преступностью в военной среде позволили русской армии к началу XIX в. стать могущественной опорой во внешней политике, что является подтверждением победы в Отечественной войне 1812 г.

7. Значительную роль в непосредственной реализации государственной политики по укреплению воинской дисциплины, реформированию армии, эволюции законодательной системы в области военного дела и совершенствованию внешней политики России в целом сыграли сами правители и русские полководцы, среди которых Петр I, Екатерина II, Павел I, Александр I, А. В. Суворов, М. И. Кутузов и др.

8. Факторами, способствовавшими успешному претворению в жизнь государственной политики по повышению дисциплины в армейских частях, стало структурирование воинских преступлений и наказаний за них, издание обоснованных и продуманных воинских уставов, установление единого порядка и правил деятельности военной организации в русской армии.

9. В период правления Александра I совершенствование воинской дисциплины и борьбы государства с преступностью в армии свелось к расширению системы наказаний, в том числе и смертной казни, по отношению к нижним чинам; смягчению телесных наказаний, в целом облегчению системы наказаний по отношению к офицерам; созданию арестантских рот. Широко распространялась ссылка, применение которой объясняется стремлением властей использовать провинившихся военнослужащих как рабочую силу в интересах государства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность выводов диссертационной работы определяется репрезентативностью источниковой базы, уровнем анализа литературы и совокупностью научных методов исследования. Основные положения, выводы и практические рекомендации диссертации были представлены на региональных и внутривузовских конференциях и семинарах. По теме диссертации опубликовано 9 научных работ (общим объемом 2,9 п.л.), в том числе – 6 статей в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, утвержденных ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования.

Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, списка иллюстративного материала, приложений.

ГЛАВА I. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РУССКОЙ АРМИИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

§ 1.1. Обусловленность становления воинской дисциплины и процесса определения статуса преступлений в русской армии XVII века

В конце XVI – начале XVII в. Россия переживала сложный период в своем историческом развитии. Окончилось правление династии Рюриковичей, в стране проходила Смута, которую неслучайно историки называют Гражданской войной, ситуация осложнялась открытой интервенцией со стороны Речи Посполитой и Швеции, ухудшалось положение крестьян, расширялось и углублялось крепостное право. В то же время Смута имела и положительные результаты. В 1613 г. сразу после освобождения Москвы от польских захватчиков на царство в России был избран Михаил Федорович, первый правитель из династии Романовых. Шел процесс объединения народов в единую социальную общность, изменялась психология россиян, большую самостоятельность, признание собственных сил приобрели сословия и в первую очередь городское, посадское население страны. В XVII столетии Россия крепнет в качестве единого государства: идет процесс специализации экономических районов, формирования общегосударственного рынка, развивается мануфактурное производство, во второй половине столетия в России начинает оформляться абсолютизм, государство переходит к политике протекционизма. Во внешней политике после завершения Смуты Россия, сохранив суверенитет, свою государственную независимость, проявляла особую активность, направленную на упрочение границ на юге, западе и северо-западе страны. Возвращение Смоленска, побережья Финского залива, стремление к завоеванию выхода в моря становились стратегическими задачами государства. Россия по-прежнему оставалась сухопутной державой, что и определяло ее внешнеполитические предпочтения.

В этой связи, с точки зрения геополитических интересов, Российское государство, долгое время оставаясь сухопутной державой, уже в XVI в. берет курс на завоевание выхода к Балтийскому морю, что предоставляло возможность создания открытого пути в Западную Европу, от чего во многом зависело развитие экономики и культуры страны.

Однако, как справедливо отмечает историк Н. А. Петухов, стремление России к Балтике вызывало отпор как со стороны тех государств, которые должны были поплатиться своими владениями, так и тех, кому выгодно было в торговом отношении держать Россию подальше от свободного выхода в торговый мир Западной Европы. Европейские страны, и в первую очередь Швеция, обладали хорошо обученным войском нового строя. Россия же в это время не имела достойных средств борьбы с Западом⁴².

Русская армия в XVII в. состояла из дворянской конницы, стрелецких и пушкарских полков. Первая несла службу, в основном, на окраине границ государства. Каждое лето на определенных участках границы выставлялись части дворянского ополчения. Стрелецкое войско, как и дворянская конница, делилось на полки, приблизительно по тысяче человек, поэтому их командиры назывались тысяцкими. Эти полки несли гарнизонную службу⁴³.

Пришедшая к власти династия Романовых начинает убеждаться в несовершенстве имевшейся в России военной организации. Первые из Романовых, сознавая необходимость в формировании крепкой армии, приступают к ее созданию, обученную по западному образцу. Так, появляются полки солдат, рейтар и драгун (легкая и тяжелая кавалерия), которые стали называться полками иноземного строя (прил. 1). Для их обучения и военной подготовки русские правители приглашали офицеров из других стран. Сначала данные армейские формирования состояли только из военных представителей зарубежья, иностранцев. С течением времени их численный состав увеличивался, главным образом, за счет русских ратников. В отношении количественного

---

⁴² Петухов Н. А. История военных судов России. М., 2003. С. 17–19.

⁴³ Там же.

состава следует отметить, что в 1632 г. в войсках иноземного строя насчитывалось 9,5 тыс. чел., из которых 6,5 тыс. были русскими, остальные – иностранцами. К концу XVII столетия зафиксирована следующая тенденция: численность армии значительно увеличивалась, а дворянская конница и стрелецкая пехота начали сокращаться. Так, в армии царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) новая конница и пехота составляли порядка 90 тыс. личного состава, тогда как на долю дворянской конницы и стрелецкой пехоты приходилось 60 тыс. чел.⁴⁴

Таким образом, активная внешняя политика России в XVII столетии требовала от органов государственной власти создания боеспособной армии, которая бы могла по военному искусству, оснащению, снаряжению и командованию, если не превосходить европейские страны, то хотя бы находиться на их уровне. Следовательно, в России XVII в. назрела настоятельная потребность в глубоком реформировании армии. Нерегулярные полки иноземного строя нужно было сделать постоянными, что означало запрет на роспуск солдат по домам после завершения похода для занятия ими сельским хозяйством, теперь они должны были сосредоточиться исключительно на военной подготовке. В итоге именно в этот исторический период в России начинает складываться самостоятельная государственная политика, реализующая военную деятельность страны.

История создания и развития армии России неразрывно связана и с укреплением воинской дисциплины, с формированием государственной политики в области принятия законов, регулировавших военные проступки и преступления. Следует особо отметить, что проблема формирования и развития системы наказаний за преступления в российской армии имеет свою давнюю историю. Анализ комплекса источников позволил выявить степень теоретической и практической разработанности этой проблемы. Так, вопросы воинских преступлений и наказаний за них, а также способы и условия применения последних к военным людям, раскрывались в более ранних в срав-

---

⁴⁴ Петухов Н. А. История военных судов ... С. 17–19.

нении с XVII в. основополагающих государственных документах и прежде всего – в «Русской Правде»⁴⁵. Изучаемый вопрос нашел отражение так же и в «Поучении» Владимира Мономаха⁴⁶. В нем, в частности, отмечалось, что воины должны без сетований и пререканий исполнять команды, «при старших молчать, мудрых слушать, старейшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать», но главное – иметь «страх Божий»⁴⁷. В документе даны и наставления: «... на войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает»⁴⁸.

Кроме того, в «Поучении» даны краткие и емкие наставления о покровительстве слабым, недопустимости убийства (вне битвы – К. К.) ни при каких обстоятельствах, об осмотрительности при принесении клятв и необходимости их строгого соблюдения, о почитании и покровительстве духовным лицам, о погибельности различных грехов (гордыни, лжи, пьянства и блуда). По мнению Мономаха, князь должен и у себя дома, и в военных походах лично следить за всеми делами, не полагаясь на слуг и приближенных, контролировать дисциплину в своем войске, соблюдать неприкосновенность иноземных купцов и послов, учиться, – знать другие языки.

В княжеских дружинах соблюдались воинские и походно-бытовые обычаи, а также проходило обучение боевым и житейским приемам, обрядам и установившимся образцам определенных поступков и действий перед боем (схваткой), в бою и после боя, с подробными и строгими наставлениями. Помимо этого, было четко определено, что можно делать, а чего делать нельзя ни в коем случае. С течением времени эту роль стали выполнять вышеуказанные государственные документы, обеспечивавшие формирование у вои-

⁴⁵ Правда Русская: в 3 т. М.-Л., 1940–1963; Юшков С. В. Русская правда. М., 1950.

⁴⁶ Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч. 2. С. 425–457.

⁴⁷ Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 2. С. 133–154.

⁴⁸ Повесть временных лет ... С. 425–457.

нов и дружинников таких важных человеческих и общественно-значимых характеристик, как смелость, мужество, храбрость, исполнительность, отвага, выдержка, смекалка и самообладание. В этих первоисточниках устанавливались и с течением времени закреплялись определенные виды наказаний за нарушение воинской дисциплины, а также виды поощрений за ее неукоснительное соблюдение.

С точки зрения системы управления, отражавшейся на государственной политике, следует отметить, что во второй половине XV – XVI вв. Московская Русь окончательно переросла в Российское государство, во главе которого стоял великий князь (в январе 1547 г. Иван IV принял новый титул – царя), разделявший свою власть с Боярской Думой – высшим органом государства, совмещавшим функции законодательного и исполнительного органов управления. Совместно с царем Боярская Дума утверждала новые налоги и издавала «уставы»⁴⁹.

Возникшие в середине XVI в. земские соборы включали в себя весь состав Боярской Думы, представителей духовенства, дворянства и торговых людей (посадских). Функции центральных государственных учреждений стали выполнять формировавшиеся в конце XV – первой половине XVI в. приказы, бывшие «избы», которые стали осуществлять функции государственных органов на постоянной основе. Они организовывались на основе грамот великого князя (в дальнейшем – царя), имели собственную компетенцию и собственную структуру. Управление начинает строиться не по территориальному, а по ведомственному принципу. Например, Разрядный приказ ведал всеми делами дворянского войска, к полномочиям Поместного приказа относились вопросы поместного землевладения, Большой приход ведал сбором налогов и т.д.⁵⁰ Создание приказов привело к постепенной централизации государственного аппарата, упорядочению его функций и распределению полномочий между государственными органами. Процесс этот занял дли-

---

⁴⁹ *Кравцова Е. А.* Возникновение и развитие органов государственной власти в дореволюционной России // Наука. Теория. Практика. 2015. № 2. С. 47–48.

⁵⁰ Там же. С. 48.

тельное время. «На начальном этапе существования для многих приказов было характерно совмещение судебных, административных и финансовых функций, а также соединение функционального управления с территориальным. Но в целом разветвленная приказная система с ее бюрократическим аппаратом явилась сильным орудием укрепления централизованного государства»⁵¹. В середине XVI столетия отменяется система кормлений и складывается новая, государственная система управления на местах. Кроме того, шел процесс формирования военных сил России, без которых невозможно существование ни одного государства.

К организационным основам государственности относится не только система управления, составной частью которой являются государственные институты власти, обладавшие конкретными функциональными обязанностями и определенными полномочиями, но и нормативная база.

Проведенный анализ как опубликованных, так и архивных материалов предоставил возможность сделать вывод о том, что с середины XVI в. большинство правовых вопросов военно-полевой службы регулировали уже имевшиеся на то время документы, такие, как: принятый на первом Земском соборе при участии Боярской Думы «Судебник»⁵² и «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе»⁵³, составленный известным воеводой М. И. Воротынским (утвержден в 1571 г. решением Думы).

Безусловно, принятие различных документов, отражавших конкретные нормы, связано с изменениями в государственном управлении. Так, реформы органов управления и государственной власти, осуществленные Иваном Грозным, привели к созданию специального войскового образования – опричников – органа среднего между полицией и внутренними войсками. Параллельно с ним формировалось регулярное стрелецкое войско, состояв-

---

⁵¹ История государственного управления России / отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2002. С. 59.

⁵² РГАДА. Ф. 135. Оп 1. Отд. V. Рубр. I. № 4. Л. 1(об.)-8; Судебники XV – XVI веков / под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. М.-Л., 1952. С. 19-21.

⁵³ Сторожевая книга, содержащая росписи сторож на крымских и нагайских сакмах, а также другие документы о сторожевой и станичной службе за 1571–1592 гг.

шее из рекрутируемых крестьян и свободных людей, числившихся на государственной службе в Стрелецком приказе. По действовавшему Уложению за службу полагалось денежное и хлебное жалованье⁵⁴. Военная служба дворян регламентировалась в изданном в 1556 г. «Уложении о службе», по которому начинать служить дворянин мог с 15 лет, служба оплачивалась денежным жалованьем и хлебным довольствием. За службу дворянин получал от 150 до 450 десятин земли (десятина – 1,09 га), и с каждой десятины они обязаны были выставлять в пользу государеву одного воина с лошадей и вооружением⁵⁵.

В XVII в. наряду с укреплением самодержавия совершенствовался и одновременно усложнялся аппарат власти, появилась бюрократия, что отразилось, например, в количественном увеличении (по различным версиям от 50 до 80 и более) центральных государственных учреждений – приказов, отличавшихся друг от друга величиной и значением: от общегосударственных ведомств со сложной структурой и большим числом должностных лиц (Посольский, Разрядный, Поместный) до карликовых учреждений со скромными функциями и составом (Панихидный приказ)⁵⁶. Изменяется и система местного управления.

По мере развития государственного управления в России, а также формирования отдельных органов власти, вопросы регулирования военной службы нашли отражение в ряде уставов, определявших как военную службу, так и ее законодательные основы. К ним относятся: «Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»⁵⁷ (составлен дьяком Посольского приказа О. Михайловым в 1621 г., напечатан с рукописи,

---

⁵⁴ Послания Иоганна Таубе и Эперта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 39.

⁵⁵ Мосин О. В. Возникновение правоохранительных органов на Руси // Самиздат: Электронный журнал. 2006. Октябрь. URL: http://samlib.ru/o/oleg_w_m/cdocumentsandsettings/olegmoidokumentyistorijaobrazowanijaprawoohranitelxnyhorganowrossijskojferft.shtml (дата обращения: 12.03.2015).

⁵⁶ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 52.

⁵⁷ Радищевский О. М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки: Состоящий в 663 указах, или статьях, / В государствовании царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым: в 2 ч. М., 1777–1781.

найденной в 1775 г.), «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»⁵⁸ (1647 г.) и др.

«Устав ратных, пушечных и других дел ...» («Устав ...») рассматривал преступления и наказания за них для пушкарей, как особой категории служилых людей того времени. С этой целью в него была введена специальная глава «О статейной росписи пушкарей». В данной главе содержалось 29 статей, в которых определялись виды нарушений воинской дисциплины и служебных преступлений. К нарушениям воинской дисциплины относились: неисполнение приказа, ослушание, оставление самовольно службы, насилие над обывателями (местными жителями) и некоторые другие виды нарушений. Все нарушения воинской дисциплины должны были разбираться пушкарским головой «по обстоянию дела». Что касается служебных преступлений, то к таковым причислялись: отлучка от пушки для грабежа; допуск к пушке (запалам) посторонних, невыполнение обязанностей по должному содержанию пушки; утрата положенных для ведения стрельбы принадлежностей; разглашение тайны, поднятие ложной тревоги, невыполнение приказа, подстрекательство к мятежу и др. Согласно «Устава ...», как правило, по служебным преступлениям виновному (или виновным) устанавливалась смертная казнь. При этом «пушкарский голова» (или «особый пристав») должны были задержать преступника и незамедлительно выдать его на суд «смотря по делу»⁵⁹.

Однако, как известно, этот сборник не является российским произведением, во всяком случае, не может интерпретироваться как полностью русское сочинение, что становится явным даже из его заглавия⁶⁰. Вместе с тем, необходимо отметить, что в «Уставе ...», несомненно, имеется и значительный личный вклад автора, стремившегося как можно качественнее адаптировать

⁵⁸ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 год. СПб., 1904.

⁵⁹ *Богоявленский С. К.* О Пушкарском приказе: сб. статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 362; *Обручев Н.* Обзор рукописные и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1854. С. 28.

⁶⁰ *Лобин А. Н.* Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 24–38.

его к отечественным реалиям, к российской практике. По неизвестным причинам «Устав ...» так и не был издан, а его рукопись была найдена только в 1775 г. и напечатана по приказу Светлейшего князя Г. А. Потемкина, но не в полном виде, а по частям: в 1777 г. – 1-я часть, содержащая 210 указов (статей); в 1781 г. – 2-я часть под измененным заглавием – «Старинный военный устав ратных, пушкарских и других дел»⁶¹.

Тем не менее, «Устав ...» (в его «... статейной росписи пушкарей») предоставляет уникальную возможность увидеть одну из первых попыток ввести в войске единую и вполне стройную организационную основу, пусть и построенную на частичном заимствовании от западноевропейских государств⁶².

Восстанавливая историю развития воинской дисциплины и системы наказаний за военные преступления, которые определены в данном документе, важно отметить, что он не является простым и формальным переводом какого-либо из европейских кодексов, а представляет из себя достаточно обширную компиляцию из различных законов и правил, причем наибольшее сходство, применительно к воинским наказаниям, отмечается с постановлениями императора Священной Римской империи Максимилиана I⁶³. Что касается самой системы наказаний за воинские преступления, то она была несложной, в полном соответствии с реальной действительностью того исторического периода времени. Так, наиболее распространенным наказанием, можно сказать – вполне заурядным и обыденным, была смертная казнь, что становится совершенно понятным при господстве в рассматриваемый исторический период общей идеи – устрашения. Это наказание («по заповеди казни смертные») должно было заставить военных всех рангов относиться к своим прямым должностным (в том числе и «пушкарским») обязанностям с

---

⁶¹ Кочетков Л. Из истории уставов русской армии (XVI – XVIII веков) // Военная мысль. 1954. № 3. С. 42–57.

⁶² Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 25–26.

⁶³ Шендзиковский И. А. Конспект лекций о материальных военно-уголовных законах иностранных государств. СПб., 1886. С. 14–15.

полной отдачей, усердием, осмотрительностью и даже с терпением, так как в «Уставе ...» предусмотрено: «Да будет случится, что платеж денежный не успеет на реченный срок, и им месяц времени в терпении пребыти; а смуты и всполоху ни какова в том не учинити, по великому и жестокому наказанию»⁶⁴. В случае, если кто-то совершал какое-либо действие, содержащее нарушение должностных обязанностей или способствовавшее таковому: отлучку от пушки или с места расположения, допуск посторонних лиц к пушке (запалам), утрату специальных приспособлений и принадлежностей, пьянство при выполнении служебных обязанностей и т.п., то того воина, для примера и в назидание остальным, безусловно и неотвратно должны были подвергнуть суровому (но на то время достаточно обыденному) наказанию, как сказано в «Уставе ...», «по вышеименованной заповеди и указу». Смертная казнь, в терминологии самого «Устава ...», называлась или «наказанием великим»⁶⁵, или «наказанием смертным»⁶⁶. Стоит отметить, что в «Уставе...» не упоминаются какие-либо виды смертной казни и способы приведения приговоров в исполнение, поэтому некоторые предположения в этой области являются вполне допустимыми.

Телесное наказание «Устав...» называет «наказанием животным». С точки зрения содержания документа, следует заметить, что в нем дается следующее толкование этого вида наказания: «...а изымут, поведут его в свой приказ на суд, с суда укажут наказание смертное ли или животное, по обстоятельству дела». Что же касается форм применения этого наказания «Устав ...» не разъясняет, а лишь отмечается, что в войске практиковался и такой его вид, как «посаждение в железа»⁶⁷.

В то же время, по «Уставу ...», лишение военнослужащего чина или службы представляло собой такой вид воинского наказания, которое не имело целью общего устрашения. По своему внутреннему содержанию данное

---

⁶⁴ Устав ратных, пушечных и других дел. СПб., 1777. Ст. 330.

⁶⁵ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. С. 27.

⁶⁶ Устав ратных, пушечных и других дел. СПб., 1777. Ст. 10.

⁶⁷ Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. С. 59–62.

наказание являлось только видом отчисления с позором из войска за личные деяния, несовместимые со служебными обязанностями воина. Достаточно четко это определено 2-й статьей «Устава...». В ней, в частности, говорится следующее: «... который пушкарь дома имеет свою законную жену и детей и похочет со иной в нечистоте пребыти, и ее у себя держати, блуда ради, и тот своего чину и службы лишен и доведется его с бесчестием снаряду и от товарищей его отженути»⁶⁸.

Само наличие идеи устрашения в армии того времени создавало общую неопределенность государственной карательной политики. На этом основании «Устав...», неточно регламентируя меру и форму наказания, предоставлял возможность осуществления идеи устрашения в максимальном объеме: «по наказанию достойному», «по наказанию великому», «по великому и жестокому наказанию», «без пощады», «чего кто довелся», «смотря по делу»⁶⁹. Следовательно, можно сделать вывод, что простая и незамысловатая карательная система «Устава...», не всегда четко регламентировавшая многочисленные разновидности военных преступлений, безусловно, имела осложнения в практическом применении наказаний к виновным.

В результате, уже в начале XVII в. Российское государство однозначно определяло воинское наказание законным средством для достижения необходимых государству целей военной организации – устрашения. С точки зрения формы применения того или иного вида наказания, то вполне очевидно, что военные начальники, осуществляя свои правовые функции, использовали уже готовые формы, применявшиеся в данный исторический период, а также сообразуясь с прецедентами, историческими сложившимися традициями, обычаями, в которых функционировала общая карательная практика того времени⁷⁰. Так, по мнению профессора Н. Д. Сергеевского, в выборе форм казни при назначении их за отдельные военные преступления решающим

---

⁶⁸ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. С. 28.

⁶⁹ Устав ратных, пушечных и других дел ... Ст. 17, 20, 25.

⁷⁰ Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1888. С. 97.

моментом в большинстве случаев являлись различные практические побочные соображения, а не само совершенное преступление или степень виновности военнослужащего⁷¹.

Преступления и соответствующие наказания, связанные со сторожевой и караульной службой войска, определял устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»⁷². Все виды преступлений в сторожевой, караульной и гарнизонной службе, согласно «Учению...», строго подразделялись по степени их значимости. Вот, например, некоторые из них:

– несение службы на «часах» пьяным. В случае обнаружения «на стороже» часового или подчаска⁷³ в состоянии алкогольного опьянения предписывалось неукоснительно «в тот час профосу в руки дати, и велети его иным на образец жестоко наказать, потому что за пьянство на стороже доведется наказание чинити»;

– за неисправное оружие у часового наказанию подлежал не только провинившийся: «...и за то не токмо что одного солдата, но сержанта за профоста дати, и железами наказать велети»;

– за нарушение правил несения службы в карауле, которыми предписано: на «отводной стороже» (т.е. – в передовой линии войска) никого не пропускать ни под каким предлогом, «хотя друг или недруг», «знакомого и незнакомого, и ни малого и не великого урядника». «А будет сторож мимо того учинит», – при нарушении часовым этих требований, предписывалось «...его деревом бити, иным во образец и за профоста его посадити»; «...всякому солдату, стоя на отводной стороже, за смертною казнью нощию к себе никого не пропускати, еще и меньше того, кто он ни есть из стану в стан не пропускати, без корпоралова ведома, и тому ему известити, и тот его велит обыскати»;

– объявление тревоги (набата) без необходимости: «Да всякому солдату за смертною казнью заказывают, чтобы даром без надобья сполуху не чини-

⁷¹ *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1888. С. 97.

⁷² *Калашников И. А.* Обучение и воспитание в российской армии (XVII–XIX вв.) // Сборник лекций Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. М., 1993. С. 27.

⁷³ Подчасок (воен., устар.) – помощник часового в карауле.

ти, только по надобе многожды остерегати и розъсужати, потому, что такую мерою многая солдаты могут неповинно в наказании быти, потому, что бывают недруги когда они видят, что мало свести мохут, и они часто нарочком ненадобныя бездельныя сполохи делают, чтобы тем супостата своего не только что измотати, но и теми многими бездельными сполохи, супостат своих исполошит, что напоследках сполохов почитать не станут»;

– за неукомплектованность личного состава караула до штатной численности ответственность несли и офицеры, так, в данной ситуации капитан (а это командир роты (компании)) подвергался «жестокому наказанию»⁷⁴.

Как можно увидеть даже из вышеприведенных примеров из данного документа, уже к 1647 г. в Российском государстве вполне четко обозначилась система военных преступлений и наказаний за них.

Помимо этого, на формирование системы военных преступлений и наказаний за них, оказал влияние и устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», в котором уже содержатся требования о соблюдении конкретных военных норм. Так, например, в общем требовании указывалось: «ратному человеку надобно быть зеркалу учтивости, чести и чувству»⁷⁵. Затем дается недвусмысленная установка о том, что как исполнитель государственной воли и представитель государственной власти, военный человек, независимо, простой это ратник или «начальный человек», обязан быть строгим охранителем и ревнителем «государевой чести» и «службы ратных людей». Он, как государев человек, обязан предупреждать всяческую измену, никоим образом «никого не грабити и не побивати» никому и нигде не чинить «насильства и убытка, <...> заботиться о предупреждении побегов и не отпускать никого со службы без государева указа»⁷⁶. При нарушении правопорядка, установленного в войске, военнослужащих отстраняли от исполняемой должности. Так, например, в царских грамотах воеводам на Корочу от 9

⁷⁴ Калашников И. А. Обучение и воспитание в российской армии ... С. 47.

⁷⁵ Барабанщиков А. В., Иванов В. Н. История отечественной и зарубежной педагогики. М., 1994. Т. 3. С. 10–15; Мышлаевский А. З. Петр Великий, военные законы и инструкции // Сб. военно-исторических материалов. Вып. IX. СПб., 1894 и др.

⁷⁶ Там же.

января 1648 г. отмечалось: «били челом <...> казаки и стрельцы <...> на сотника, что им налога большая и разорение велико». Велено было произвести строгий сыск, и если челобитная найдет подтверждение, то виновному указано: «в сотниках быти не велеть»⁷⁷. Таким образом, из документа можно увидеть, что служилые люди представляли собой олицетворение государства, а, соответственно, они были носителями его воли. Следовательно, формируя систему военных преступлений и наказаний, власть организационно, в том числе нормативно определяла государевых людей, государеву службу, политику государства. Военные силы страны – это то, без чего невозможен суверенитет государства, поэтому изначально одним из главных направлений государственной политики России было создание четко организованной, профессиональной и дисциплинированной армии, что делало необходимым правовую разработку системы военных преступлений и наказаний за них.

Постепенно росли требования к знаниям военных норм и правил военных людей в войске. От командиров всех степеней требовалось знание нормативных документов и умение своевременно и к месту применять эти знания в их непосредственной служебной деятельности. Однако, при наличии такого обычая, как «местничество», знания и опыт командиров (или в терминологии того времени – «начальных людей») практически не имели никакого определяющего значения при выборе кандидатов для назначения на командные должности⁷⁸. В итоге местничество и было отменено в XVII в. (1682 г.), что подтверждает большую озабоченность государства о формировании в России боеспособной армии в указанный исторический период. Кстати, не следует забывать и о том, что соответствующие военные силы страны необходимы были власти не только для решения внешних военных задач, но и в целях их эффективного применения внутри государства. В этой связи уместно будет напомнить об использовании Вооруженных Сил при подавлении крестьянских войн и увеличившегося

---

⁷⁷ Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям. // Сообщ. соревнователем О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те Ф. Зайцевым. М., 1859.

⁷⁸ *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV – XVII веке. Одесса, 1888. С. 57; *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. М., 2009. С. 45 и др.

количества восстаний народных масс (Соляной, хлебные, Медный бунты, крестьянская война под предводительством С. Разина и др.). Таким образом, наличие проанализированных выше документов дает основание сделать вывод о том, что в этот период закладывались основы российской государственной политики в области нормативно-документационного регулирования военного дела.

Первый известный законодательный документ в истории Русского государства, в котором была предпринята попытка обобщить все основные нормы, регулировавшие и вопросы, относящиеся к военной службе, известен как «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. (прил. 2). Положения, относящиеся к военным делам, сведены в нем в VII главу – «О службе всяких ратных людей Московского Государства»⁷⁹. Это был существенный шаг вперед с точки зрения государственной идентификации системы военных преступлений и наказаний. Однако, в течение последующих практически пятидесяти лет, военные законы вновь как бы «растворяются» в различных многочисленных «царских указах» и «боярских приговорах»⁸⁰.

Следует отметить, что в «Уложении» для ратных людей были определены такие виды наказаний, как: смертная казнь (около 60 статей); телесные наказания: наказание кнутом (в 140 статьях «Уложения»); в качестве мер дисциплинарного взыскания указаны следующие разновидности наказания: пытка, битье батóгами (два вида: простое и «нешадное»); заключение в тюрьме: заключение срочное (начиная от одних суток до четырех лет); заключение бессрочное (пожизненное) и заключение «до государева указу», «на сколько государь укажет» или до предоставления поручительства; ссылка: на службу «в какую кто годится», «на пашню» (практически исключительно в Сибирь), «в посад» (ссылный приписывался к посадским тяглым людям в том месте, которое было назначено местом ссылки).

---

⁷⁹ Соборное Уложение 1649 г. Глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» // Исторические источники по истории России XVIII – начала XX в.: Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/1649/7.htm> (дата обращения: 15.11.2015).

⁸⁰ Сидоркин А. И. Определение наказания за преступления против жизни и здоровья в Соборном Уложении 1649 года // Российский юридический журнал. 2005. № 3. С. 137–143.

Практически, само «Соборное уложение» 1649 г. так же, как и «Устав...», стоит на единой точке зрения в отношении к задачам наказания военнослужащих. Отличие заключается лишь в том, что в то время, как «Устав...» строит карательную систему практически только на принципах внутреннего соответствия между совершенным преступлением и положенным за это наказанием (или «смотря по делу»), «Уложение» исходит из общих принципов.

«Уложение» ставит целью карательной деятельности не угрозу законом, а осуществление неизбежного воинского наказания. Исполнением таковой угрозы государство предполагало удержать от возможных нарушений предполагаемых нарушителей, внушая им реальный ужас, и именно ритуал исполнения кары должен был «поражать своим видом, уничтожая преступника и его преступную волю»⁸¹. Именно отсюда проистекает жестокость средств и методов борьбы с потенциальными нарушениями среди «ратных людей», целая серия «членовредительных осложнений» при лишении жизни, перманентное развитие «пугающих воображение воинских наказаний». Государство понимало, что вооруженную массу ничем иным в повиновении удержать невозможно, кроме как смертной казнью, батóгами, обрезанием носа и т.д. На той основе и была построена военно-карательная система всего «Уложения»⁸².

В целом, за воинские преступления смертная казнь была предусмотрена на всего лишь за шесть, но весьма серьезных преступлений:

- за участие в вооруженном бунте (или подстрекательство к таковому);
- за возмущение в войске;
- за государственную измену;
- за сдачу крепости или города;
- за прием иноземных людей для измены или сношение с неприятелем.

⁸¹ *Фалеев Н. И.* Цели военного наказания: дис. ... на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровской Военно-Юридической Академии. СПб., 1902. С. 188.

⁸² Приведенная система наказаний основана не только на «Уложении...», но и на других указах XVII столетия (См.: *Бобровский П. О.* Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве в России. СПб., 1882. С. 14).

Позже, как отмечает М. П. Розенгейм, смертная казнь была установлена и за уклонение от службы⁸³.

Ритуал подготовки к смертной казни и ее исполнению был обставлен исключительно торжественно, этот акт должен был, с одной стороны, «устрашать товарищей виновного», а с другой стороны – продемонстрировать даже в этом событии суровую мощь государства (и армии) в глазах противника, так как строго предписывалось преступника «повести против неприятельских полков»⁸⁴.

Наиболее распространенными наказаниями за воинские преступления стали: телесные (кну́т и бато́ги), лишаящие или ограничивающие свободу (заключение в тюрьму или ссылка в украинские крепости (городки) и Сибирь); «правопоражающие» (снижение в служебном разряде, «выдача обиженному головой», «написание в разрядных книгах порочным»); денежные взыскания и начеты (отобрание поместий, дач и вотчин, конфискация всякого рода имущества, уменьшение выдаваемого жалованья и денежного взыскания)⁸⁵.

В допетровский период ссылка применялась как мера административного характера⁸⁶. Основными регионами ссылки были Астрахань и населенные пункты Сибири, где ссылным – литвинам, немцам и прочим – предоставлялось впоследствии право поступать на царскую службу и получать жалованье⁸⁷. Применение этих мер объясняется естественным желанием вла-

---

⁸³ Уклоняться от службы, по смыслу указов, могли не только солдаты, но и боярские люди, в походах. К ним применяли, как правило, повешение (См.: 1-е ПСЗ РИ. Т. I, № 127, 143, 150, 224, 253). Иногда казнили не всех пойманных (например, в указе 1655 г. (1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 151) говорится: «... и которого двора приведут боярских холопей человек двадцать или тридцать, и из того двора велено повесить человек шесть или пять, или четыре, а из которого побегут человек десять или пять и тем велено чинить наказание, смотря по тамошнему делу, а чтобы без трех или без двух человек, или одного не повеся не было»). Впоследствии смертной казни подвергались и укрывавшие дезертиров (См.: *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 28–29).

⁸⁴ *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 123.

⁸⁵ *Фалеев Н. И.* Цели военного наказания ... С. 208.

⁸⁶ Там же. С. 197.

⁸⁷ *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. С. 5-7; *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М., 1946.

стей использовать ссыльных как рабочую силу в интересах государства. Такой принцип сразу получил распространение – помимо военнопленных ссылку начали распространять и на преступников⁸⁸. И, если в «Соборном Уложении» 1649 г. ссылка упомянута 11 раз, то к завершению XVII в. количество случаев ее применения существенно возрастает. Последовательные указы распространяют ее и на уклонение от военной (или иной царской) службы в форме побега или неявки на нее⁸⁹. Этот вид наказания становится распространенной мерой за самые разные виды преступлений. Небезызвестный Григорий Котошихин, бывший подьячий Посольского приказа, среди прочих сведений отмечал, что подвергались опале и ссылке за нарушение своих служебных обязанностей и полковые воеводы⁹⁰.

Формы и виды ссылок отличались значительным разнообразием, как и время, на которое ссылали наказанных или опальных. Власти, в течение, практически, всего XVII в. активно меняли их формы и виды, стремясь выявить наименее затратные, но наиболее всего способствовавшие извлечению выгоды для казны из наказания преступников. Соответственно, и территория для ссыльных, с одной стороны, расширялась, а с другой – проявлялась определенная забота государства о лучшей организации ссыльного населения. Так, доктор исторических наук А. А. Иванов пишет, что к 1662 г. в Сибири насчитывалось 7 тыс. 400 ссыльных. Однако с течением времени их количество постепенно возрастало, и к началу XVIII в. в Сибири насчитывалось около 20 тыс. ссыльных. Их доля в составе русского населения составляла в 1662 г. 1,5 %, в начале нового века – 8,6 %⁹¹.

Юридическое положение ссыльных определялось как ссылка на службу в Сибирские, Астраханские и другие дальние города и крепости. В указе о

⁸⁸ *Иванов А. А.* Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1(27). С. 42-51.

⁸⁹ *Фалеев Н. И.* Цели военного наказания ... С. 197.

⁹⁰ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 43.

⁹¹ *Иванов А. А.* Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1(27). С. 44.

ссылке, как правило, указывалось, за какое преступление или вину ссылают, определенное место ссылки, род службы и «чин» виновного, понимая это как наименование должности или служебного положения. По месту ссылки наказанные вписывались в соответствующее рангу ссыльного сословие: в дети боярские, дворяне, стрельцы или в казаки. Как отмечает в своей работе Г. Котошихин, у ссыльного род службы, как правило, соответствовал прежнему его общественно-социальному положению⁹². Это положение неоднократно подтверждалось Указами и грамотами XVII в., за его нарушение местным воеводам грозило наказание⁹³. Однако нередко для ранее высокопоставленных лиц практиковалась ссылка с «правопоражающими последствиями» в виде понижения в ранге или разжалования⁹⁴. Довольствие ссыльных производилось, как правило, от государства или на общих основаниях с командами стрельцов или с некоторыми ограничениями.

Таким образом, государство, отправляя в ссылку, преследовало одну главную цель – освобождение войска от преступного элемента, что в целом позволяло властям обеспечивать достаточный уровень правопорядка и дисциплины войска. Кроме того, ссыльные военнослужащие активно использовались в государственных интересах, охраняя границы страны, невольно «подпитывая» квалифицированными военными кадрами воинские отряды и вовлекаясь в систему создаваемого там прочного военного оплота.

В ранний петровский период, власти, как и прежде, ссыльных военнослужащих привлекали на военную службу⁹⁵. Однако, в этот период из-за грандиозных планов работ по возведению крепостей и заводов, строительству портов и различных сооружений военного назначения и при острой нехватке работников в устройство и формы ссылки было внесено много нового,

⁹² «Из приказов Казанского и Сибирского ссылаются в вечное житье всякого чину люди за вины, а тех ссылочных людей в тамошних городах верстают в службы, смотря по человеку» (См.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича ... С. 73).

⁹³ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 562.

⁹⁴ Гетман Демьян Многогрешный сослан на службу в простые казаки (См.: *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века ... С. 238).

⁹⁵ *Бочков А. Ф.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской Армии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 32.

был существенно расширен перечень ее видов. В эту эпоху ссылка приобрела уже более привычный по описаниям, подневольный, обязательный каторжный труд⁹⁶. Характерной чертой данной эпохи является частая замена ссылки на каторжные работы в целях извлечения из наказания преступников максимальной пользы.

Первоначально пунктами каторжной работы являлись: Азов и Троицк, впоследствии были добавлены: Таганрог, Рогервик (совр. Палдиски – К. К.), Кронштадт, и, конечно же, Петербург. В силу военной или государственной необходимости создавались временные места ссылок, например – Олонецкая верфь, Галерная гавань в Петербурге и т.д.

По массовости применения ссылка в каторжные работы была достаточно «демократичной»: на каторгу отправлялись «люди разного звания и чина» за мздоимство, растраты, проматывание казенного имущества, за разбой или кражу; военнопленные за побег; «недосмотр за лесами и другие вины, преступники за побег с Олонецкой верфи <...> за похищение Его Царского Величества казны, за обмен парусов, за фальшивую подпись под руку генерала, за прием краденого, за продажу мундира и бросание государственная палата, за членовредительство, за воровские пропускные письма, за "приезд к капитану в неуказные часы"»⁹⁷, также и за многое другое по решению властей. Именно ссылка для государства становится неотъемлемым инструментом по устранению от общества неугодных людей, в том числе и военных.

Сроки ссылки на каторгу отличались неопределенностью: или до указа (наказание оканчивалось в тот момент, когда был получен соответствующий об этом указ), или, если по указу, в точно определенный в указе срок, определяемый или «вечно», или на период: 1, 2 года, 5 или 10 лет, или даже в дробных числах, например, «4 года 5 мес. и 12 дней»⁹⁸.

---

⁹⁶ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М., 1946.

⁹⁷ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 198–199.

⁹⁸ Богданов В. Я. Ссылка и ее применение. М., 1980. С. 19–20.

В зависимости от государственных или военных надобностей ссыльных могли перемещать для работ из одного места в другое. Из центральных губерний ссыльных отправляли на северо-запад – в Петербург, Рогервик и т.п. Аналогичные перемещения производились и в другие места ссылок, где увеличивался или изменялся объем работ, например: «прислать артиллерийского ученика с каторги на пушечный двор для работы и послать на пушечный двор, ради всякой артиллерийской работы, всех артиллерийских служителей, осужденных на каторгу в вечную работу или на урочные годы»⁹⁹. Сами работы отличались значительным разнообразием, причем их тяжесть, как и условия их выполнения, во внимание практически не принимались.

Одним из первых обратился к вопросу о положении ссыльных военнослужущих М. П. Розенгейм. Изучив документальные источники Военной коллегии, он сделал вывод: «...ссылка на каторгу или на галеры не влекла за собой окончательного поражения всех прав не только состояния, но и служебных»¹⁰⁰, но более того: «...осужденные в каторгу или на галеры, по окончании сроков, возвращались в войска и при том не только низшие чины, но и офицеры, теми же чинами, в каких постигло их осуждение»¹⁰¹. Находясь на каторге, государство позволяло ссыльным продолжать числиться «чинами». Обстоятельство это вполне определенно указывает на то, что при отбытии срока наказания они не теряли своих служебных (и сословных) прав, что впоследствии позволяло им вернуться к прежней повседневной жизни.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что для военнослужущих, не всегда и не для всех, ссылка имела ограничительные последствия служебного или общего характера. Как показало проведенное исследование, в научной литературе и исторических источниках нет указаний на то, что ограничение имевшихся прав ссыльных всегда было необходимым последствием наказания.

---

⁹⁹ Березина О. Б. Нерчинская каторга в России в конце XVIII – начале XX вв. Тамбов, 2006. С. 38–39.

¹⁰⁰ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 125.

¹⁰¹ Там же.

И, хотя военнослужащие, как было указано выше, в той или иной форме отбывая ссылку, продолжали именоваться прежними чинами, но при этом они не пользовались в действительности преимуществами своего чина или звания. Все ссыльные военнослужащие (солдаты, матросы, казаки, офицеры) числились в подневольном положении или «каторжными невольниками». На каторге не существовало каких-либо отдельных помещений для военнослужащих разного ранга. Кроме того, все виды довольствия для ссыльных были одинаковы. Следовательно, для военнослужащих было исключительно одно, но весомое преимущество – это возможность вернуться на службу в прежнем чине.

Положение ссыльных оставалось неопределенным и для современников. Так, содержание праволишений при ссылке было определено указом Военной коллегии лишь в 1721 г.: «Которые офицеры и рядовые по кригсрехтам¹⁰² и конфирмациям подлежат будут телесному наказанию и ссылке на каторгу, и таковым чиня наказание такое: которые приговорены будут на каторгу в вечную работу с наказанием, тех бить кнутом, а которые на урочные годы, тех гонять шпицрутен, а кнутом не бить, чего и по кригсрехтам их не приговаривать для того, что, ежели по прошествии урочных лет оные освободятся, то за таким пороком, что были в кацких руках, невозможно их в прежнюю употреблять службу»¹⁰³.

Следовательно, последствия ссылки находились в прямой зависимости исключительно от формы телесного наказания виновного. Поражение в правах было в виде лишения чина, а телесное наказание – в виде наказания кнутом, прогнание через шпицрутены, «поротия ноздрей». Однако государство позволяло поступать бывшим осужденным на службу заново – в качестве рядового.

В назначаемых телесных наказаниях между наказанием кнутом и наказанием батóгами была значительная разница: батóги иногда и соединялись с тюрьмой, но могли назначаться дисциплинарной властью начальника (как и шпицрутены), кнут же являлся, пожалуй, наиболее распространенным из

---

¹⁰² Кригсрехт (уст.воен.) – Военный суд.

¹⁰³ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 200.

всех средств, применявшихся по приговору суда к виновным, но, как правило, кнут редко был самостоятельным видом наказания, им «дополняли» те или иные праволишения¹⁰⁴. Из исключительно воинских правонарушений кнут мог быть назначен в случае побега, неявки на службу, оскорбления начальника, мздоимства, кражи оружия и т.п. Применялся он так же при рецидиве и в случае особо тяжкого нарушения воинской дисциплины. Так, например, за первый побег полагалось наказание кнутом; за повторный побег – кнут, денежный штраф и уменьшение поместного оклада; за третий побег – кнут и изъятие поместья. Неявка на службу влекла за собой наказание кнутом и отобрание вотчин; за бесчестье – кнут и тюрьма на срок в две недели, мздоимство – кнут и ссылка.

Воинские наказания, направленные против свободы, по «Уложению» преследовали аналогичные цели устрашения. Самой распространенной и более отвечавшей целям устрашения логично считать серию «правопоражающих» наказаний. По условиям построения и организации военно-служебного быта положение военнослужащих в Московском государстве было встроено в особую, военно-поместную систему¹⁰⁵. При системе местничества уголовная кара за воинские преступления в виде понижения по службе (пусть и временное), являлась надежным средством против нарушителей воинского правопорядка. На практике эта система заключалась в перемещении по разрядам из высшего в низшую ступень: «из стольников – в городовые дворяне; из выбора и дворового – на службу с городом; из полковой службы – в рейтары¹⁰⁶ и копейщики или даже написанием в пешую службу в солдаты»¹⁰⁷.

Одним из распространенных в полках сдерживающих средств, в рамках системы местничества, являлась «выдача головой обиженному», считавшееся чрезвычайно позорящим виновного и его род наказанием. К начальствующим лицам за служебные нарушения могло применятьсяписание в разряд-

¹⁰⁴ *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века ... С.147–171.

¹⁰⁵ *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке. 2-е издание. М., 1937. С. 26.

¹⁰⁶ Рейтар (нем. Reiter – всадник) (ист.) – солдат наемной кавалерии в Европе в 16–17 вв.

¹⁰⁷ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 260, 1-е ПСЗ РИ. Т. II. № 1042, 1097, 1218, 1313, 1327.

ных книгах «порочным», в этом случае к имени наказанного в списке писали соответствующий предикат – «ябедник», «клятвопреступник», «клеветник», «бездушник», «вор» и др.¹⁰⁸

Подобным образом государство преследовало задачу устрашения, стремясь ее применением отбить как у виновного, так и у остальных окружающих охоту к нарушениям. Считалось, что такое воздействие должно достигаться устрашением – исполнением карательной угрозы, с тем, чтобы предупредить рецидив¹⁰⁹.

«Уложение» предусматривало за воинские преступления также и денежные наказания. При развитии поместной системы в Московском государстве такой вид наказаний получил широкое распространение, так как относился к оперативным и действенным результатам. Власти, давая людям какие-либо блага, требовали взамен от них полного подчинения, в том числе и военному правопорядку, так как раздача таких благ посредством земельных наделов (вотчин, дач, имений) обуславливалась этим подчинением, и отнимая их у виновного, правитель-законодатель делал упор на основные жизненные ценности этого человека.

Главным денежным взысканием являлась конфискация у служилых людей государства поместий, дач и вотчин, как полностью, так и определенной их части¹¹⁰. Наказание лишением вотчин нередко назначалось в виде уголовного сопровождения к смертной или торговой казни, битьем кнутом, ссылке и др.

Так же к этому виду наказаний можно отнести и уменьшение выдачи жалованья или полное лишение такового. Подобное наказание назначалось как на все время нахождения виновного на службе, так и на определенный властями срок. Денежная пеня или начет также являлись дополнительным

---

¹⁰⁸ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 54–55.

¹⁰⁹ Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства / сост. В. Савинковым. СПб., 1869. С. 87.

¹¹⁰ Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века ... С. 258–276.

взысканием. Однако достаточно редко они назначались и отдельно, их величина могла составлять от 1 до 500 руб.¹¹¹

При этом достаточно интересным было положение о денежных начетах, которые применялись по истечении определенного срока времени. Так, например, они не взыскивались во время военных действий или сборов ратных людей¹¹². Это наглядно демонстрирует, насколько в Московском государстве ценился принцип целесообразности при наложении воинского наказания.

Можно сделать вывод, что «Уложение», имея целью воинских наказаний устрашение, вместе с тем являлось, пожалуй, одним из наиболее мягких нормативных документов своей эпохи.

По всей видимости, главным недостатком «Уложения» было отсутствие конкретных военных санкций, из-за чего формулировки «наказать по указу», «по вине», «по рассмотрению» приводили к злоупотреблениям правами карательной власти со стороны военачальников всех рангов.

Общим характерным признаком наказаний за военные преступления являлось устрашение и, как следствие, – публичный характер приведения их в исполнение. С этой целью ритуал приведения наказания (а особенно казни) в исполнение обставлялся грозно и даже, можно сказать, своеобразно-торжественно, поскольку имел поучительный характер.

Ряд исследователей в своих трудах отмечают, что на законодательство России XVII в., в том числе и на военное законодательство, серьезное влияние оказали положения Византийского и Монгольского государств¹¹³, тем самым делается попытка объяснить жестокость и разновидность наказаний. Однако не стоит забывать, что подобные и даже гораздо более жестокие

---

¹¹¹ *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 55.

¹¹² Там же. С. 57.

¹¹³ *Попов П. С.* Яса Чингисхана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1907. Т. 17. С. 150–164; *Vernadsky G.* The scope and contents of Ching is Khan's Jasa // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1938. V. 3; *Перетерский И. С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956.

наказания и способы приведения казни в исполнение имели место и в европейских государствах той эпохи.

Вполне естественно, что согласно «Уложению», карательные меры были предусмотрены как для рядового, так и для командного состава, однако в нем предусмотрены большие полномочия в карательной политике военачальникам разных степеней, что вполне соответствовало реалиям эпохи, так как судебная власть от административной власти отделена пока не была.

Необходимо отметить, что вопросы разбора воинских преступлений и принятие по ним решений было полностью передано в руки военачальников. Военный суд, как таковой, действовал автономно от общей судебной системы государства. Отдельных судебных органов в тот период в войске не существовало¹¹⁴.

Военачальники фактически олицетворяли в своем лице государство, поскольку именно им было дано практически полное право решать вопрос о преступности деяния, совершенного подчиненным, о степени его вины, о виде и мере его наказания¹¹⁵.

Обилие крайне неопределенных и заведомо общих санкций военного дела XVII в.: «наказать по усмотрению», «наказать нещадно», «по вине», предполагало априори высокую квалификацию начального лица, который имел право и обязанность на разбор обстоятельств преступления, и его большой административный и житейский опыт, как необходимое условие для командования. Это обстоятельство подразумевало знание военачальниками широкого круга нормативных документов. Вместе с тем, реальная узость их правовой подготовки часто приводила к субъективности, поспешности в выводах и, как следствие, к полному произволу в наказаниях подчиненных ратных людей. Имела большое значение и широко практикуемая судебная отсрочка на военный период. Указами назначали время начала и за-

---

¹¹⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 54; Чернов А. В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 71.

¹¹⁵ Андреевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; Градовский А. Д. История местного управления в России. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1899.

вершения отсрочки, либо устанавливалась определенная дата. В соответствии с требованиями указа о подобных отсрочках, все, не относившиеся к «губным», дела попадали под их действие¹¹⁶. Рассмотрение дел или осуждение за преступления ратных людей, ушедших в поход, могло состояться только после завершения действия данной судебной отсрочки.

Таким образом, в XVII столетии в России назрела необходимость в реформировании армии. В этот исторический период начинает складываться самостоятельная государственная политика, реализующая военную деятельность страны. К XVII в. русская армия преобразовывалась в войска, обученные по западному образцу. Безусловно, история создания и развития армии России неразрывно связана и с укреплением воинской дисциплины, с формированием государственной политики в области принятия законов, регулировавших военные проступки и преступления. В исследуемый период появляются отдельные органы власти, регулировавшие вопросы военной службы, а также уставы, определявшие законодательные основы государства.

Наиболее распространенными наказаниями за воинские преступления стали: телесные (кну́т и батóги), лишавшие или ограничивавшие свободу (заключение в тюрьму или ссылка в украинские крепости (городки) и Сибирь); «правопоражающие» (снижение в служебном разряде, «выдача обиженному головой», «написание в разрядных книгах порочным»); денежные взыскания и начеты (отобрание поместий, дач и вотчин, конфискация всякого рода имущества, уменьшение выдаваемого жалованья и денежного взыскания). В это время военачальники фактически олицетворяли в своем лице государство, поскольку именно им было дано практически полное право решать вопрос о преступности деяния, совершенного подчиненным, о степени его вины, о виде и мере его наказания.

---

¹¹⁶ К губным относились «разбойные, татинные и убийственные дела», т.е. особо тяжкие преступления, но были случаи, когда судебная отсрочка распространялась и на губные преступления (*Гаврищук В. В., Кукар А. А.* Военное законодательство Петра I ... С. 11.).

Проведенный анализ позволил определить следующие закономерности: основополагающую роль в становлении законодательства по определению военных преступлений и наказаний за них в России сыграли нормативные документы зарубежных стран; военное законодательство этого времени отличалось значительным объемом отдельных документов по различным сегментам ратной службы: «наказов» воеводам, полковникам, стрелецким головам и прочим должностным лицам; введением ответственности должностных лиц за организацию службы подчиненных; зарождением единой системы военных преступлений и наказаний за них и др.

§ 1.2. Петр I и реформирование воинской дисциплины в русской армии

Перемены в государственном строе России в конце XVII – первой четверти XVIII в. происходили не на пустом месте. С XVII в. в стране шел процесс районирования или экономической специализации районов, укрепления товарно-денежных отношений, становления всероссийского рынка, появления мануфактурного производства, осуществлялась политика протекционизма в торговле и т.п. К концу XVII в. Русское государство не только залечило нанесенные ему польско-шведской интервенцией раны, возвратило временно захваченные польскими феодалами земли, но и значительно расширило свою территорию за счет освоения огромных пространств Сибири, воссоединения с Украиной и т.д. Однако, имевшееся в это время государственное управление не способно было эффективно решать вопросы внутренней и внешней политики Российского государства. В этой связи напрашивалось укрепление государственного строя путем преобразования высшего, центрального и местного аппарата и армии, превращения главы государства – самодержавного царя – в носителя абсолютной (неограниченной) власти¹¹⁷.

Абсолютная монархия в России начинает оформляться во второй половине XVII в., но только при Петре I (1689–1725 гг.) характерные черты абсо-

---

¹¹⁷ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений ... С. 76.

лютизма проявили себя в полной мере, именно самодержавный монарх издавал законы, назначал чиновников, собирал и расходовал финансы без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением¹¹⁸.

Неограниченная власть правителя была определена в нормативных документах начала XVIII столетия. «Его величество, – указано в Воинском уставе 1716 г., – есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианейший государь по своей воле и благомнению управляет»¹¹⁹.

Большое значение Петр I уделял реформированию государственного устройства, что нашло отражение в замене системы приказов на новые органы власти – коллегии. Был создан порядок непосредственной работы коллегий, документально расписана система отношений между различными звеньями государственного управления. В архивных источниках имеются следующие сведения: «... его царское величество по примерам других христианских областей, всемилостивейшее намерение воспринять изволил, ради порядочного управления государственных своих дел, и исправного определения и исчисления своих приходов, и поправления полезной юстиции и полиции, так же ради возможного охранения своих верных подданных, и содержания своих морских и сухопутных войск в добром состоянии... государственные коллегии учредить»¹²⁰.

Значительное расширение территории в конце XVII – первой четверти XVIII в., превращение России в империю приводило к увеличению и усложнению государственного аппарата, что вызывало потребность в большой численности кадров государственной службы. Неслучайно Петр I законодательно обязывает всех дворян служить Российскому государству. К обязательной службе так же привлекались церковь и значительное по своему составу духовенство.

---

¹¹⁸ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений ... С. 77.

¹¹⁹ Воинские артикулы Петра I. М., 1950. С. 25.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1661. Л. 109-110.

Именно начало XVIII в. стало периодом, когда был завершен процесс создания регулярной армии, в основе которой лежала рекрутская система ее комплектования. При этом корпус солдат набирался из числа крестьян и других сословий, а офицеров – из дворян¹²¹. Формированию первых новых полков способствовал указ 1700 г., которым государство освобождало от крепостничества те семьи, члены которых записывались добровольцами в качестве солдат в армию. Однако данный указ действовал недолго, недовольство дворян послужило причиной его отмены¹²².

Особенностью рекрутских наборов был запрет на поступление в службу добровольцем или даточным пашенных крестьян – основной рабочей силы экономики государства. Запрещено было брать в службу так же бывших московских стрельцов. В солдаты набирали дворовых, крепостных ремесленников и бобылей. Нормой набора по указу от 16 ноября 1699 г. стал 1 даточный с 25-50 тяглых дворов. По названному указу всего было набрано около 32 тыс. чел., из которых 12 тыс. – даточных¹²³. Отдельно была послана комиссия для набора в «низовые» города – районы Средней Волги, а так же в города Кострома, Новгород, Смоленск¹²⁴ и др. С 1724 г. рекрутов стали набирать не с конкретного количества тяглых дворов, а с определенного числа лиц мужского пола, что стало результатом первой «ревизии» – переписи населения¹²⁵. Рекруту, направленному в армию, за счет средств, собранных крестьянской (посадской) общиной, приобретались кафтан сермяжный сро-

---

¹²¹ Арзамаскин Ю. Н., Бублик Л. А., Петров В. Д. Воинская дисциплина в Вооруженных Силах России (XVIII-XX вв.) / Под общ. ред. И. И. Ефремова. М., 2000. С 23-24.

¹²² Анисимов В. В. Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России в XVIII веке.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 14.

¹²³ Тихонов В. А. Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. М., 2013. С. 21-22.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 5125/90. Л. 1-26.

¹²⁵ Тихонов В. А. Рекрутская система комплектования русской армии ... С. 28.

ком носки на год, шуба на два года, а на покупку шапки, рукавиц, чириков (башмаков), рубах выдавали по 1 руб. на год¹²⁶.

Несмотря на это, ограниченное материальное положение на местах приводило к тому, что рекруты зачастую не получали должного финансирования. Властям на губернском и уездном уровнях давалось наказание о приличном и своевременном питании рекрутов, чтобы у них не было устремления к побегу¹²⁷. Невзирая на эти установки, положение на сборных станциях вводилось в действие очень медленно, несмотря на жестокие меры наказаний, которые применялись в эпоху Петра I к нерадивым и проворовавшимся чиновникам¹²⁸.

Следовательно, XVIII в. – это особый период в истории военного дела страны. Государственная политика России была направлена на формирование новой, регулярной армии, комплектование которой основывалось на рекрутском наборе, разработку и принятие военно-нормативного законодательства, создание первых военных школ, в которых использовались лучшие отечественные традиции и зарубежный опыт. Полностью можно согласиться с выводом В. В. Гаврищука о том, что извлечение исторических уроков и выводов из этого процесса для последующих хронологических этапов представляет большой научный интерес и содержит в себе определенный потенциал для осуществления реформаторской политики в области военного дела России¹²⁹. В свою очередь, оформление военного дела в России закономерно вело к определению государственной политики в отношении укрепления воинской дисциплины в русской армии. Как создание регулярной армии, так и ужесточение дисциплины в ней формировалось властью за счет правовых документов, обязательных для всех жителей Российского

---

¹²⁶ Дуров И. Г. «Иметь старание о платье своем, и быть всегда чисту, как в платье, так и в белье ...». Вещевое обеспечение военных и морских чинов в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2015. № 6. С. 45.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹²⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 119. Л. 80.

¹²⁹ Гаврищук В. В. Строительство российской армии в XVIII в.: автореф. дис. ... док-ра ист. наук. М., 1999. С. 2-3.

государства, в том числе и военнослужащих как неотъемлемой части населения страны.

Само слово «рекрут» законодательно появляется в Указе от 20 февраля 1705 г. В нем были статьи, которые давались стольникам по поводу сбора даточных солдат или рекрутов. Кроме того, в нем предписывалось организовать на месте обучение рекрутов первоначальным сведениям солдатской науки. В 1711 г. полки были расписаны по губерниям и содержались за их счет. Система комплектования начала носить территориальный характер, что положительно сказывалась на боеспособности русской армии¹³⁰.

Анализ исследовательской литературы и разнопланового круга источников дает возможность говорить о том, что пополнение русской армии в петровский период осуществлялось за счет рекрутских наборов, обращенных по мере необходимости на крестьян, и всеобщим вовлечением дворян на службу. Служба теперь становилась пожизненной. Рекруты набирались в армию по губернским и провинциальным спискам, впоследствии (с 1720-х гг.) – по окружным, набор стал производиться по территориальному принципу. Рекрутская повинность сделала возможным не только существенно увеличить численность армии, но и превратить ее в боеспособную силу. Вместе с тем, размеры повинности устанавливались перед каждым набором и законодательно не были закреплены¹³¹.

Важным направлением в деятельности Российского государства по укреплению военной мощи в изучаемый период становится нравственное воспитание служащих в армии, что способствовало сокращению количества военных преступлений. Несмотря на то, что в русской армии действовали жесткие методы укрепления дисциплины в войсках, они не могли препятствовать высокому нравственному уровню развития доблести и мужества личного состава военнослужащих. Поэтому уже в то время тенденцией в работе по повышению воинской дисциплины стало стремление многих военачальников

---

¹³⁰ Анисимов В. В. Деятельность государственных органов ... С. 14; Кереновский А. А. История русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 62.

¹³¹ Анисимов В. В. Деятельность государственных органов ... С. 15.

обращаться к сознанию масс, терпеливо разъяснять требования службы, заботиться о подчиненных¹³². Историк А. Ф. Бочков отмечает: «Петр I, подняв государственный статус вооруженной силы на необычайно высокий уровень, стремился к тому, чтобы солдат его армии был не тупым исполнителем воли верховной власти, а служил сознательно, инициативно, «не за страх, а за совесть»¹³³. Придавая большое значение нравственному воспитанию воинов, император подчеркивал, что все материальные условия есть не более, как ветвь для будущих плодов, корнем же служит нравственный элемент¹³⁴.

Государственная политика в сфере воздействия на чувства, сознание и поведение офицеров и нижних чинов способствовала тому, что уже в рамках петровского периода происходит формирование нового солдата – «слуги государева», готового сознательно выполнять свой воинский долг. «Укрепляя в молодом войске дисциплину не одним лишь страхом жесткого наказания, но и высокой степени поучительным примером воспитания, царь положил начало тем выдающимся качествам наших войск, которые, укрепляясь в армии, с течением времени обратились в специфическую, неотъемлемую, так сказать, ее принадлежность»¹³⁵.

Высокие моральные качества военных крепили и совершенствовались, в первую очередь, на полях военных действий, в морских баталиях. Уже с начала фактического правления Петра I происходит создание регулярной армии, которая формировалась непосредственно в военных действиях, в таких крупных сражениях и испытаниях, как Азовские походы 1695–1696 гг., поражения и победы в Северной войне 1700–1721 гг., Прутская кампания 1710–1711 гг. В них русская армия демонстрировала высокую организованность, боевые традиции, преданность и неподдельную любовь к Отечеству. Военачальники, флотоводцы и рядовые воины проявляли высокие морально-боевые качества, дисциплинированность и профессионализм. Следовательно,

---

¹³² Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 15.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 14.

¹³⁵ Там же. С. 16.

одной из составляющих успеха петровской армии являлся человеческий фактор, высокий моральный дух российского воинства, достигнутый в результате серьезной морально-психологической подготовки войск¹³⁶.

Именно в эпоху Петра I и были заложены основы современной военной системы России¹³⁷. И совсем неслучайно, что именно в этот период начал утверждаться принцип: «законы и указы писать ясно, что бы их не перетолковывать»¹³⁸, в подразделениях установлено правило доведения перед строем, помимо приказов и распоряжений прямых и непосредственных начальников, также и указов, регламентов и манифестов высших властей, как наиболее полно отвечавших характеру русской армии, национальным особенностям, традициям, правилам общежития, организации внутреннего порядка и социально-психологическим особенностям русского воинства.

В процессе проводившихся реформ Петра I происходило дальнейшее развитие государственной военной и законотворческой политики России, которое перешло на новый уровень. Это позволило создать более 3 000 различных правовых документов и актов (именные, объявленные, Сенатские, Коллегиальные и прочие указы, манифесты, учреждения, регламенты, уставы, резолюции и др.)¹³⁹, достаточно полно регламентировавших правовую сторону деятельности военных и военно-административных органов, которые требовалось изучать и умело применять в службе войск. За время царствования Петр I принял около 400 указов правового характера, направленных в целом на усиление сложившейся в государстве и армии в предыдущую эпоху розыскной деятельности¹⁴⁰.

Для повышения качества работы системы военных преступлений и наказаний и увеличения уровня ее эффективности необходимо было прове-

¹³⁶ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 17.

¹³⁷ Демидов А. В. Артикул воинский Петра I об этике российского офицера в XVIII веке. М., 2000. С. 31-32.

¹³⁸ Петр великий в его изречениях. М., 1994. С. 31.

¹³⁹ Гавришук В. В., Кукар А. А. Военное законодательство Петра I ... С. 17-18.

¹⁴⁰ Мышлаевский А. З. Петр Великий, военные законы и инструкции // Сб. военно-исторических материалов. Вып. IX. СПб., 1894.

сти систематизацию военной документации Российского государства, что и было начато по Указу от 18 февраля 1700 г. с повелением «О заседании в Государевых палатах Боярам для учинения свода Уложения ...»¹⁴¹, а в дальнейшем продолжено канцелярией Сената. Предстояло привести весь огромный массив ранее принятых различных нормативных актов¹⁴² в соответствие с Судебниками и «Соборным уложением» 1649 года. Помимо них источниками, раскрывающих военное дело в России, являлись: «Кормчая книга», Указы, Военный и Морской уставы, законы датские и шведские. Понятно, что основной задачей стало выделение и комплектование отдельных документов, направленных на защиту и укрепление государственных интересов.

Важную роль играл и порядок суда над военнослужащими, определявшийся законом и историческими традициями, пришедшими из прошлого. Практически весь перечень воинских преступлений находился под юрисдикцией воеводы, который отправлял дознание, суд и расправу или лично, или, как правило, через лично им назначенных судьями начальствующих лиц полка. Соответственно, и в армии Петра I в начальный период после ее образования держался привычный порядок исполнения правосудия, отличие было лишь в том, что солдатам зачитывали артикулы о преступлениях, и они, в теории, должны были знать, за что и каким образом они могут быть наказаны.

Важной особенностью изучаемого исторического периода по развитию русской армии явилось то, что Петр I ввел в ней упорядоченную систему судов («...суды двояким образом учреждаются, высшим и нижним <...> называются», глава 50), как для укрепления в армии законности, так и в целях формирования у командиров всех степеней должного правосознания в мирное и военное время. «Вышний военный суд» учреждался для разбора дел над генералами и штаб-офицерами, в его заседаниях допускалось участие только генералов, бригадиров и при необходимости – полковников; «нижний военный суд» под председательством полковника (командира полка) или

---

¹⁴¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. IV. № 1765.

¹⁴² Там же.

другого штаб-офицера полка «устраивался» над чинами от обер-офицера и ниже¹⁴³. Насаждая в армии, в прямом смысле, принципы законности, Петр I установил неукоснительное правило, что без военного суда и соответствующей процедуры допроса нельзя было судить военнослужащего.

Деятельность данных судов распространялась исключительно на лиц из состава армии, о чем в «Кратком изображении процессов» указано: «В воинской суд, в котором только ссоры между офицеры, солдаты и прочими особами войску надлежащими происходящие разыскиваются, и по изображении дел решаются». Еще в одном пункте следует важное уточнение: «Власть судейская помянутых кригсрехтов не распространяется далее, яко над офицеры, солдаты и прочими к войску надлежащими людьми, между которыми офицерские служители, харчевники и прочие кроме жен и младенцев разумеются»¹⁴⁴.

Потребность в квалифицированных военных кадрах вынуждала Петра I издавать иногда неординарные документы, например, он указал: «... которые судебными исками или самоуправством причинят обиду находящимся в походе военного чина людям» тех будут отправлять к действующей армии «под военный суд»¹⁴⁵. Впоследствии, однако, Сенатским указом военачальникам было дано распоряжение, чтобы челобитные отсылались в Военную канцелярию¹⁴⁶. Начавшие судебные тяжбы во время нахождения в отпуске офицеры обязаны были оставить за себя поверенных в деле при своем убытии по окончании отпуска и до завершения начатой тяжбы и решения дела¹⁴⁷.

Приговоры судов, по правилам той эпохи, в законную силу вступали только после утверждения их высшими начальниками и уже после этой процедуры должны были приводиться в исполнение. Все судебные приговоры к смертной казни подписывались командующим корпусом и направлялись в Военную коллегия, где и происходило окончательное принятие решения о

¹⁴³ 1-е ПСЗ РИ. Т. IV. № 2310; Т. V. № 3006; Т. VI. № 3531.

¹⁴⁴ *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России; 1-е ПСЗ РИ. Т. VI. № 3006.

¹⁴⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. IV. № 2115.

¹⁴⁶ Там же. Т. V. № 3105.

¹⁴⁷ Там же. Т. VI. № 3696.

смертных приговорах нижним чинам, приговоры офицерам же представлялись непосредственно царю¹⁴⁸.

Особой была и процедура по возвращении офицеров с каторги. Опубликованные исторические источники позволяют нам увидеть особый ритуал полного восстановления их чести, для чего было предписано «возлагать на них знамя в Военной Коллегии»¹⁴⁹, после этого им выдавался Указ «о восстановлении их в совершенную честь»¹⁵⁰.

Желая устранить любой повод к произволу начальников подробным и точным описанием прав и обязанностей каждого воинского чина и учредив правильный суд, Петр I указал и перечень проступков и преступлений, которые влекли за собой для виновного конкретное наказание. Это было вызвано, в первую очередь, для постановки в армии надлежащей дисциплины, так как одного лишь перечня прав и обязанностей для этого было недостаточно: указывая, что должен делать военный служащий, не было определения, что делать ему категорически запрещалось. Отсутствие соответствующей нормы о воинских проступках, преступлениях и наказаниях за содеянное являлось одной из значимых причин недисциплинированности, распушенности, буйств и своеволия войска допетровского периода, и совершенно закономерно в манифесте об издании «Артикула» Петр I указал, что тот должен «быть знаком всякому чину для того, чтобы он знал, чего делать не должен», и имел возможность своевременно «удалиться своего стыда, наказания и бесчестия»¹⁵¹.

В этот период формировались самостоятельные сборники актов и норм, построенные на систематизации, восприятии и обобщении накопленного исторического опыта. Развитию военной системы и документам, регулировавшим ее деятельность, уделялось самое пристальное внимание. Проведенная работа по классификации военно-законодательной базы, безусловно, облегчила ее применение в армии.

¹⁴⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 3316.

¹⁴⁹ Там же. № 4083.

¹⁵⁰ Короленко В. Честь мундира и нравы военной среды. СПб., 1914. Т. 4. С. 303–306.

¹⁵¹ Каменский П. Честь и наскоки // Варшавский воен. журнал. 1904. № 12. С. 871–894.

Проведенный анализ источников и научной литературы¹⁵² дает возможность сделать вывод о том, что базой для создания уставов Петра I во многом служили зарубежные документы (как особенность эпохи европеизации России), определявшие порядок воинской службы. Историк В.Д. Верховдубов пишет: «Говоря о влиянии западных уставов на русский, следует иметь в виду, что оно носило главным образом внешний характер (сохранение иноземных названий воинских чинов, построение, отчасти композиция уставов и др.). Но своим содержанием уставы Петра принципиально отличались от уставов наемных армий»¹⁵³. Исходя из данного тезиса, можно с большой долей уверенности утверждать, что нормативные документы, принятые в период правления Петра I по части обеспечения прав и возлагаемых на военнослужащих обязанностей, организации и поддержания внутреннего порядка и дисциплины, построению системы боевой подготовки, в значительной мере были адаптированы к опыту русской армии. Они стали результатом начального периода законотворческой деятельности в царствование Петра I. Анализируя исторические первоисточники, следует отметить, что Устав 1716 г. содержал все основные постулаты Воинского устава 1698 г. генерала А. А. Вейде¹⁵⁴, а так же в нем нашли отражение идеи, содержащиеся в положениях: «Ротных пехотных чинов», «Статей воинских», «Уложения» Б. П. Шереметева¹⁵⁵, «Краткого ар-

¹⁵² *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 109; *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1901. С. 570; *Кошелевский Д. И.* О некоторых особенностях развития русской передовой военной идеологии в XVIII – XIX вв.: дис. ... канд. филос. наук. М., 1947. С. 103; *Макаров А. Я.* Развитие русской военно-теоретической мысли в первой четверти XVIII столетия: дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. С. 187; *Мещеряков Г. П.* О военных реформах Петра I // Военная мысль. 1946. № 5. С. 60; *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства: С древнейших времен до наших дней: в 2 т. М.-Л., 1927–1928. Т. I. С. 281; *Шворина Т.* Воинские артикулы Петра I. М., 1940. С. 9.

¹⁵³ *Верховдубов В. Д.* Создание русской регулярной армии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1948. С. 246; *Порфирьев Е. И.* Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 100.

¹⁵⁴ *Бобровский П. О.* Вейде, Адам Адамович. Один из главных сотрудников Петра Великого и его военный устав 1698 г. Казань, 1887; Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому Генералом Вейде в 1698 г. СПб., 1841 и др.

¹⁵⁵ *Глаголева А. П.* «Денные записки» военно-походной канцелярии Б. П. Шереметева как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1962. С. 208–225.

тикула» А. Д. Меньшикова, «Устава прежних лет», инструкций и указов самого царя¹⁵⁶.

Считается, что работать генерал А. А. Вейде начал над своим Военским уставом приблизительно в середине 90-х гг. XVII в., будучи направленным царем в Венгрию для изучения организации и устройства цесарской армии¹⁵⁷. Вернувшись в Россию, он разрабатывал совместно с Яковом Брюсом такие документы, как «Воинский наказ как содерживатся» и «Какое кому наказание за вины»¹⁵⁸.

Необходимо отметить, что задолго до издания Военского устава был опубликован значительный массив и других документов: указы, инструкции, регламенты, наставления, пункты, «статьи, кои надлежать генералу в управлении полком» (1699 г.), «Статьи, состоявшиеся на генеральном дворе Преображенском» (1700 г.), «Пункты командующим над каждым батальоном» (1706 г.), «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и в учении как обходиться», принадлежавших перу разных авторов, изданных в разное время и в различных ситуациях, частично переводные, а частично оригинальные. Само издание таких разноплановых руководящих документов для русской армии того периода было вполне закономерным. Войсковая система сама «под себя» формировала будущий жизненный уклад, имея мало примеров для подражания в военном деле. И не имея права и возможности отговориться незнанием закона, офицеры русской армии заводили для себя особые сборники, называемые записными или ручными книгами¹⁵⁹ для фиксирования в них различных воинских правил и положений. В таких сборниках историки встречают переписанные артикулы и статьи из различных Уставов, которые имеют неточности толкования и ошибки.

¹⁵⁶ *Епифанов П. П.* Военский Устав Петра Великого // *Петр Великий: сб. ст.* М.-Л., 1947. С. 167–213.

¹⁵⁷ *Анисимов Н. В., Зиневич А. К.* История русской армии. Эпоха Петра Великого. 1699–1762 гг. Чугуев, 1911. С. 17, 27; *Верховский А. И.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921. С. 40.

¹⁵⁸ *Шворина Т.* Воинские артикулы Петра I. М., 1940. С. 11.

¹⁵⁹ *Гавришук В. В., Кукар А. А.* Военное законодательство Петра I. С. 35.

В 1701–1702 гг. генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев по личному указанию Петра I подготовил «Уложение или право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам»¹⁶⁰, состоящее из 10 глав, разделенных на 113 статей. «Уложение ...» включало главы, освещавшие воинские преступления: «О главных преступлениях и злодеяниях», «О мятежах и злых возмущениях и побеге», «О смотре, о недостатках жалования и достоинствах», «Об измене, побеге, переметывании, договорах с неприятелем или учинении договора и сдачи крепости»¹⁶¹.

После этого, в 1706 г., как уже отмечалось выше, были даны: «Пункты командующим над каждым батальоном», по которым за самовольную отлучку виновному определялась смертная казнь¹⁶². И в этом же, 1706 г., в соответствии с ранее выпущенными Манифестами русского правительства (1702 г. и 1705 г.), содержащими обязательства судить и наказывать иностранцев, состоявших на службе в русской армии и флоте, по иностранным законам был издан документ «Артикул краткий»¹⁶³. В реальности, он распространялся на всю армию, для чего в нем были сделаны специальные постановления, имевшие в виду и военнотружущих русского происхождения.

«Артикул краткий» имел 12 глав, среди них отметим такие, как: «О наказании простых прегрешений, яко смертоубийство, и что к сему прегрешению надлежит», «О прелюбодеянии и что к тому принадлежит», «О воровстве, татьбе и повторном воровстве, уличенном в разбое и зажига-

---

¹⁶⁰ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. С. 58.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Мацуленко С. А. Военные реформы Петра I // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 83-86.

¹⁶³ Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н.Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 5-42; Мелентьев Ф. И. Проблемы русской армии начала XVIII века по Уставу Воинскому // Макариевские чтения. Воинство земное – воинство небесное: Материалы XVIII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Посвящается 65-летию великой Победы. Можайск, 2011. Вып. 18. С. 159-167.

тельстве», «О команде, почтении, послушании», «О клятвопреступлении и лживости», «О генеральном воинском суде»¹⁶⁴.

Этот документ рассматривает воинские преступления. В нем установлен порядок военно-судебного процесса и перечислены меры наказаний, налагаемые без суда, властью начальника, впервые в дисциплинарной практике.

Любопытно, что, как и в допетровском войске, в армии Петра I, в подчиненных различным военачальникам соединениях войск, военнослужащие получали жалованье в зависимости не только от чина и должности, но и от страны происхождения. В этот период действовало несколько различных военно-правовых актов. При этом лишь для самых тяжких преступлений было установлено определенное наказание, согласно «Уложению». Как и веками до того, военный суд характеризовался под нехитрым девизом: «кто командует, тот и судит» и наказанием – по усмотрению.

В эпоху Петра I законодательным путем насаждались жесткие методы дисциплинарного порядка. Уставы и артикулы назначали очень тяжелые наказания за преступления в армии, определявшиеся военным судом. Так, например, за 200 с лишним типов преступлений предусматривалась смертная казнь. За воинские проступки применялись битье шпицрутенами и батогами. Кроме того, также действовали и дисциплинарные взыскания, заключающиеся в лишении свободы и денежных штрафах. В то же время, исследовательская литература и свидетельства архивных документов показывают, что в русской армии петровской эпохи наряду с жестокостью действовали и нравственные принципы. Поэтому случаи массовых побегов из действующих частей русской регулярной армии в научном освещении не подтверждаются¹⁶⁵. Так, например, в Табели 12 батальонов команды генерал-поручика Боура отмечается, что из шести полков, в трех из них были беглые (1707 г.)¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Епифанов П. П. Воинский устав Петра Великого // Петр Великий: сб. ст. М.-Л., 1947. Т. 1. С. 167-213.

¹⁶⁵ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 11.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 24. Оп. 1/119. Д. 62. Л. 110.

Известный военный педагог П. О. Бобровский в свое время отметил: «Артикул воинский» никак нельзя считать простым переводом с какого-то немецкого артикула, нигде не существовавшего, напротив, эта была работа многих лет, над которой пришлось думать самому Петру I и его сотрудникам. Оттого-то "Артикул воинский" представляется кодексом, впитавшем в себя юридические нормы не только шведского оригинала, но и датского, голландского и бранденбургского кодексов, и мысли (толкования) немецких комментаторов, а также и французского кодекса Людовика XIV»¹⁶⁷.

Собственно, если «Уложение» (1649 г.) представляло собой практически простой сборник нормативных документов, то «Устав» Петра I являлся уже полноценным и первым в России текстом по формированию и развитию военного дела. Петровские документы по своему качественному уровню не уступали лучшим уставам западных армий и флотов. Многие положения Воинского устава 1716 г. действовали на протяжении 150 лет и послужили основой для дальнейшего развития отечественного воинского искусства.

Само же внедрение военно-правовых актов в войсковую дисциплинарную практику происходило через органы государственного и военного управления, военные суды, военную прокуратуру, фискалитет и военную полицию¹⁶⁸.

Нормативные документы петровской эпохи (многие составлены при непосредственном участии императора) наряду с положениями о неукоснительном выполнении приказов пронизаны идеологией сознательной воинской дисциплины, осмысленного повиновения командирам и начальникам. Офицерам царь вменял в обязанность заботиться о нуждах солдат¹⁶⁹. «Того ради сей пункт прилагается, дабы офицеры в таковых случаях накрепко рассуждение делали, без чего обойтица невозможно для облегчения людям, опасаясь жестокого наказания за нерассуждение»¹⁷⁰. Статьи устава предоставля-

---

¹⁶⁷ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. ... С. 205.

¹⁶⁸ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 12.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 409.

ли возможность военным людям проявить инициативу в соответствии со сложившимися конкретными ситуациями.

При подготовке Воинского устава и Воинского артикула была выполнена колоссальная работа¹⁷¹. Происходила компиляция как отечественных, так и иностранных документов того времени. Подготовленный материал дорабатывали назначенные царем ответственные лица, и после этой правки окончательно статьи вычитывались и редактировались самим Петром, что подтверждается пометками и поправками, оставленными лично царем на подлинных рукописях Устава¹⁷².

В структуре документа, при некоторых статьях встречаются и толкования, разъясняющие его содержание, и, как правило, дополняющие имеющийся текст новыми сведениями¹⁷³. Используя такой прием, передается суть многих утверждений, не имеющих пока соответствующей терминологии в русском языке той эпохи.

В предисловии к нему, намерено акцентируя внимание подчиненных на исторической преемственности лучших боевых традиций русской армии, Петр I напоминал, что царем Алексеем Михайловичем для царского войска был дан аналогичный устав, благодаря чему оно вело успешную «войну с поляками»¹⁷⁴. Далее Петр I, говоря о победах над шведами, указывал: «... ни от чего иного то последовало, токмо от доброго порядку<...> будучи в сем деле самовидцы <...> за благо изобрели сию книгу Воинский устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность и обязан быть своим званием»¹⁷⁵.

¹⁷¹ Анисимов Н. В. История русской армии. Эпоха Петра Великого. СПб., 1911; Бескровный Л. Г. Система обучения и воспитания армии Петра I. М., 1946; Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России: в 10 т. М., 1788–1797.

¹⁷² Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. С приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского, с поправками Петра. СПб., 1887. С. 34.

¹⁷³ Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб., 1780.

¹⁷⁴ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884; Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в. 2-е изд. М., 1937.

¹⁷⁵ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. С. 34; Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Изд. 2-е. Ч. I–XV. СПб., 1837–1843; Мышлаевский А. З. Петр Великий, военные законы и инструкции // Сборник военно-исторических материалов. Вып. IX. СПб., 1894 и др.

В таком документе, как «Устав Воинский о должности генералов, фельдмаршалов, и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежать быть», рассматриваются не только служебные обязанности строевых чинов, но и тех должностей военнослужащих, которым не было объяснения в предыдущих документах. Так, чины «Генерального Штаба», т.е. чины генералов и высших войсковых начальников от генералиссимуса до штаб-генерал-профоса¹⁷⁶ описаны в 35-ти параграфах главы 8. В соответствии со стилем эпохи должностные обязанности даны, в общих чертах, достаточно кратко, но вполне точно и содержательно, строго по соответствующему чину. Помимо этого, в главе 17 достаточно подробно указаны и обязанности строевых начальников. Помимо обязанностей документ описывал и социальное положение военных людей. Так, например, из него можно определить, как были обеспечены военнослужащие того времени пропитанием (прил. 3).

«Уставом», помимо строевых должностей, были определены обязанности для ряда чинов нестроевых, которые должны осуществлять как помощь командному составу в поддержании правопорядка, так и контроль над ними самими. Детально анализируя названный исторический источник, необходимо отметить, что Глава 41-я определяла обязанности по чину генерал-гевалдигера¹⁷⁷, или румор-мейстера¹⁷⁸, при этом им дана аннотация содержания: «понеже правосудие всюду содержано имеет быть, того ради потребно есть, чтоб сие и при войске чинено было, дабы всем непорядкам благовременно упредить и добрые порядки содержать; чего для генерал-гевалдигер с одним или двумя поручиками при большом войске учрежден имеет быть <...> которые должны прилежно смотреть, дабы <...> все обретающееся при войске и багаже противно приказу вышних командиров ничего не чинили»¹⁷⁹. При походе, в соответствии с должностными обязанностями, генерал-

¹⁷⁶ Профос – (нем., от лат. praepositus – начальник). особый нижний чин в армиях, очищающий в казармах и лагерях нечистоты; их надзору поручаются арестанты.

¹⁷⁷ Офицер, заведующий полицейской частью при войсках. (нем. gewaldiger и шв. gevaldiger).

¹⁷⁸ Офицер, наблюдающей за порядком в войсках. (от нем. Rumor – шум, тревога, и Meister).

¹⁷⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 3006. Гл. XLI.

гевалдигер, совместно с подразделением кавалерии, которое находилось в его распоряжении, «наперед и по сторонам и позади войска марширует<...> дабы или пойманных злодеев под арест взять, или по состоянию дела, ежели что под смертною казнию заказано, оных повесить велеть»¹⁸⁰.

Глава 42-я документа содержит указания о фискалах, должности которых были по штату в каждом полку, задачей которых являлось наблюдать: «за каждым чином, так ли всякой должностью истинной служить»¹⁸¹. Соответственно, фискалу вменялось в обязанности: «во всех безгласных делах и всяких преступлениях»¹⁸² суду доносить. Интересен таков факт: если выяснялось, что фискал донес ложно и из личных побуждений (что еще надо доказать), то ему было уготовано то же наказание, которое полагалось бы оклеветанному, но если обвинение на суде подтверждалось, пусть и не в полной мере, то ответственность за излишнюю пристрастность, фискал не нес.

Так же в «Уставе» были определены обязанности профосов, кои «держат преступителей за караулом опасно и порядочно и содержать чистой новую квартиру как в поле, так и в гарнизоне»¹⁸³ должны.

Определив основные строевые и нестроевые чины и указав их права и обязанности по службе, Петр I в главе 62 «Устава» определил правила и порядок исправного несения караульной службы. Как и некоторые другие, эти положения легли в основу системы военных преступлений и наказаний российской императорской армии, и не только ее. Следует отметить, что общие обязанности должностных лиц караула, а в особенности разводящего и часового, сохранялись до 1917 г. практически без изменений.

В положениях «Устава» можно видеть редкое сочетание вдумчивого военного законодателя, понимавшего правовую зависимость рядового солдата, со здравым взглядом опытного военачальника, строевых командиров, которым отведена роль учителей нижних чинов при обучении их правилам выполнения

---

¹⁸⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 3006. Гл. XLI.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. Гл. XLIII.

обязанностей караульной службы¹⁸⁴. До сегодняшних дней является актуальным и продолжает действовать правило, что в случае проступка или упущения часового на посту, «собственные его офицеры ничего не повинны над ним чинить, пока оной сменен будет, кроме, словесного приказы, почему оной исправлять должен»¹⁸⁵. Никто не имел права, включая офицеров его части, воспользоваться оплошностью часового, а ему вменялось в обязанности исполнять приказание только своего караульного начальника или разводящего.

Не менее важной частью «Устава» стало указание средств и методов, содействовавших изживанию распрей, драк и прочих конфликтов, бытовавших в армии. В «Патенте о поединках и начинании ссор» (глава 49), пункт 1-й гласит, что не только офицеры, но и в целом «все войско обще имеют в неразорванной любви миру и согласии пребыть, и друг другу по его достоинству и рангу респект, которой они друг другу должны, отдавать и послушны быть»¹⁸⁶. Если же происходил какой-либо конфликт, военнослужащий любого ранга не имел права принимать самовольные действия, а обязан был обратиться за удовлетворением к суду. При этом перечислялся ряд взысканий за нанесенную словом или действием обиду, в том числе и положение о том, что обидчик был обязан «у обиженного стоя на коленках прощения просить и в готовности быть от обиженного равную месть принять»¹⁸⁷. Пункты 6 и 8 главы 49 «Устава» категорически и весьма здраво предписывали решать дела об оскорблениях как можно быстрее и не позднее шести недель после подачи жалобы, при этом и сам оскорбленный должен был не мешкать с ее подачей под угрозой наказания уже за промедление, а должен был подать жалобу на

¹⁸⁴ Бобровский П. О. К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия. СПб., 1891. С. 23–24; Лушников А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996.

¹⁸⁵ Бобровский П. О. К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия. СПб., 1891. С. 23–24.

¹⁸⁶ Калинин П. Дуэли в офицерской среде // Воен. сборник. 1894. № 8. С. 329–552.

¹⁸⁷ Честь мундира и дуэль // Воен. альманах. СПб., 1902. С. 70–72; Махов М. Дуэль, ее происхождение и современный характер. СПб., 1902; Дуэль и честь в истинном освещении: Сообщение в офицерском кругу. СПб., 1902; Стеллецкий Н. С. Дуэль, ее история и критическая оценка с научно-богословской точки зрения. Харьков, 1911; Швейковский П. А. Суд чести и дуэль в войсках российской армии. СПб., 1912 и др.

обидчика или примириться с ним «по-христиански». Примечательно, что Петр I в Патенте о поединках не устанавливал различия между офицерами и нижними чинами, что отчасти объясняется наличием в нижних чинах, особенно в гвардии, значительного числа дворян, а так как любая дуэль могла вывести из строя (надолго или навсегда) важных для Петра I сподвижников, то он весьма отрицательно относился к любым ссорам, как потенциально чреватými членовредительством в драке, так и еще хуже – дуэлями.

Как формирование Петром I регулярной армии, так и ее последующее совершенствование по мере накопления опыта в военном деле не могли не отражаться в соответствующих инструкциях, наставлениях и указах до принятия «Устава» и «Артикула». Поэтому для Петра I в разработанных в период его правления документах важно было дать информацию о таких чинах и должностях, которые не были упомянуты в прежних нормативных источниках.

Таким образом, следует отметить, что «Устав воинский» 1716 г. – крупное, рубежное событие в истории как русской армии, так и всего русского военного дела. Восприняв самый передовой опыт и лучшие достижения западной военной науки, он стал выдающимся документом и русской военной мысли, и воинского опыта, что и было блестяще доказано на полях сражений.

«Устав» обязан был воспитывать в военнoслужущих независимо от чина чувства личной и коллективной воинской чести, ответственности, воинского долга, взаимовыручки и «защиты интереса государственного», как святого долга солдата и офицера. Он требовал от военнoслужущих, а особенно от командиров всех степеней, высокой нравственности, «доброго кондуита¹⁸⁸», чувства воинской чести, личной отваги, любви к воинскому делу, стремления к постоянному совершенствованию, строгой дисциплины.

Определяющим был (и остается в современных условиях) основной принцип воинской дисциплины – требовательность и личный пример командира, у которого не столько право, сколько обязанность следить за порядком

---

¹⁸⁸ Кондуит – (фр.) *conduite* – поведение, журнал поведения.

и взыскивать строго за недостатки: «Ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда»¹⁸⁹.

Следует отметить, что, невзирая на строгость и вопреки привнесенной из западных уставов жесткости (и даже жестокости) наказаний, само понятие воинской дисциплины в России в принципе отличалось от палочной дисциплины наемных армий Западной Европы. Помимо того, что в основу «Устава» были положены понятия о воинской чести, защиты Отечества, он явным образом продолжил традицию героических свершений русского войска предшествующих эпох, о чем в преамбуле «Устава» недвусмысленно напомнил сам Петр I: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш, блаженныя, и вечнодостойныя памяти в 1647 году, начал регулярное войско употреблять, и устав воинской издан был»¹⁹⁰.

Особенностью воинской профессии XVIII в. является неоспоримая истина, что при тактических построениях на поле битвы того времени солдат, офицер и генерал подвергались практически одинаковому уровню опасности. Это не могло не отразиться на истинно солдатских служебных отношениях в почти непрерывно воюющей и переносящей тяготы армии, и «Устав» подчеркивает это чувство почитания даже самого звания: «Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть от высшего генерала даже до последнего мушкетера», а единая военная присяга для всех военнослужащих – от солдата до фельдмаршала – утверждает эту идею¹⁹¹ – «кто к знамю присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен»¹⁹².

Одновременно с «Уставом» были изданы одним сборником такие нормативные документы, как «Уставы для обучения войск»¹⁹³. Первая часть этого сборника, «О экзерциции (или учении)», представляет собой краткие из-

¹⁸⁹ Кочетков А. Н. Из истории уставов русской армии (XVI–XVIII века) ... С. 42–57.

¹⁹⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 3006.

¹⁹¹ Арзамаскин Ю. Н., Бублик Л. А., Петров В. Д. Воинская дисциплина в Вооруженных силах России (XVIII – XX вв.). М., 2000. С. 10–17; О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1991. С. 27; Денисенко С. И. Развитие педагогической теории и практики поддержания воинской дисциплины в частях (на кораблях): дис... д-ра пед. наук. М., 1998.

¹⁹² Мышлаевский А. З. Петр Великий. Военные законы и инструкции ... С. 57.

¹⁹³ Кочетков А. Н. Из истории уставов русской армии (XVI–XVIII вв.) ... С. 42–57.

влечения из основных статей пехотного строевого устава; вторая часть, «О приуготовлении к маршу», включает в себе материалы из основных статей 3-х уставов: «Устава об инспекторских смотрах, устава о походах в мирное время и наставление для ведения боя» и «Устава о службе в гарнизоне»; третья часть: «О званиях и должностях полковых чинов от солдата даже до полковника», представляет своего рода Устав внутренней службы той эпохи: «Обязанности начальствующих чинов, а также нижних чинов»¹⁹⁴.

Стремление царя, если не заставить, то заинтересовать офицеров добросовестно нести службу и учиться, широко известно. В «Экзерциции» сказано: «... всякий офицер, ежели кто в сих и прочих воинских делах ревнительную охоту и всемерное тщание покажет, фортуна свою без всякого сомнения същет»¹⁹⁵.

Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что «Устав» и «Артикул» Петра I практически стали учебными пособиями для поддержания, развития и совершенствования созданной им армии, для командиров как организаторов обучения, и для солдат, как непосредственно личного состава при комплектовании войск, в качестве учебных пособий для укрепления армейской дисциплины.

Сложилось так, что в начале реформ в силу объективных исторических обстоятельств у Петра I для обучения войска не было регламентов ни по какой части: ни по военной, ни по административной, а обучение войск проводилось большей частью по принципу «обучения личным показом»¹⁹⁶. Именно поэтому Петр I в своей законотворческой деятельности по созданию, а в дальнейшем и по совершенствованию нормативной базы российской армии руководствовался сугубо практическими соображениями. Нормативные акты и кодексы создавались преимущественно на основе отечественного истори-

¹⁹⁴ Кочетков А. Н. Из истории уставов русской армии (XVI–XVIII вв.) ... С. 42–57.

¹⁹⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. VI. № 3006. Часть I. О экзерциции (или учении), С. 411.

¹⁹⁶ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2 (февраль). СПб., 1887. С. 68–103; *Его же*. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 4 (апрель). СПб., 1887. С. 123–153.

ческого и отчасти личного опыта, при активном использовании уставных документов армий передовых в военном отношении стран Запада.

Несколько иначе обстояли дела по вопросам дисциплинарной практики, сословное общество само по себе являлось достаточно жестко пронизано естественными условностями и ограничениями по их поддержанию. Так и создаваемая регулярная армия с самого начала своего формирования была жестко связана общими для всего государства установками. В системе, где барин – воинский начальник, сглаживались как вопросы иерархии, так и служебных взаимоотношений. Проблема заключалась в том, что они были на тот момент уже архаичными, крайне несовершенными и абсолютно не систематизированными. По утверждению историка А. З. Мышлаевского «... до издания артикулов 1715 г. в этом отношении было сделано только "кое-что", устава же ни дисциплинарного, ни военно-уголовного не было; иначе говоря, не было того основания, на котором базируется воспитание войск»¹⁹⁷.

При этом уместно вспомнить вышеприведенный тезис о том, что сословное общество, ограниченное естественными условностями, служило для поддержания в ряде случаев если не сугубо воинской, то межсословной, дисциплины. Опираясь на этот тезис, стоит отметить, что именно такое же опосредованное, но от этого не менее существенное влияние на развитие системы военных преступлений и наказаний за них в армии оказала петровская Табель о рангах (прил. 4)¹⁹⁸. По сути своей, она соответствовала прагматичным воззрениям Петра I на служебную деятельность дворян, создавая условия как для их возвышения вне зависимости от богатства и родовитости, так и давая вполне определенные возможности сделать ранее немислимую карьеру для представителей «подлых сословий»¹⁹⁹.

Как известно, Табель... представляла собой иерархическую лестницу из 14 чинов и классов, так называемых рангов²⁰⁰, параллельных по видам слу-

¹⁹⁷ Мышлаевский А. З. Петр Великий: Военные законы и инструкции ... С. 11.

¹⁹⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. VI. № 3890.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 13. Л. 212–224.

²⁰⁰ Там же. Л. 210–224.

жебной деятельности: военная; статская; придворная, в военной – кавалерия; пехота; флот, и т.д. Заслуга Петра I заключалась в том, что он сумел добиться и внедрить в государственную и военную практику прямой зависимости не только скорости карьерного роста, но и самой возможности служебного продвижения офицера, которая напрямую зависела от образования, его профессиональной подготовки, личных качеств. Пусть поначалу и с перекосами, но уже сразу система заработала, поднимая наиболее упорных и талантливых людей к новым карьерным высотам на пользу государства.

В Табели... были определены достаточно четкие критерии служебного роста и возможные карьерные перспективы для любого должностного лица, связанные, практически, только с его личными качествами и служебной пригодностью. Не декларировалась, а устанавливалась возможность получения офицерского чина (и соответствующего чину дворянского достоинства) не дворянам, но при условии, что присущие ему «добродетели, грамотность и личностные качества были полезны Отечеству»²⁰¹.

Для увеличения «горизонта возможностей» российским подданным и с целью отбора только амбициозных и опытных военных-иностранцев Петр I с 1722 г. повелел офицеров-иностранцев принимать на службу в русскую армию с понижением в один чин, и только если они выражали желание служить в России постоянно²⁰². По некоторым данным, под действие указанного правила попал и лейтенант французской службы Наполеон Бонапарт, подавший прошение о зачислении в русскую армию, и получивший разрешение на это, но с условием приема его в чине прапорщика, на что он не согласился²⁰³.

Результат введения Табели... сказался не сразу, но был весьма значителен:

1. Доступ в службу стал открыт для разных сословий, ранее об этом и не помышлявших, что создало приток ранее не востребовавшего контингента для занятия командных должностей.

²⁰¹ *Оболонский А. В.* На государевой службе: бюрократия в старой и новой России: Очерк. М., 1997. С. 17.

²⁰² 1-е ПСЗ РИ Т.VI. № 3913.

²⁰³ Военная энциклопедия: Т. XVI. СПб., 1914. С. 529.

2. Новая система чинов юридически оформила статус офицера.
3. Критериями отбора командного состава в большей степени стали образование, профессионализм, опыт и выслуга.
4. Военная служба возвысилась по статусу над гражданской, но стал возможен переход в нее воинов, потерявших здоровье.
5. Подготовку и воспитание офицерских кадров, с постепенным нарастанием темпов начали осуществлять в специализированных учебных заведениях, и, как правило, в России, а не за границей, а степень квалификации определялась уже не положением чиновника, а уровнем его должностной подготовки и личной общей и профессиональной образованностью²⁰⁴.

Желая привлечь в армию как можно больше перспективной молодежи из различных сословий, Петр I всемерно повышал престиж военнослужащих, и в первую очередь – офицерского состава. Для этого применялись различные способы и методы, например, если производство в первый офицерский чин (XIV класс по Табели...) давало право на приобретение потомственного дворянства²⁰⁵, то гражданское поприще предоставляло такую привилегию только с VIII класса, а чин XIV класса давал право только на личное дворянство.

Автоматическое причисление новоиспеченного офицера с «нисходящим» потомством к дворянскому сословию²⁰⁶ (дети, рожденные до того, как их отец стал офицером, считались обер-офицерскими детьми, но один из них мог получить потомственное дворянство по ходатайству отца) давало право новому дворянину пользоваться всеми дарованными сословными привилегиями и прилежно исполнять уже новые сословные обязанности, например – служить в армии или на флоте, готовить к этой службе потомство мужского пола.

Помимо преимущества в получении потомственного дворянства военной службой перед статской Петр I установил и официальное преимущество в чине

²⁰⁴ Левин Л. З. Чинопроизводство в России XV – начала XX вв.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 79-81.

²⁰⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. VI. № 3705.

²⁰⁶ Это правило просуществовало в армии до Манифеста 11 июня 1845 г., по которому потомственное дворянство приобреталось офицером при производстве в чин VIII класса (См.: 2-е ПСЗ РИ. Т. XX. Отд. 1. № 19086).

для офицера перед статским чиновником в чине равного класса (ранга). Более того, это преимущество офицер имел перед любым не служащим дворянином.

Официально прапорщик (до 1730 г. – фендрик) армейской пехоты (чин XIV класса по Табели...) был по статусу выше находившегося не в службе князя с родословной «от Рюриковичей» и, что характерно, это было не формальное преимущество, а вполне конкретное, проявлявшееся в практической жизни. Например, на балах офицер имел прямое преимущество перед гражданскими, приглашая даму на танец, что для юношей-дворян того времени имело большое значение.

И, если император указал, чтобы дворянин под угрозой штрафа в размере одной трети жалованья того офицера «почесть и первое место давал каждому обер-офицеру»²⁰⁷, то и одновременно дал офицеру право, а скорее – обязанность, защитить свою привилегию под тем же наказанием «тож и офицеру ежели уступит»²⁰⁸, находясь в уверенности, что любой офицер, потом и кровью заслужив свое дворянство, будет любыми средствами защищать свой, с таким трудом доставшийся патент и останется верен лично царю. Этим документом Петр I, по сути, завершал борьбу против местничества, начатую еще Федором Алексеевичем.

Впрочем, серьезно заботился император и о качестве и чистоте рядов офицерского корпуса, справедливо полагая, что лучше потерять одного в мире, чем многих в бою. Он без рассуждений и колебаний требовал отставлять от службы офицеров, недостойных этого звания и своего чина, «которым за шумство и другими непотребными их поступками, в службе быть невозможно»²⁰⁹, однако с целью избежать ошибок и сведения счетов это самое «шумство» обязаны были засвидетельствовать все офицеры полка «по совести и под присягой»²¹⁰.

²⁰⁷ 1-е ПСЗ РИ. Т.IV. № 2467.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. № 3807.

²¹⁰ Там же.

В особом положении находилась гвардия. Указом от 26 февраля 1714 г. дворян, всех тех, как отмечается в источниках «которые с фундамента солдатского дела не знают»²¹¹ и реально не служили (только числились) солдатами в гвардии было запрещено производить в офицеры.

Гвардейские полки при Петре I играли роль кадрового резерва и службы правительственного контроля одновременно. Чины гвардии, как офицеры, так и нижние чины, были доверенными лицами императора при губернаторах, военачальниках, послах, высокопоставленных чиновниках. Штаб-офицеры гвардии поочередно «помесячно» исполняли должность государственного фискала, поставленного «смотреть дабы Сенат должность свою исполняли»²¹². Из офицеров был назначен и Обер-прокурор Синода, причем требовалось два основных, по мнению Петра I, качества: чтобы претендент на должность «имел смелость и мог управление Синодского дела знать»²¹³.

Направленным в губернии для контроля над губернаторами, гвардейцам иногда давали полномочия «держать в канцелярии на цепях и в железках скованными» любых виновных, включая вице-губернаторов²¹⁴. Им дано было право направлять свои донесения непосредственно в Сенат²¹⁵.

Кроме того, когда полки были расположены на квартирах в уездах, то на командиров полков, а в их отсутствие – на старших офицеров были возложены функции контроля за гражданскими властями с обязанностью доклада Сенату или Коллегиям, в случае выявления каких-либо злоупотреблений или невыполнения Указов и повелений вышестоящего начальства²¹⁶.

Даже для высокопоставленных сановников при Петре I не делалось исключений. Общеизвестен факт назначения в 1706 г. гвардии сержанта Михаила Щепотева личным представителем царя к главнокомандующему армии, направленной для подавления астраханского восстания, фельдмаршалу Бори-

---

²¹¹ 1-е ПСЗ РИ. Т.V. № 2775.

²¹² Там же. Т.VI. № 3721.

²¹³ Там же. № 4001.

²¹⁴ Там же. № 3460.

²¹⁵ Там же. № 3249.

²¹⁶ Там же. Т.VII. № 4535.

су Петровичу Шереметеву. Как пишет историк С. М. Соловьев: «Указ посылаю ныне к вам с сержантом господином Щепотевым, которому велено быть при вас на некоторое время, и, что он вам будет доносить, извольте чинить»²¹⁷, – такое наставление дал Петр I фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Так, гвардии сержанту вменялся в обязанность контроль за соблюдением указов, в противном случае за несоблюдение он мог докладывать царю.

Другой доверенный царский гвардеец – Лейб-гвардии сержант Украинцев был послан руководить Уральскими государственными заводами.

Так неординарно Петр I завершил выстраивание системы жесткой подотчетной дисциплины Российского государства. В начале XVIII в. завершается создание принципа законности, который приходит на место обычаев, правил, обрядов, действовавших в предыдущих периодах истории. В России идею законности воплощал Царь (с 22 октября 1721 г. – Император) как самодержец и глава всей законодательной, исполнительной и судебной власти. «Неуважение» к закону теперь становилось преступлением против основ правопорядка.

Но общественно-политическая ситуация в самой России, усугубляемая сложным международным положением, не позволила ее Вооруженным Силам развиваться по пути эволюции национальной военной системы. Однако практика иностранных нормативных документов, которую брали за образец, зачастую шла в разрез с национальной спецификой Российского государства. Примером этого может служить вышеназванный источник «Уложение или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат» Б. П. Шереметева. Проводя исторический анализ и сравнение его с «Соборным Уложением» 1649 г., можно отчетливо видеть разницу как в родах «казней», так и в формах их исполнения. Убежденный западник, Б. П. Шереметев практически полностью перенес в российские реалии карательную методику западноевропейских воинских уставов.

---

²¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. XI–XV. 2-е изд. СПб. 1851–1879 гг. С. 1386.

По «Уложению...» Б. П. Шереметева за 52 из 81 перечисленных в нем преступлений назначалась смертная казнь, причем, по мнению генерал-майора М. П. Розенгейма, – отнюдь не за совершенные «выдающиеся преступления»²¹⁸, а за «ничтожные сравнительно нарушения»²¹⁹: «кто с караула сойдет без перемены», «отбежит в погоне за неприятелем» и т.д. Так, к известным ранее видам наказания в виде лишения жизни кодекс добавляет четвертование и децимацию²²⁰. Так же в документе говорится: «Буде кто на кого наймет или научит убить, а буде учинять убийство, то в страхе прочим на четыре части рассечь»; в другой статье за «все тайные сборы и советы без воли вышнего начальника» в кодексе цинично предписывалось виновника «рассечь на четыре штуки». Кроме того, подобное наказание относилось и к виновным, сообщившим неприятелю различные сведения о своих войсках. Необходимо отметить и коллективные наказания военнослужащих. Среди наказаний петровского времени, предусмотренных обоими кодексами, наказание в виде децимации²²¹ применялась к подразделению и даже к войсковой части в том случае, когда «буде целые полки, шкwadроны, батальоны или роты присягу свою и обещание забудут, тогда оные начальники имения, чести купно и с животом лишены да будут и из тех же начальных людей солдатами рядовыми десятой человек, на которого жребий падет, повинен да будет» (в ст. 44 «Уложения...»): «буде осадные люди к сдаче места коменданта принудили и за то тех начальников и солдат десятого человека по жребию казнить смертью»²²². Как показывают имеющиеся материалы, командир и все офицеры лишались жизни в полном составе, из нижних чинов казнили каж-

²¹⁸ Уложение или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат. Ст. 3, 6, 8, 11, 14, 17–20, 22, 29–30, 37, 40–47, 50, 56, 58, 63, 69, 74–75, 77–78, 85, 90, 98, 105, 112, 117–118, 122, 123, 126, 129 и 130 (См.: *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 76).

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Децимация – казнь каждого десятого по жребию.

²²¹ *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 69.

²²² Там же.

дого десятого, остальных прогоняли сквозь строй, лишали знамен, изгоняли из места основной стоянки войск в отдельный лагерь²²³.

«Уложением» предусмотрены 3 случая, когда военному служащему дозволено, и более того, он обязан, предварительно предупредив, убить своего сослуживца: за трусость и уклонение от боя, как офицеру – солдата, так и солдатам – офицера (если рядом нет старшего по чину начальника); при поимке преступника, если он станет сопротивляться; за выход в походе из строя, если отставшего не удалось вернуть на место силой²²⁴.

Телесные наказания включали: битье кнутом или прогнание через шпицрутены (вновь введенное наказание), «ручное боевое наказание», отрезание носа, «посаждение в оковы до 7-ми дней» и «ношение мушкетов», «пробитие руки ножом за нанесение раны ножом, причём нож признается «потайным и воровским оружием»²²⁵. Нередко к этим наказаниям добавлялось какое-либо правопоражающее наказание.

Предусмотренное «ручное боевое наказание», которое быстро стало необходимым атрибутом власти, применялось практически без военного суда, исключительно по решению командира; в крайних случаях – путем «жесточкого боевого на теле наказания», и только в одном случае назначалось «по судному приговору» вместо «чести нарушения»²²⁶.

Отрезание носа как «членовредительное наказание» применялось к военному служащему только за ложное целование креста и исключительно в соединении с изгнанием: «аще кто перед воинским судом ложно присягу или целование креста учинит»²²⁷, – отмечалось в «Уложении...».

²²³ Епифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 217-218.

²²⁴ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 69.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Шендзиковский И. А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства. СПб., 1885. С. 21.

²²⁷ Рожнов А. А. Членовредительские наказания в Московском государстве XVI–XVII вв. по свидетельствам современников-европейцев // Вестник института. 2010. № 11. С. 78-83.

Наказание в виде ношения мушкетов (и его тяжесть) зависела как от человеческого (усмотрения наказывающего) фактора: назначенных часов ношения в сутки и числа суток, так же и от не зависящего от воли человека погодного фактора – выстоять «держати по два часа, а третий час отдыхати»²²⁸ в строевой стойке с мушкетом в положении «на плечо» под проливным дождем или под палящим солнцем – суровое испытание. Продолжительность взыскания варьировалась от одного до шести раз, и до недели продолжительностью²²⁹. Этот вид наказания сохранился в Русской императорской армии до 1917 года, а в иностранных армиях гораздо дольше. За «татбы в поле и в осаде» с оружием, в число введенных воинских наказаний, для военнослужащих была введена каторга. Так же к подобному виду наказаний можно отнести и содержание за караулом²³⁰.

В «Уложении...» имелись и менее жестокие наказания, направленные на воздействие через нравственность и честь военнослужащих: лишение чести, отставление от чина или от службы на время или навсегда, разжалование и т.п.²³¹ Из них первое являлось сопутствующим наказанием к битью кнутом (торговой казни) или являлось следствием этой меры, применялось в случаях повторного пьянства «при неприятеле» или в карауле, так же и в случае отлучки из караула. Таким образом, отставление от службы («отставления от чина») использовалось вместо удаления виновного из армии. Само же удаление преследовало цель предотвращения подобных примеров. К военнослужащим-иностранцам за аналогичные проступки применялось «исключение из службы», сопряжённое с изгнанием наказанного за пределы Российского государства.

Разжалование в рядовые было установлено по трем статьям (ст. 7, 48, 84 «Уложения...»). Наказание было срочным и назначалось на два месяца или же, являясь следствием «отставления от чина», до срока восстановления в

²²⁸ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 70.

²²⁹ Там же. С. 69–70.

²³⁰ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 89–91.

²³¹ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 70.

прежнем чине²³². Суд, наказывая, давал возможность научиться в должном виде исполнять соответствующие обязанности, начиная службу рядовым и дослужившись до предыдущего чина.

Лишение чести (или «чести нарушения», или «бесчестия») применялось совместно с лишением имущества наказанного. «Уложение...» устанавливало (ст. 44), что наказанные «имения, чести купно и с животом лишены да будут». По своей сущности оно было наказанием исключительно воинским, так как снижало служебные блага военнослужащих. Это наказание, в виде исключения, применялось и с «потерянием чина» (ст. 85), или даже с лишением жизни²³³. Наиболее близкими по смыслу и содержанию к традиционным воинским наказаниям предшествующих эпох в «Уложении...» были «испрашивание христианского прощения» за словесное оскорбление и получение преступником удара – за оскорбление действием. Примечательно, что, как и ранее, оскорблённый наносил обидчику аналогичное действие и при тех же окружающих, что и при оскорблении (ст. 62 «Уложения...»)²³⁴. К таким же, привычным наказаниям, относились и наказания денежные в виде начетов, пеней, вычетов из жалованья, конфискаций.

В целом, сравнив военно-карательные средства «Уложения...» с теми, что были установлены другим нормативным документов той эпохи – «Артикулом кратким», можно сформулировать цель изучаемой политики, которая сводится к грубой форме устрашающего воздействия на военнослужащих. Проведенный детальный анализ позволяет утверждать, что в кодексах как Б. П. Шереметева, так и А. Д. Меншикова нет ни единой меры, преследовавших иные намерения. Даже «исключение из службы» недостойных носило тот же характер.

Петр I завершил начатое его предшественниками, возведя устрашение для военных в ранг закона. Главнейшим принципом воинских наказаний раз-

²³² Преступления против военной службы / под общ. ред. Н. А. Петухова. СПб., 2002. С. 15–19.

²³³ Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой: Историко-юридическое исследование. М., 1891. С. 175.

²³⁴ Иванов Е. С. Воспитание воинской чести у офицеров Российской Армии XVIII – начала XX века: Историко-педагогический анализ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. С. 16–17.

работанной системы стала польза для государства. В этот период считалось, что заботиться об исправлении преступника невыгодно и экономически нецелесообразно. Однако, военная политика Петра I стала несомненным шагом вперед, так как в ней реализовывалась идея соответствия между преступлением и наказанием.

Для определения основных целей политики Петра I необходимо раскрыть систему воинских наказаний по Воинскому артикулу. Четвертование стало одной из наиболее употребительных форм наказания, которые применялись к военнослужащим, совершившим особо тяжкие преступления (3 случая): «за сообщение неприятелю лозунга», «за сношение с неприятелем», «за допуск таких сношений», за измену, за «бунт против Государя» и др.²³⁵

В Воинском артикуле четко прослеживается принцип строгости наказания от тяжести возможных последствий совершённого деяния. Например, если воинские преступления влекли за собой невыгодные последствия для государства, четвертование производилось в виде разрывания тела клещами, а при отсутствии таковых последствий преступника четвертовали лишь после его умерщвления²³⁶.

За убийство начальника назначалось колесование, как особо жестокий (и назидательный) вид наказания. Иногда колесование назначалось за грабеж возчиков провианта (войскового обоза), но проводилось после лишения жизни виновного. Кроме того, установлен был и такой экзотический вид казни, как сожжение – применялось в случае умышленных поджогов. Из редких, но жестоких видов наказаний было: за утерю оружия и проматывание форменной одежды полагался расстрел; за поднятие руки на фельдмаршала – отсечение головы; и повешение – за ряд воинских нарушений: трусость, неповиновение и т.п.²³⁷

²³⁵ По подсчету генерала М. П. Розенгейма до 122 случаев. (См.: *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 107-108).

²³⁶ *Ступин М.* История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 23-27.

²³⁷ *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1904. С. 97.

В сущности, для того достаточно жестокого времени эти меры воздействия не были новы и носили скорее карательно-назидательную направленность. Однако, выполняемые ими задачи именно в этот период получают законченный вид²³⁸. Кроме того, упрощался сам порядок применения наказания и начальник наделялся все более возрастающей карательной властью. Военная система, которая позволяла преодолевать преступления в армии, созданная Петром I, действовала самым решительным образом, отказываясь от нормального порядка ведения правосудия и допуская лишение жизни в дисциплинарном порядке²³⁹. Это свидетельствует о главенстве идеи устрашения – если «Уложение ...» допускало без суда лишать жизни виновного за трусость, сопротивлявшегося преступника и уход из строя на походе, то в «Воинском артикуле...» было увеличено количество таких статей, которые предусматривали смертную казнь в виде «лишения живота» и «предания смерти»²⁴⁰.

Схожие изменения коснулись и телесных наказаний, которые стали назначаться следующим образом: отсечение руки назначалось за «причинение раны» хозяину дома или его домочадцам; вырывание ноздрей – за членовредительство, симуляцию, порчу лошадей и др.²⁴¹ Кроме того, телесные наказания назначались и в дисциплинарном порядке. Так, офицер не исполнившего его приказ солдата «прогонял через строй». Это норма служила офицерам для поддержания концепции устрашения как самого виновника, так и его сослуживцев. При этом телесные наказания могли быть назначены и вышестоящими начальниками.

²³⁸ *Сергеевский Н. Д.* Телесное наказание в России в XVII веке // Журнал гражданского и уголовного права: Январь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 1. СПб., 1886. С. 1-36.

²³⁹ *Исаев М. М.* Наказание по артикулу воинскому (глава из неопубликованной монографии) // Вестник Московского университета. 1995. № 1. С 51-57.

²⁴⁰ *Туркин А. А.* Воинские преступления в «Артикуле воинском» Петра Великого // Ученые записки ДЮИ. 2005. Т. 28. С. 145–149.

²⁴¹ *Карханина Л. В.* К вопросу о понятии телесных наказаний и истории их применения // Материалы Междунард. науч. конф. Самара, 2013. С. 92–95.

Активное применение в изучаемый хронологический период получили следующие виды наказаний для военнослужащих: арест, имущественные наказания, в том числе конфискация имущества.

В целом, необходимо отметить, что наказания носили явный карательный характер и были крайне жестокими и суровыми. Военские наказания, отраженные в документальных памятниках истории, были направлены «поражать реальные блага преступника»: его жизнь, телесную целостность и здоровье, его честь. Однако проведенная петровская реформа не предусматривала такого необходимого условия наказания, как его неизбежность. Более того, разработанные Петром I механизмы зачастую бездействовали и не всегда применялись на практике. Следует напомнить и о том, что Военский артикул в области постановлений о воинском наказании был, в некотором роде, переделкой шведских артикулов 1683 года²⁴². И, с одной стороны, он внес совершенно не апробированные в отечественной исторической практике карательные средства, а с другой – фактическим применением нововведенных карательных способов побуждения полностью изменил их содержание. Само начальство редко обращалось к Военским артикулам. Так, в большинстве приговоров того времени не было ссылок на законы, а принимавшие решения должностные лица действовали, исходя из личности преступника и ситуации, в которой происходило нарушение, что, безусловно, имело субъективный характер²⁴³.

Таким образом, Петром I было положено начало формирования единой системы, которая включала в себя четкую структуру, комплектование и деятельность в армии, жесткую воинскую дисциплину, определяла военные преступления и наказания за них, а также позволила создать колоссальный и детально сформулированный пласт нормативных документов, ставших в дальнейшем важными первоисточниками для освещения военного дела в русской армии. Анализ архивных и опубликованных источников, относящихся к изу-

---

²⁴² Бобровский П. О. Старошведское военное право. М.: Тип. Генеральн. Штаба, 1881. С. 288.

²⁴³ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 72

чаемому периоду, позволяет выделить следующие проступки и преступления военнослужащих: убийство, побег из армии, драка, пьянство и др. Видами наказания за преступления в армии могли служить: штрафы, телесные наказания, лишение свободы, смертная казнь.

Укрепление воинской дисциплины в период правления Петра I основывалось посредством влияния государства, военных командиров на поведение офицерского корпуса и нижних чинов. Это стало возможным за счет принятия и требовательного соблюдения военно-правовых документов, а также через сознание военнослужащих, обращение к их морально-нравственным началам. Именно под руководством Петра I в России была впервые создана основательная законодательная база воинской службы. В петровских войсках несоблюдение воинских уставов, законов, наставлений стало рассматриваться как преступление против государства и его армии. Таким образом, реформа конца XVII – начала XVIII в. стала кардинально новым этапом в развитии русской армии, что позволило поднять боевой дух военнослужащих, сформировать и укрепить воинскую дисциплину, в то же время создать жесткую систему устрашения за преступления в войсковых частях.

§ 1.3. Особенности разработки военно-правовых норм по преодолению преступности и дисциплинарной практики войск в 1725–1796 гг.

Борьба российского государства с преступностью в армии и реализация дисциплинарной практики в войсках в различные периоды истории имели свою специфику. Одним из особенных этапов в данной области стал XVIII век – время дворцовых переворотов, введения западных инноваций и иноземных традиций, которые отразились на государственном устройстве, а также на всех социальных сферах жизни российского общества того периода времени.

Одной из главных причин дворцовых переворотов стал Указ Петра I о престолонаследии от 5 февраля 1722 г., по которому сам император определял наследника престола, тем самым, отменялся традиционный порядок вос-

шествия на российский престол. В результате скоропостижной смерти первого императора наследник так и не был определен, после чего и начинается эпоха дворцовых переворотов, главным орудием которых была гвардия, авангард русской армии. В 1736 г. Анна Иоанновна ограничивает обязательную службу дворян 25-ю годами, а Петр III Указом «О вольности дворянства» от 18 февраля 1762 г. установил полную свободу дворян в отношении государственной, военной и гражданской службы²⁴⁴. Императоры, олицетворяя государственную власть, решали вопросы военного дела страны. В ходе дворцовых переворотов при монархах создавались высшие органы власти, влиявшие на самодержцев и способствовавшие государственной политике по реформированию армии. К ним следует отнести: Верховный тайный совет, Кабинет министров, Конференция, Императорский совет.

Как известно, составление новой системы в области искоренения преступности в армейских рядах и дисциплинарного поведения для регулярного войска началось еще при Петре I в 1689 году. В это время была предпринята попытка создать однородную судебную систему в войсках. Еще в 1680 г. Иноземный приказ был объединен с Рейтарским, а в 1693 г. Иноземному приказу стали подсудны дела о «начальных людях поместных войск, наравне с войсками иноземного строя»²⁴⁵. Однако, лишь в 1700 г. в особом, Военном приказе (с 1701 г. был переименован в Приказ Военных дел²⁴⁶), было сосредоточено управление всеми войсками, кроме артиллерии и казаков. Руководил данным Приказом князь Яков Федорович Долгоруков. Ему было поручено «взять определенное число дьяков и подьячих, устроить судебную часть для суда начальными людьми всяком рода войск сухого пути»²⁴⁷.

Отдельное и особенное место в военной системе Российского государства в начале XVIII столетия занимала артиллерия, которая подчиня-

---

²⁴⁴ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений ... С. 104.

²⁴⁵ Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV – XVII веков: формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. СПб., 2005. С. 65.

²⁴⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. IV. № 1859. С. 170.

²⁴⁷ Бобрковский П. О. Преобразования Петра Великого. СПб., 1881. С. 67–68.

лась фельдцейхмейстеру, вместо «пушкарского головы»²⁴⁸. В европейских армиях того времени артиллерия также относилась к элитным родам войск и имела собственную систему по реализации борьбы с преступностью, подчиняясь «принцам крови и иным знатным людям». Однако, в войсках Петра I она подчинялась общевоинским законам, так же как и другие подразделения²⁴⁹.

Общие для всех родов войск и обязательные к исполнению законы, одинаковая для них форма суда, установленная в Уставе воинском (1716 г.) и утвержденная верховной санкцией 30 марта в Данциге²⁵⁰, позволили создать единую систему борьбы с преступностью в воинских рядах.

В исследуемый период появляются следующие документы, которые позволили регламентировать дисциплину в армии²⁵¹:

1) «Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов», (законы военно-административные) в 68-ми главах.

2) Артикул воинский, с кратким толкованием, в 24-х главах.

3) Краткое изображение процессов или судебных тяжб (законы военного суда) в трех частях.

4) Экзерциции – приготовление к маршу, звание и должности полковых чинов.

Учреждение регулярных войск в России позволило ввести целый ряд новшеств и улучшений как в войсках, так и в государственном устройстве и обеспечении его соответствующей нормативной документацией. Наличие в стране большого контингента войск на регулярной основе привело к корен-

---

²⁴⁸ РГАДА. Путеводитель: в 4 т. / Сост. Е. Ф. Желоховцева, М. В. Бабич, Ю. М. Эскин. Т. 3. Ч. 1. М., 1991. С. 59.

²⁴⁹ Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в первой трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 12.

²⁵⁰ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях ... С. 33.

²⁵¹ Ковалев К. С. Военно-уголовное законодательство в России (конец XVII – начало XVIII вв.) // Право и образование. 2014. № 5. С. 145–150.

ным изменениям в государственном устройстве, так, например, было упразднено поместное войско²⁵².

Из научно-исследовательской литературы видно, что в первые 15 лет Северной войны, далеко не все войско являлось регулярным²⁵³. Полки не раз формировались на скорую руку, пополняясь «различным сбродом», что сказывалось на дисциплине в войсках, приводило к неповиновению, грабежам и мародерству со стороны военных. Эти и другие причины не способствовали внедрению в регулярные войска новых законов.

Следует напомнить, что зачатки регулярной армии возникли в России не при Петре I, ее формирование началось вместе с появлением так называемых полков нового (иноземного) строя. Более того, в ряде отечественных исторических исследований, появившихся в последнее время, убедительно доказывается существование регулярной армии в России уже в XVII в., в них также отмечается, что русская армия XVII–XVIII вв. до настоящего времени остается малоизученной²⁵⁴. О данной точке зрения свидетельствуют укомплектованность полков иноземного строя профессиональными военнослужащими, как иноземцами, так и российскими подданными; существование иноземных полков на постоянной основе; наличие формализованной организационно-штатной структуры, системы воинских званий; содержание за счет государства; подчинение органам государственной власти и др. В целом, ряд историков признают, что еще предшественники Петра I, его отец (Алексей Михайлович) и дед (Михаил Федорович), начали в войсках вводить иноземный строй, военные порядки и законы²⁵⁵.

---

²⁵² Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV – XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954. С. 186–192.

²⁵³ Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII стол. (1700–1761). Вып. 1. СПб., 1900. С. 37–39.

²⁵⁴ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 47–48.

²⁵⁵ Беляев И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 45; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича ... С. 57.

Приведем некоторые цифры. В 30–50-е гг. XVII в. полки нового строя – регулярные полки – составляли 60–75 % от численности всего войска. К 60-м гг. XVII в. число регулярных войск увеличилось до 79 % от общей численности Вооруженных Сил. В 1663 г. существовал 41 солдатский полк иноземного строя и 26 рейтарских полков. В 1680 г. при общей численности военной организации Российского государства в 214 тыс. 600, в регулярных частях служило 82 % военнослужащих²⁵⁶. При этом в 1681–1682 гг. иностранцы составляли 10–15 % от общей численности командного состава русского войска²⁵⁷. Регулярные части в XVII в. стали преобладающей частью войска и занимали важнейшее место в системе военной организации Российского государства.

Основным результатом военной реформы, начатой в конце XVII – начале XVIII в. стало объединение власти, упрощение механизма управления, утверждение строгой иерархической соподчиненности и единства военных законов на началах коллегиального суда, которому были подчинены все военнослужащие, без различия чинов и родов оружия. Историческая заслуга Петра I состоит в том, что он создал систему, вносящую в государственный и военный быт России принципы регулирования армейской системы, которая нашла отражение в регламентации и сведении воедино нормативной документации по закреплению дисциплины среди военных и урегулированию военных преступлений²⁵⁸.

Как показало проведенное исследование, Петр I к концу своего царствования убедился в том, что некоторые разработанные им документы на практике так и не были использованы²⁵⁹. Например, Н. И. Фалеев писал: «Артикул – есть призрак, которому никогда не суждено принять реальную оболочку»²⁶⁰.

²⁵⁶ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства ... С. 201.

²⁵⁷ Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 2–4.

²⁵⁸ Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 58–63.

²⁵⁹ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 111.

²⁶⁰ Там же. С. 118.

В целях совершенствования законов в области военной системы Петр I учредил комиссию, назначив в ее состав чиновников и депутатов от дворянства из каждой губернии. Перед созданной комиссией стояла задача разработать Сводное уложение на основании собственных российских, исторически сложившихся законов и обычаев. Однако из-за смерти императора Петра I комиссия прекратила существование, практически не успев приступить к работе.

Такое, на взгляд современников, поспешное решение императора пересмотреть им же принятое военное законодательство породило мнение у его преемников о слабой дееспособности петровской военной системы²⁶¹. Так, едва вступив на престол, Императрица Анна Иоанновна, своим именованным Высочайшим указом от 1 июня 1730 г. «Об учреждении Комиссии для рассмотрения состояния армии, артиллерии и фортификации и исправления оных» создала специальную воинскую комиссию, определив ей задачей рассмотрение действовавших в 1730 г. законов²⁶², и в этом Указе Императрицей было конкретно отмечено: «... 15. Понеже <...> сочинены новые военные артикулы, которые до сего времени в действо не произведены: того ради имеет Комиссия оные артикулы такожде рассмотреть: чтоб могли потом, и по получении Нашей Всемилостивейшей конфирмации, опубликованы и в действо произведены быть»²⁶³.

Результаты трудов комиссии в 1731 г. были направлены на рассмотрение в Санкт-Петербург. В донесении воинской комиссии в Правительствующий Сенат от 3 августа 1731 г. было изложено следующие: «... велено сочиненные вновь военные артикулы, а действием не произведенные, рассмотреть воинской комиссией <...> оные из военной коллегии артикулы послать в Санкт-Петербург в воинскую комиссию <...> дабы в том излишнего замедле-

---

²⁶¹ *Парамонов А. С.* О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения. СПб., 1904. С. 7–8.

²⁶² РГВИА. Ф. 801. Оп. 121. Д. 19. Л. 2.

²⁶³ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. С. 69–72.

ния не было»²⁶⁴. Однако работа и этой комиссии не была закончена, и в начале 1733 г. она была распущена.

В этот же период, по инициативе Б. К. Миниха, который, как Президент Военной коллегии и генерал-фельдцейхмейстер, вел активную работу по улучшению (в том числе и законодательного) положения русской армии, были составлены новые военные артикулы, представлявшие собой три самостоятельных раздела. Составлены они были на двух языках – русском и немецком. Однако, и данные документы также не были использованы в целях реформирования армии Российской империи, а впоследствии были и вовсе утеряны²⁶⁵.

Следует отметить, что в 1730-е гг. в русской армии под руководством генерал-фельдмаршала Б. К. Миниха были проведены и некоторые реформы. Так, сформированы кирасирские полки (тяжелая кавалерия) и гусарские легкоконные роты из выехавших в Россию грузин, венгров, валахов и сербов. На южной границе страны было организовано Слободское казачье войско. К середине XVIII в. русская армия насчитывала 331 тыс. чел. (в том числе в полевых войсках – 172 тыс. чел.). Для сравнения укажем, что общая численность Вооруженных Сил России к 1725 г. (концу царствования Петра I) достигала 220 тыс. чел. Дивизии и бригады в середине XVIII столетия стали штатными соединениями, но имели разный состав. На период войны создавались корпуса и армии. Пехота состояла из 46 армейских, 3 гвардейских и 4 гренадерских полков, кавалерия – из 20 драгунских, 6 конно-гренадерских и 6 кирасирских полков. Появилась легкая егерская пехота, которая к концу XVIII в. насчитывала более 40 батальонов²⁶⁶.

В период правления Анны Иоанновны военные организация и комплектование армии, возникшие еще при Петре I, претерпели некоторые изменения. Если в петровскую эпоху солдаты и офицеры обязаны были служить в армии

²⁶⁴ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 111–112; Сидоркин А. И. Воинские наказания в Российской империи (1725–1855 гг.) // Lex russica. 2013. № 5. С. 542–559.

²⁶⁵ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 112.

²⁶⁶ Волков В. А., Перевезенцев С. В. Русская армия в XVIII столетии // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35339.php> (дата обращения: 16.12.2014).

пожизненно, то с 1736 г. для дворян вводился 25-летний срок службы. Затем, в 1762 г., как уже отмечалось выше, специальной грамотой Петра III дворянство было и вовсе освобождено от службы. Вслед за дворянством постепенно были освобождены от службы и ряд других сословных группы²⁶⁷.

Нормативно-правовое обеспечение строительства русской армии напрямую зависело от функционировавших органов управления ею. Как отмечает историк В. В. Анисимов, в 1736 г. Военной коллегии были переданы вопросы нормативно-правового обеспечения сбора податей, предназначенных на содержание армии, распределения денежных средств в военном ведомстве, различных видов довольствия войск, мундирная и др. Таким образом, военное управление, после целого ряда преобразований, было сосредоточено в одном центральном органе – в Военной коллегии, которая сосредоточила правотворческую и правоприменительную деятельность по вопросам комплектования армии, распределения бюджета военного ведомства, прохождения службы чинами армии²⁶⁸ и т.д.

Следует отметить, что созданная ранее система наложила отпечаток как на саму воинскую дисциплину, так и на борьбу государства с преступностью в армии, которая основывалась на розыске, а также на формальных доказательствах, важнейшим из которых считалось признание. Основной целью системы по-прежнему было устрашение, так же допускалось применение пыток. Свою специфику имеет и сам судебный процесс над военными служащими. В суде участвовало две стороны: обвинителя и обвиняемого, а при обвинении со стороны начальства в суде участвовал только обвиняемый. Обвиняемый обязан был доказывать свою невиновность. Все приговоры по уголовным делам для военных подлежали утверждению высшим начальством²⁶⁹.

Претерпевали изменения и сами суды, а так же те виды дел, которые они могли рассматривать. Военный суд уже в 1726 г. мог рассматривать

---

²⁶⁷ Анисимов В. В. Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России... С. 15.

²⁶⁸ Там же. С. 17-18.

²⁶⁹ Петухов Н. А. История военных судов России. М., 2003. С. 81.

только собственно воинские преступления, за совершение общеуголовных преступлений военнослужащие подлежали ведению общих уголовных судов.

В 1761 г. военные преступления рассматривали Горное ведомство, да и то, только за преступления по службе. В 1780 г. происходит ограничение по ведению суда над военными с учетом воинских чинов. С 1792 г. общие суды могли судить только военных нижних чинов, в 1797 г., в связи с созданием генерал-аудиториата, военные суды полностью обособляются от общих судебных инстанций. Чрезмерная строгость уголовных законов того исторического периода стала причиной их смягчения. Так, уже в 1754 г. императрица Елизавета Петровна принимает указ, заменивший смертную казнь. А в 1779 г. были отменены пытка и пристрастный допрос.

Помимо этого, в период царствования императрицы Елизаветы Петровны, в том же 1754 г. ею была созвана очередная Законодательная комиссия. Учрежденная комиссия вновь рассуждала об опробованном в Военной коллегии плане военных артикулов. В целом эти рассуждения представляли собой незначительные замечания по представленному проекту и носили формальный характер. В целом же деятельность данной комиссии по внедрению артикулов только этим и ограничилась²⁷⁰. В результате, к концу 1759 г. она прекратила свою работу.

Следующая попытка изменить систему в области искоренения преступности в армии и, в соответствии с этим, военного законодательства была предпринята в 1762 году. По указу императрицы Екатерины II была создана Комиссия для сочинения проекта нового Уложения, которая получила Особую инструкцию только что вступившей на престол императрицы. В п. 20 инструкции было указано: «... по прошествии столь великого времени и знатной перемены в нравах и воспитании народа, после издания в войске содержащегося в нем устава, Артикулов и процесса, весьма видимым образом требуется в них быть поправлена и пополнена, в чем особли-

---

²⁷⁰ Козлова А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. С.77.

во учрежденная комиссия уже и упражнялась, но наступившая война до желаемого в том окончания не допустила, то ныне сей комиссии все той, прежней комиссии сочинения касающееся до сего исправления, к себе взяв, рассмотреть и, сочинить по основанию нынешнего положения войска, вновь воинский устав, Артикулы и процесс, представить к Ее Императорскому Величеству»²⁷¹.

Из указа члену Военной коллегии генерал-адъютанту Михаилу Александровичу Яковлеву следует, что руководством для него должны быть: Морской Устав; Уложение; Воинский Устав с Артикулом Военным; План военных Артикулов в свод; Черные дела обер-аудитора Микешина; Новосочиненный при военной коллегии опробованный; План военных артикулов подполковника Языкова и др.

Как видно из источников, объем подготовленного материала был весьма значителен. К наиболее интересным, по мнению современников, следует отнести План военных артикулов генерал-майора Степана Языкова, разработанный в 50-х гг. XVIII в., к сожалению, не сохранившийся до нашего времени.

В целом, начиная со второй трети XVIII в., политика Российского государства по развитию армии, созданию документации по внутренней деятельности в войсках, утверждению воинской дисциплины имела бессистемный характер. Объективности ради следует отметить, что начало ей было положено еще в конце царствования Петра I и процесс этот продолжался до 1812 г. включительно, т.е. и изменения в системе сложившихся воинских наказаний производились беспорядочно, в соответствии с отдельными нормативными актами, по мере необходимости.

Изданные в XVIII в. указы и распоряжения преимущественно относились к наказаниям за уклонение от службы, причем особое внимание уделялось рекрутам и обращению с ними. Например, по Указу от 23 января 1739 г. нижних чинов, прослуживших менее года и «из бегов» пойманных, наказы-

²⁷¹ Законодательство Екатерины II: Государственный механизм. Организация государственного единства. Сб. док.: в 2 т. / Отв. ред.: Т. Е. Новицкая, О. И. Чистяков. М., 2000. Т. 1. 133–153.

вать полагалось за первый побег – прогнанием через шпицрутены, а за последующие – в соответствии с Артикулом 1715 года²⁷².

Так, 29 сентября 1766 г. было утверждено Генеральное учреждение: «О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто, как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет». В соответствии с ним рекрутов могли наказывать батóгами по усмотрению («по вине смотря») начальников рекрутских партий: за драку, пьянство, картежную игру и прочие «предерзости». За совершенный побег пойманный рекрут предавался суду, но при этом, в случае его добровольного возвращения «в рассуждение того, что к дальним и действительным побегам намерения не имел», беглеца наказывали битьем тростью или батóгами «в обыкновенной препорции», помимо этого, в целях ограничения произвола командиров за часто несправедливое и жестокое отношение с рекрутами, командование лишало начальников жалованья на треть, а также лишало их чинов – на время или навсегда, если побег рекрутов был следствием их жестокого обращения²⁷³.

Крайне сурово, как и раньше, преследовалось членовредительство в целях уклонения от военной службы. Отчасти это было связано и с требованиями религиозной морали, осуждавшей подобные деяния (и даже помыслы). Так, по Указу от 24 марта 1727 г. «О наказании рекрут, которые, отбывая от службы, отсекают у себя пальцы, или повреждают какой-либо член», рекрутам, которые «нехотя быть в службе Ее Величества, сами себя злодейски портят, и отсекают у рук и ног пальцы, и растравливают раны, и протчие различные вымышлено приключают себе болезни», полагалась за отсечение пальцев с этой целью «смертная казнь через десятого человека» или после вырезания ноздрей – вечная каторга, назначаемая по Артикулу²⁷⁴.

До того, в соответствии с Указом от 23 октября 1730 г., рекрутам, виновным в членовредительстве, но оставшимися все еще годными к службе –

²⁷² 1-е ПСЗ РИ. Т. X. № 7740.

²⁷³ Там же. Т. XVII. № 12748.

²⁷⁴ Там же. Т. VII. № 5050.

шпицрутены, не годных к службе – наказание кнутом «нещадно» и отправка в Сибирь «на заводы, на вечное житье»²⁷⁵.

Исторические документы свидетельствуют, что острая потребность в пригодном для службы контингенте заставила власти несколько смягчить членовредителям наказание. Так, фиксировались случаи, когда отобранные в рекруты, чтобы не идти «в солдаты», выдергивали у себя зубы, поэтому Указ от 15 января 1758 г. разрешал брать на службу рекрут, не имевших некоторых зубов и установил наказание тем, кто пытался уклоняться от службы таким образом²⁷⁶.

Тем же Генеральным учреждением: «О сборе в государстве рекрут ...» было установлено, что, если пытавшиеся «самокалечиться рекруты», но «которые ружьем владеть могут», то таковым полагалось «жестокое наказание, а именно... спицрутен сквозь пять сот человек три раза и определять в солдаты, а которые ружьем владеть не могут, тех с таким же наказанием писать в извошки...» остальных – «... бить плетью нещадно, и ссылат в каторжную работу по смерть, а помещикам зачитать им в рекруты»²⁷⁷.

Так же, выборочно, отдельными разрозненными документами устанавливались иные запреты и вводились наказания военнослужащих за эти нарушения:

а) «непристойные и противные разговоры против Императорского Величества» наказывалось гораздо более жестоко – трехразовым прогоном со шпицрутенами через целый полк – 1447 нижних чинов (с нестроевыми)²⁷⁸;

б) за азартные игры в карты и кости – в первый раз наказание тройным штрафом от суммы денег, находящихся в игре (из суммы этого штрафа одна треть денег доносчику, а две трети на «гошпиталь»); за второй – для офицеров и знатных людей предусматривалось заключение в тюрьму, а «подлых людей» – «бить батóгами нещадно»; за третий – штраф и битье «умножить

²⁷⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. XVIII. № 5632.

²⁷⁶ Там же. Т. XV. № 10793.

²⁷⁷ Там же. Т. XVII. № 12748.

²⁷⁸ Там же. Т. VII. № 5004.

вдвое», а вот за последующие случаи почему-то конкретное наказание не было определено, но было указано: «еще жестче наказывать»²⁷⁹;

в) за взятки и иные нарушения («обиды»), в период набора и сопровождения в полк рекрутов: для унтер-офицеров разжалование в рядовые и шпицрутены, для офицеров – вычет из жалованья, снижение в чине или лишение оно, штраф, а для задерживающих жалованье чиновников ещё и угроза наказанием в виде ссылки на галеры;

г) по современному называемые «неуставные взаимоотношения» – наказывались в зависимости от чина и сословной принадлежности нарушителя, а также, и от последствий правонарушения, но при этом любое посягательство на порядок подчинённости и прерогативы командира любого уровня наказывалось безусловно и показательно жестоко.

В офицерском обществе для нарушителей применялись: исключение «из бесед и собраний» (из общества), из службы; лишение чина, дворянства; ссылка; конфискация имущества; позорящие человека наказания, такое как «прибитие имени к виселице»²⁸⁰ и др.

Многочисленные упоминания о различных нарушениях дисциплины и наказаниях за них довольно часто встречаются в литературе того времени²⁸¹. Вопрос смертной казни, как высшей меры наказания за преступление, несмотря на общую жестокость наказаний, всегда стоял особо. Впервые, в обозримой исторической реальности, только в XVIII в. вопрос о недопустимости смертной казни был выдвинут на обсуждение государства и, тем самым, переведен из разряда сугубо теоретических в практическую плоскость. Нельзя не отметить, что тут сыграло роль и субъективное, крайне отрицательное отношение лично императрицы Елизаветы Петровны к данному виду наказания. Такое резкое из-

²⁷⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. IX. № 6313.

²⁸⁰ Там же. Т. X. № 7482.

²⁸¹ *Дубровин Н. А.* А. В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб., 1886. С. 111–112; *Роголин Н. Г.* Полковое учреждение А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005. С. 36–40, 53, 87; Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске (1802) // Русский архив. 1876. № 11. С. 347–348; *Чудинов А. В.* Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция XVIII – XX веков. Вып. 3. М., 2000. С. 93–95 и др.

менение на практике внесло определенный дисбаланс в развитие идеи о целях и общественном смысле наказания для военнослужащих и привело к несколько парадоксальному положению, так как формально в этот период смертная казнь отменена не была. Неоспоримым подтверждением этому служит пример приговора 1743 г. по делу Натальи Лопухиной, когда суд постановил колесовать ее, но императрица (несмотря на личные обиды), тем не менее, заменила смертную казнь на наказание, не связанное со смертной казнью, а именно, бить кнутом, вырвать язык, сослать в Сибирь и все имущество конфисковать. Но как уже было сказано выше, никакого официального документа, который бы отменял смертную казнь, в этот период не было. Считается, что в правление Елизаветы Петровны фактическое исполнение судебных приговоров к «высшей мере», было всего лишь временно ею приостановлено. Следовательно, личность верховного правителя и его личные убеждения по применению карательной политики государства в целом, и в сфере наказания (в том числе и воинского), в частности, играли весьма существенную роль.

Итак, Указами от 18 июня 1753 г. и 30 сентября 1754 г. императрица Елизавета I приостановила применение смертной казни, введя понятие «смерти политической», т.е. «чиня жестокое кнутом, и вырезав ноздри, ставить на лбу В:, на щеках на одной О:, а на другой Р: <...> И по учинении им того наказания заклепав в кандалы, ссылатъ до указа в тяжелую работу...», причем те, «кто явится в воровствах и разбоях, за те их воровства надлежать будут наказанию, бить кнутом, и с вырезанием ноздрей сосланы имеют быть в ссылку вечно»²⁸².

По мнению некоторых историков, данные указы не распространялись на военнослужащих²⁸³. В Указе от 2 августа 1743 г. на имя фельдмаршала П. П. Ласси, императрица повелела ему только «преступников из Шведов за убийства и грабеж не казнить натуральною смертию, но, по отсечении пра-

²⁸² 1-е ПСЗ РИ. Т. XIII. №№ 10305, 10306.

²⁸³ Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1862. С. 65.

вой руки у виновного, вырезав ноздри, ссылать его в вечную работу»²⁸⁴, также не упомянуты военные в контексте отмены или приостановлении смертной казни для данной категории и в Указе 30 сентября 1754 года²⁸⁵.

Впрочем, вполне очевидно, что на практике не могли обойтись без такого крайнего, но весьма веского аргумента для поддержания воинской дисциплины в целом, и общего военного правопорядка в частности, понимая, что сам ход ведения боевых действий предполагает вероятность гибели или тяжелого ранения военнослужащего. И мнение товарища (заместителя – К. К.) обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената И. Я. Фойницкого, считавшего, что: «Фактически смертная казнь у нас не уничтожалась, так как случаи ее применения были <...> с другой стороны, что ни один из указов Елизаветы Петровны не говорил об отмене смертной казни, а все они предписывают только не приводить ее в исполнение...»²⁸⁶, вполне актуально и сегодня. Однако в научной литературе имеются различные суждения. И, если по убеждению исследователя Н. С. Таганцева, данное мнение спорно, несмотря на то, что в Указе от 2 августа 1743 г. императрица Елизавета Петровна и требовала: «натуральною смертию никого из приговоренных в Финляндии русских солдат не казнить <...> хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божью и по правам государственным наижесточайшей смертной казни ...»²⁸⁷, мы вполне резонно можем указать на такие применявшиеся в ту эпоху наказания (шпицрутены в тысячи (пехотный полк полного состава) человек, запарывание кнутом, килевание), которые, несмотря на посыл «натуральною смертию никого <...> не казнить» приводили, тем не менее, к летальному исходу.

После смерти императрицы Елизаветы Петровны стали вновь приводить приговоры к смертной казни в исполнение. В качестве примеров можно привести казнь подпоручика Смоленского пехотного полка Мировича²⁸⁸,

²⁸⁴ *Сергеевский Н. Д.* Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 7. С. 51–60.

²⁸⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. XIV. № 10305.

²⁸⁶ *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремноведением. СПб., 1889. С. 142.

²⁸⁷ *Таганцев Н. С.* Смертная казнь. СПб., 1913. С. 65.

²⁸⁸ История Смоленского полка. СПб., 1900 г.

казнь 209 нижних чинов Литовского полка, пытавшихся бежать к Костюшко в период второй войны с Речью Посполитой²⁸⁹, или казнь в 1800 г. братьев Грузиновых²⁹⁰. Так же в 1807 г. дано прямое Высочайшее повеление применить смертную казнь к виновным в карантинных нарушениях, а уже 27 января 1812 г. утверждается Полевое уголовное уложение, вновь безусловно вводящее применение смертной казни в реализуемую карательную практику.

Таким образом, можно сделать вывод, что смертная казнь для военнослужащих в течение всего XVIII в. ни коим образом официально не отменялась, а ее фактическое применение в войсках на практике даже и не приостанавливалось. Следовательно, указы императрицы Елизаветы Петровны на вопросы и цели в таком разделе воинских наказаний, как приговоры к смерти и приведение их в исполнение – существенного влияния не имели, да и принципиальной задачи такого рода государство перед собой явно не ставило, ограничившись скухими мнимыми мерами.

Тем не менее, даже некоторое, пусть и сугубо формальное смягчение карательной политики получило отражение в последующих указах и кодексах. Примером тому могут служить «Провиантския регулы сочиненныя для учрежденной при Обсервационном корпусе комиссии генерала-провиантмейстера лейтенанта генваря дня 1758 года», в которых содержатся постановления о наказуемости преступлений, совершаемых казначеями, смотрителями военных магазинов, подрядчиками и т.п. За задержки отправки отчетов, подлоги по службе, ложные записи в книге продуктов, принятия денег вместо продуктов, растрату, порчу расходных и приходных книг военнослужащие и чиновники могли быть привлечены к ответственности. Например, были строго установлены не только порядок, но даже и место получения и выплаты денег. За каждый проступок с нарушителя взыскивался штраф, который вычитался из жалования. Растраты или нецелевое расходование денежных средств карались не только возмещением казенных убытков в двойном размере («то надлежит ему издер-

---

²⁸⁹ Сидоркин А. И. Воинские наказания в Российской империи (1725–1855 гг.). С. 542–559.

²⁹⁰ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 290.

жанные вдвое возвратить»), но и влекло за собой рассмотрение в суде и наказание «по Военным Артикулам»; за задержку рапортов и ведомостей «с тех взыскивать на Гошпитали из жалования на месяц», ну а если кто «без умысла данную ему книгу испортит, или мышами повреждена будет», взыскивался штраф 5 рублей, а «обретающихся при них писарей и канцелярских служителей, штрафуя на теле, дать им другие», за умышленное уничтожение виновных судили военным судом. С виновных смотрителей и подрядчиков взыскивали и пятикратную сумму убытка, так же могли их отдать и в солдаты. Имелись и отсылки на наказание провинившихся согласно другим документам: «... а за взятки штрафовать, как по Указам надлежит»²⁹¹.

В опубликованных исторических источниках отмечается, что именным Указом Сенату от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях ...» термин «воровство» как собственно преступление был классифицирован по трем родам: «1-й род воровство грабеж, 2-й род воровство кража, 3-й род воровство мошенничество» и даны определения этим деяниям²⁹². Данным Указом введена и градация по тяжести преступлений, отменено «причинение строгого телесного наказания» по Артикулу 1715 г. за незначительные кражи денег или вещей стоимостью менее 20 рублей, но, напротив, – существенно смягчены и упорядочены наказания, предусмотренные за соответствующие преступления.

В этот период императрица Екатерина II, следуя современным ей европейским направлениям развития социальных отношений, и находясь под определенным влиянием передовых мыслителей того времени, пытается, по мнению историка В. О. Ключевского, «обозначить либеральные реформы в духе идей века», которые вместо реформ привели в итоге к «салонной, литературной и педагогической пропаганде просветительных идей времени, к осторожному, но последовательно консервативному законодательству с особенным вниманием к интересам одного сословия»²⁹³.

²⁹¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XIV. № 10788.

²⁹² Там же. Т. XXI. № 15147.

²⁹³ *Ключевский В. О. О русской истории / Сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов / Под ред. В. И. Буганова. М., 1993. С. 503-504.*

Необходимо отметить, что в этот период происходят изменения в самой русской армии. Могущество российского государства увеличивалось за счет присоединения новых территорий и соответственно проживавшего на них населения. По сравнению с 1724 г., к концу XVIII столетия русская регулярная армия увеличилась в 2,5 раза, только путем присоединения польских земель территория России приобрела 435 000 кв. км., и в состав империи влилось около 6,6 млн чел.²⁹⁴ В 1767–1796 гг. на военную службу было набрано 1 067 458 рекрутов²⁹⁵. К тому же увеличение площади государства сопровождалось значительными преобразованиями национального состава населения, из которого видно, что удельный вес русских к концу XVIII в. упал ниже 50 %²⁹⁶.

Таблица 1 – Национальный состав Российской империи (%)
в XVIII столетии²⁹⁷

Народность	1719	1762	1795
Русские	70,7	62,3	48,9
Украинцы	12,9	14,6	19,8
Белорусы	2,4	6,7	8,3
Эстонцы	2,0	1,7	1,2
Татары	1,9	3,3	1,9
Чуваши	1,4	1,2	0,9
Калмыки	1,3	0,3	0,2
Башкиры	1,1	0,6	0,5
Латыши	1,0	1,3	1,8
Финны	1,0	2,7	2,2
Мордва	0,7	0,9	0,8
Немцы	0,2	0,2	0,6
Поляки	–	0,2	6,2
Евреи	–	0,2	1,4
Литовцы	–	–	2,0
Молдаване	–	0,5	0,5
Прочие народы	3,4	3,3	2,8
Население (млн.)	15,7	23,6	41,2

²⁹⁴ *Flocken J. von Katharina II. Zarin von Russland. В., 1991. S. 183, 314, 319.*

²⁹⁵ *Таннберг Т. Комплектование российской армии в первой половине XIX в. // Французский ежегодник. 2012. Т. 44. С. 153.*

²⁹⁶ Там же. С. 153-154.

²⁹⁷ Там же; *Миронов Б. Кому на Руси жилось хорошо // Родина. 2003. № 7. С. 13.*

Реформирования в армейской системе сказывались и на дисциплинарной практике в войсках. Идеи гуманизма в период правления Екатерины II опирались на значительные экономические преобразования в общественных отношениях и закономерно реализовывались в существенном смягчении и наказаний в армии. Именно этим обосновывается то, что жестокие телесные увечья, вполне рутинные до середины XVIII в. включительно и представлявшие собой отдельный вид в общей системе воинских наказаний, постепенно исключаются из судебной практики под влиянием установок «Наказа...» Екатерины II для депутатов Уложенной комиссии 1766 г., в которых определялось «всякое уродование тела противным человечеству»²⁹⁸. Еще раньше, с марта 1762 г., именным указом Военной коллегии было дано предписание: «О ненаказывании солдат и матросов за преступления батожем и кошками», так как «...милосердие побудит благодарность и благонравие, а не умножит предрозостей»²⁹⁹.

Примечательно, что Указом от 1 января 1782 г. и Адмиралтейской, и Военной Коллегиям предписывалось дать указания, чтобы при проведении дознания военные суды руководствовались требованиями X главы «Наказа...»³⁰⁰.

Жалованной грамотой³⁰¹ дворяне ограждались от телесных наказаний, но в ней же в п. 6 были определены и виды преступлений, за которые дворянства лишали:

«1. Нарушение клятвы;

2. Измена;

3. Разбой;

4. Воровство всякого рода;

5. Лживые поступки;

6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание;

²⁹⁸ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907.

²⁹⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XV. № 11467.

³⁰⁰ Там же. Т. XXI. № 15313.

³⁰¹ Там же Т. XXII. № 16187.

7. Буде доказано будет, что других уговаривал, или научал подобные преступления учинить»³⁰².

Городовое положение 1785 г.³⁰³ от телесных наказаний освобождало купцов двух первых гильдий. Как показывают источники, происходил переход от физического воздействия на обвиняемого или преступника к моральному влиянию на его личность³⁰⁴. Но в армии командование всех уровней увлечение императрицы либеральными европейскими социальными идеями не только не разделяло, но относилось к ним достаточно скептически.

И хотя П. А. Румянцев и А. В. Суворов совершенствовали русскую армию, старались превзойти, и превосходили, иностранную военную традицию, но некоторые приемы и методики из традиций русского войска забвению приданы не были. Так, например, устраняя побои, издевательские и жестокие наказания, требуя от офицеров отеческого к нижним чинам отношения³⁰⁵, А. В. Суворов наставлял: «Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет»³⁰⁶, позиционируя офицера и унтер-офицера именно как защитника и отца солдата со всеми вытекающими особенными для той эпохи последствиями.

Военный историк А. А. Керсновский пишет: «Историки левого толка <...> стремятся изобразить Румянцева «крепостником», намеренно искажая правду. Победитель при Кагуле, точно, не жаловал утопий Руссо, <...> и признавал всю их антигосударственность, что делает честь его уму»³⁰⁷. «Телесные наказания, и так очень редко применявшиеся Румянцевым, были при Потемкине совершенно выведены из обихода армии. Этим отсутствием заплечных

³⁰² 1-е ПСЗ РИ. Т. XXII. № 16187.

³⁰³ Там же. № 16188.

³⁰⁴ *Палюмбецкий А.* О происхождении и распространении пенитенциарной системы: речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1854 г. Харьков, 1854. С. 56.

³⁰⁵ *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства. Т. 1. М.-Л., 1928. С. 291.

³⁰⁶ *Суворов А. В.* Наука побеждать. 2-е изд. СПб., 1809. С. 78.

³⁰⁷ *Керсновский А. А.* История русской армии. 1700–1881. М., 2004. С. 102.

дел мастеров, отсутствием тем более знаменательным, что телесные наказания официально отменены не были, русская армия будет всегда гордиться»³⁰⁸.

Ослабление строгости общественных отношений и определенная свобода политической жизни высшего общества Санкт-Петербурга во второй половине XVIII в. имело и обратную сторону – они отрицательно отразилась на армии, организации, по определению, существующей в рамках уставов и строжайшей дисциплины. Собственно, уже приход Екатерины II к власти произошел как сугубо антиуставное событие, что само по себе способствовало не только разложению воинской дисциплины, но и общему падению нравов в гвардейской среде, а затем, по мере перевода гвардейцев-дворян на офицерские вакансии в армейских частях – в остальной части русского офицерского корпуса. Вот как описывает службу в своих мемуарах В.В. Селиванов: «Служба при Екатерине была спокойная: бывало, отправляясь в караул (тогда в карауле стояли безменно по целым неделям), берешь с собою и перину с подушками, и халат, и колпак, и самовар. Пробьют вечернюю зорю³⁰⁹, поужинаешь, разденешься и спишь, как дома. В особенности мне нравилось стоять в карауле у главнокомандующаго князя Прозоровскаго, который летом всегда жывал в Петровском. Встанешь, бывало, с солнцем и пойдешь себе, не одеваясь, а так в халате и колпаке, в лес за грибами. Я это очень любил. Чай, кофе, завтрак, все приносилось на гауптвахту от князя, а обедать караульные офицеры всегда приходили к нему»³¹⁰.

Можно утверждать, что в царствование Екатерины II строгая дисциплина была только в войсковых соединениях, ведущих боевые действия различной интенсивности, в остальной, и по определению большей части армии, положение было иное. Дезертирство стало обыденным явлением того времени, вплоть

³⁰⁸ Керсновский А. А. История русской армии. 1700–1881. М., 2004. С. 144.

³⁰⁹ Зоря (воен.) – военный сигнал (утренний или вечерний), исполняемый оркестром или горнистом, трубачом, барабанщиком.

³¹⁰ Селиванов В. В. Из давних воспоминаний // РА. 1869. Вып. 1. С. 165.

до того, что в это время издавались на первый взгляд курьезные указы: «Об оставлении дезертиров в Белоруссии», «О непуске в Россию дезертиров»³¹¹.

Даже в вопросе чиновничества царил такой произвол, что Павлу I пришлось дать недвусмысленные указания на данный счет в одном из первых указов от 20 ноября 1796 года³¹². Этим же указом (п. 6) было предписано всех, находившихся в отпусках, «коим сроки миновали, из полков выключить». Под этот указ попали в основном малолетние дворянские дети – «недоросли», которых по обычаю того времени записывали в полки и числили в отпуске «до окончания наук».

Безусловно, в XVIII столетии складывались и свои особенности дисциплины в русской армии, которые вели начало с реформ петровской эпохи. Анализ исследовательской литературы и источников позволяет определить некоторые тенденции государственной политики России по развитию воинской дисциплины в изучаемый период. В связи с образованием регулярной профессиональной армии, основанной на новых принципах комплектования, с наращиванием организации и тактики ведения боевых действий происходит коренное обновление содержания работы по укреплению воинской дисциплины, повышается ее эффективность³¹³. Так же привлекает функционирование военного судопроизводства, военной прокуратуры и военной полиции. В указанный хронологический период происходит ужесточение уголовно-дисциплинарных мер за совершение преступлений и дисциплинарных проступков среди военных.

Государственная политика России, в первую очередь, была направлена на законодательную разработку нравственных норм военнослужащих. Дворяне получают особые привилегии, укрепляются возможности офицерского коллектива, можно говорить о возникновении прообраза офицерских собраний. Кроме того, упраздняются некоторые способы укрепления воинской дисциплины, в частности, те, которые изживали себя в ходе изменявшихся

---

³¹¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXV. № 18338, 18608.

³¹² Там же. Т. XXIV. № 17570.

³¹³ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 18.

исторических обстоятельств. Среди них, например, такие, как отмена телесного наказания по отношению к офицерам, получение офицерских и генеральских званий исключительно по роду, а не по заслугам³¹⁴.

Таким образом, в XVIII столетии происходили определенные изменения в установлении воинской дисциплины и борьбе с преступностью в армии, начало которых было положено реформами Петра I. Управление войсками, кроме артиллерии и казаков было сосредоточено в Приказе Военных дел, затем данными вопросами ведала Военная Коллегия, которая сосредоточила правотворческую и правоприменительную деятельность по вопросам комплектования армии, распределения бюджета военного ведомства, прохождения службы чинами русской армии. Учреждение регулярных войск в России в этот период позволило ввести целый ряд новшеств как в войсках, так и в государственном устройстве и обеспечении его соответствующей нормативной документацией. Наличие в стране большого контингента войск на регулярной основе привело к коренным изменениям в государственном устройстве, среди которых стало упразднение поместного войска. Были составлены новые военные артикулы, однако данные документы на практике не были использованы в целях реформирования армии Российской империи.

В период правления Анны Иоанновны петровские принципы комплектования армии подверглись определенным изменениям. Прежде всего, был нарушен принцип всеобщности воинской повинности, императрица ввела для дворян 25-летний срок службы. Затем, специальной грамотой Петра III дворянство было и вовсе освобождено от обязательной службы.

Следует отметить, что реформы в армии наложили отпечаток и на самую воинскую дисциплину и борьбу государства с преступностью в войсках, которые основывались на розыске, а так же на формальных доказательствах, важнейшим из которых считалось признание. Основной целью системы было устрашение, так же допускалось применение пыток. Претерпевали изменений и сами суды, а также те виды дел, которые они могли рассматривать. Во-

---

³¹⁴ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 19-20.

енный суд уже в 1726 г. мог рассматривать только собственно воинские преступления, за совершение общеуголовных преступлений военнослужащие подлежали ведению общих уголовных судов.

Чрезмерная строгость уголовных законов того исторического периода стала причиной их смягчения. Так, уже в 1754 г. императрица Елизавета Петровна принимает указ, запрещающий смертную казнь. Следующая попытка изменить систему в области искоренения преступности в армии и военного законодательства была предпринята в 1762 году. В период правления императрицы Екатерины II была отменена пытка и пристрастный допрос. Можно утверждать, что в царствование Екатерины II строгая дисциплина была только в войсковых соединениях, ведущих боевые действия, в остальной же, т.е. большей части армии положение было иное. Дезертирство стало обыденным явлением того времени.

В целом, начиная со второй трети XVIII в., политика Российского государства по развитию армии, созданию документации по внутренней деятельности в войсках, утверждению воинской дисциплины имела бессистемный характер.

§ 1.4. Политика государства по изменению нормативной базы, обеспечивавшей правопорядок в русской армии в конце XVIII – первой четверти XIX века

Конец XVIII – начало XIX в. стал отдельным периодом в военной истории России, в котором, безусловно, происходили изменения в воинской дисциплине и борьбе государства с преступностью в армии. Именно в первой трети XIX столетия при правлении императора Николая I происходят систематизация и сбор воедино всех нормативных документов российского государства – важного исторического источника – Полного собрания законов Российской империи. Поэтому неслучайно хронологические рамки диссертационной работы доводятся до 1825 г., определяя рубежную черту между систематизацией, принятием и накоплением отдельных норм и законов в Рос-

сии и дальнейшим историческим этапом их публикации в качестве фундаментального сборника, свода документов.

В конце XVIII – начале XIX в. в целом внутренняя политика Павла I сохраняла направление, наметившееся еще при Екатерине II, но в то же время она имела свои отличительные особенности. Так, она нашла отражение в отказе от либеральных обещаний и лавирования, резком возрастании карательных военно-полицейских методов в системе руководства органами власти, в государственном администрировании. Прежде всего в деятельности государственного аппарата установилась крайняя централизация. Император по личному усмотрению и настроению проводил повышения и разжалования чиновников, генералов и офицеров, раздавал и конфисковал дворянские имения. Большинство вельмож Екатерины II были отстранены от должностей; некоторые из них лишены чинов, званий, имений и более того – были высла- ны. Их место заняли новые любимцы – фавориты Павла I³¹⁵.

В целях утверждения своей собственной самодержавной власти император в 1797 г. принимает «Акт о порядке престолонаследия»³¹⁶. По этому документу устанавливался новый порядок наследования престола: теперь престол переходил по праву первородства и только по мужской линии.

В условиях обострения классовой борьбы и угрозы новой крестьянской войны правительство Павла I стремилось укрепить аппарат государства путем централизации власти и установления в стране сурового военно-полицейского режима. Наместники и наместничьи правления были упразднены, а в центре стали открываться некоторые восстановленные коллегии (Мануфактур-, Берг-, Коммерц-, Камер- и др.). Основными органами местной администрации оказались зависимые от Сената и коллегий губернаторы и губернские правления. В столицах появилась должность военного губернатора. Приказы общественного призрения, созданные при Екатерине II, почти повсеместно были закрыты. В 1796-1797 гг. правительство значительно упро-

---

³¹⁵ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений ... С. 124-125.

³¹⁶ РГИА. Ф. 1329 Оп. 1 Д. 191 Л. 13-15.

стило систему местных учреждений, особенно суда. Так, например, в конце 1796 г. упраздняются надворные, а также все губернские сословные суды – верхние земские суды, губернские магистраты, верхние расправы, а из уездных – нижние расправы. Из сословного дворянского уездный суд превратился в общесословный суд для населения уезда, кроме горожан. Из чинов местной прокуратуры был сохранен только губернский прокурор. Палаты гражданского и уголовного суда в каждой губернии были объединены в палату суда и расправы. Общее количество судебных инстанций сократилось. Из уездного суда и городского магистрата апелляция подавалась в палату суда и расправы, а далее – в Сенат³¹⁷.

Неудачная внешняя политика, неспособность решить вопросы внутри страны, недовольство населения, а также деспотическая форма правления привели к тому, что в 1801 г. свершился последний дворцовый переворот, Павел I был убит, и на престол вступил его сын Александр I, вынужденный изменить курс внутренней политики, а также провести новые реформы в армейской среде.

Изучая общее состояние и положение военного дела того времени, приходится признать: в целом, армия последнего десятилетия Екатерининского правления находилась далеко не на должном уровне. Выделяемые на нее средства бесчисленно и бездарно транжирились многочисленными фаворитами и казнокрадами всех уровней. Следует особо отметить, что на развитие и содержание армии государство тратило колоссальные средства. Так, на ее содержание в конце XVIII в. расходовалось около 50 %, во время кульминации Наполеоновских войн (1813–1814) лишь чуть меньше 70 % государственного бюджета. К концу правления Александра I расходы на армию доходили до 40 % от бюджета³¹⁸.

Солдат рассматривали как крепостных, полки – как данное «на кормление» поместье. Деятельность же выдающихся полководцев, включая

³¹⁷ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений ... С. 141-142.

³¹⁸ *Keep J.* The Russian Army's Response to the French Revolution // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Bd. 28. 1980. Heft 4. P. 521–522; *Таннберг Т.* Комплектование российской армии ... С. 157.

А. В. Суворова, существенно изменить общее положение дел не могло, тем более, что того же А. В. Суворова, по обоснованному мнению исследователей, к решению кардинальных вопросов организации военного дела не подпускали: «Суворовым пользовались тогда, когда что-либо и где-нибудь серьезно не ладилось: он и с турками воевал, и поляков усмирял, и пугачевский бунт тушил»³¹⁹. Усугубляло ситуацию и беспокойное международное положение. Французская революция положила начало многолетней череде войн, в которых революционные войска явили миру новые образцы военного искусства и тактические приемы, сочетавшиеся с новой логистикой, революционной дисциплиной и самосознанием.

В начале XIX столетия продолжает реализовываться рекрутская повинность, хотя к этому периоду данная система уже исчерпала себя и не могла обеспечивать комплектование армейских рядов. В целом в государстве к началу века от рекрутской повинности освобождалось около 20 % мужчин. Так, в 1812 г. рекрутской повинности подлежало более 16,6 млн чел. мужского населения³²⁰. На практике рекрутов не хватало, о чем свидетельствует набор 1818 г., где должны были набрать более 70 тыс. чел., по факту же их число составило менее 59 тыс. чел.³²¹ Во весь период правления Александра I в Российской империи в рекруты поступило около 2 млн чел. Происходили изменения и в личном составе армии (прил. 8).

В самих армейских рядах существовали большие потери. Так, например, потери рядового состава российской армии в 1800–1809 гг. составили 491547 чел., из которых 45,1 % – скончались на службе, 20,6 % – составили павшие в бою, 10,7 % – перешли на инвалидность, 9,3 % – отнесены к дезертирству³²² и т.д. Большие потери происходили во время отправки рекрутов на

---

³¹⁹ Богданович П. Н. Аракчеев. Граф и барон Российской Империи (1769–1834). Буэнос-Айрес, 1956. С. 12.

³²⁰ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI. Д. 1. Л. 115-132.

³²¹ Там же. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 362. Л. 12, 14.

³²² Там же. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI. Д. 1. Л. 150-152; Таннберг Т. Комплектование российской армии ... С. 152.

места службы. Так, к началу XIX в. до территории воинской службы не доходило порядка 10 % рекрутов³²³.

Следует отметить, что Павел I приступил к реформированию армии, ясно видя многие ее недостатки и имея определенный план по их устранению. Более того, на базе своих Гатчинских войск он сумел подготовить целую плеяду военных и отработать ряд новшеств на практике, начиная от формы одежды и заканчивая организацией артиллерии. Массовое увольнение генералов и офицеров нельзя объяснить исключительно самовольными решениями императора – это было и очищение гвардии и армии от «балласта». Например, по данным известного военного историка генерал-адъютанта И. В. Анненкова, только из Лейб-Гвардии Конного полка было исключено из службы числившихся малолетних:

Корнетов	– 9;
Вахмистров	– 252;
Вице-Вахмистров	– 252;
Квартирмейстеров	– 250;
Каптенармусов	– 199;
Гефрейт-Капралов	– 420;
Капралов	– 259.

Общей численностью – 1541 чел.³²⁴ – и это все исключительно командный состав, включая даже 9-х офицеров.

Для сравнения следует отметить, что по штату лейб-гвардии Конного полка строевых чинов полагалось иметь всего 1217 чел., из них только 197 – командного состава, 20 трубачей и 1000 рейтар³²⁵ (рядовых – К. К.).

Кроме того, приказом при пароле от 8 ноября 1796 г.³²⁶ из списков Конной гвардии были исключены 26 чел. камергеров и камер-юнкеров, из

³²³ *Таннберг Т.* Комплектование российской армии ... С. 152.

³²⁴ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка, 1731–1848: в 4 ч. СПб., 1849. Ч. 1. С. 190.

³²⁵ Там же. С. 192–193.

³²⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXIV. № 17534.

них старших офицеров (с учетом преимущества в два чина) числилось 10 ротмистров, 2 секунд-ротмистра и 4 поручика³²⁷.

Только с 1 мая по 24 августа 1797 г. со службы было уволено 117 офицеров. «Некоторые из приказов были выражением горьких чувств Павла по отношению к прошедшему царствованию; так, например, в приказе 14 августа объявлялось об исключении одного офицера "за незнание должности, за лень и нерадение, к чему он привык в бывшей должности его при князьях Потемкине и Зубове, где вместо службы обращались в передней и пляске"»³²⁸.

Всего за 53 месяца царствования Павла I со службы было уволено, помимо тех, кто ушел по собственному желанию, 7 генерал-фельдмаршалов, 333 генерала и 2156 штаб- и обер-офицеров³²⁹. Нельзя однозначно сказать, что отставка всех их была верным шагом. Зная характер императора, можно с уверенностью утверждать, что были и несправедливо отставленные, но в целом, из армии, и в большей степени – из гвардии, были уволены многие из тех, кто тормозил, а то и прямо мешал ее улучшению и совершенствованию. Пусть и ломая прежние традиции, но император сумел существенно поднять уровень военной дисциплины, «подтянуть» гвардейские и армейские полки. Как признает А. А. Керсновский: «Павловская муштра имела до некоторой степени положительное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же, гвардию <...> Порядок, отчетливость в "единообразии" всюду были наведены образцовые»³³⁰.

Спустя всего год с начала царствования Павла I, в конце 1797 г., генерал-майор Ф. В. Ростопчин в письме отметил: «Нельзя себе представить, не видевши, чем сделалась наша пехота в течение одного года. Я видел ту, которая стоила стольких трудов покойному прусскому королю, и я уверяю Вас, что она уступила бы нашей»³³¹.

³²⁷ Анненков И. В. История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. 3. С. 66.

³²⁸ Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 129.

³²⁹ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 584.

³³⁰ Керсновский А. А. История русской армии. 1700–1881. М., 2004. С. 156.

³³¹ Записки графа С. Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. 1876. № 11. С. 347–348.

Можно допустить, что его мнение, как одного из фаворитов императора, и как раз в то время редактировавшему Военный устав, несколько предвзято, но эта оценка подтверждается мнением и генерал-лейтенанта Н. К. Шильдера – историка и автора неоконченной биографии Павла I, написавшего обширное исследование о нем. Генерал-лейтенант Н. К. Шильдер, соглашаясь с Ф. В. Ростопчиным, пишет следующее: «Образ жизни гвардейских офицеров совершенно изменился. По словам очевидца, "при императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общество, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех, как рекрут"»³³².

Уставной порядок, вводимый в армии, строгое и неотвратимое наказание за нарушение малейших регламентаций, а главное – обязанность постоянно находиться на службе, и не просто находиться, а исполнять должностные обязанности в полном объеме, в течение всего дня (а день даже для самого Павла I начинался очень рано – в 5 утра, а уже в 6 часов утра он принимал доклад петербургского генерал-губернатора).

Как пишет Н. К. Шильдер: «... служба офицеров по квартирмейстерской части под начальством Аракчеева была "преисполнена отчаяния". От семи часов утра до семи часов вечера, с двухчасовым перерывом для обеда, эти несчастные офицеры занимались нескончаемым перечеркиванием старых, большею частью, бесполезных планов...»³³³.

Такое напряжение привело к ситуации, когда дворяне стали уходить в отставку, и, вопреки ранее бытовавшему в обществе презрению к статской службе, поступать в гражданские учреждения. В ответ был издан ряд указов, затруднявших или прямо запрещавших для дворян такой переход. В 1798 г. было запрещено увольнять в отставку унтер-офицеров из дворян, «они должны дослуживаться до офицерских чинов»³³⁴. Дворян, ушедших со службы за просрочку в отпусках, Павел I запретил «определять в гражданскую службу ни по просьбам их, ни по выборам от дворянства, и не иметь им при дворян-

---

³³² Шильдер Н. К. Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 292.

³³³ Там же. С. 381.

³³⁴ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 18729.

ских выборах ни места, ни голоса»³³⁵, уточняя тем самым ранее изданный Указ от 15 ноября 1797 года. 12 апреля 1800 г. был издан новый указ, в соответствии с которым все выходившие из армии в отставку и не определенные императором в статскую службу лица лишались права поступать на нее³³⁶.

В то же время, Павел I был против производства в офицеры не дворян. В его высочайшем приказе было прямо указано запретить представлять унтер-офицеров не из дворян ни в офицеры, ни даже на должности, с которых было возможно производство в офицеры «... не только в обер-офицеры, но даже в портупей-прапорщики и в подпрапорщики, потому что в оных званиях одни только дворяне должны состоять»³³⁷. Но в то же время он предпринимал титанические усилия по интеграции дворян в служебный аппарат империи, и в первую очередь – в его военный сегмент, вел постоянную борьбу по внедрению дисциплины, безусловно, отстраняя непригодных к исполнению должностных обязанностей офицеров, неукоснительно и жестко наказывая преступивших законы. Примером этому может служить следующий факт: «26-го апреля 1800 года, гвардии поручик Петр Осипович Грузинов был наказан кнутом в Старочеркасске на Дону, а 5-го сентября того же года брат его, гвардии полковник Евграф Осипович Грузинов, на том же месте засечен кнутом до смерти»³³⁸.

Принимая во внимание корпоративность офицерского корпуса и учитывая сугубо сословную его составляющую, офицеры гвардейских и армейских полков царствования Павла I, в отличие от Екатерининских времен были практически все родом из дворян. Поэтому вполне резонно предположить, что деятельность Павла I вызывала серьезное недовольство, и он приобрел массу недоброжелателей и врагов в офицерской и дворянской среде. В то же время, проводимые им в жизнь новации и изменения в армии не всегда были вызваны объективными обстоятельствами и не всегда соответствовали требованиям

³³⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 18321.

³³⁶ Там же. № 19376.

³³⁷ Там же. Т. XXIV. № 18486.

³³⁸ Шильдер Н. К. Император Павел I ... С. 432–433.

времени и национальным традициям государства. Тем не менее, некоторые из новшеств были своевременными и полезными. Так, например, для солдат была введена соответствующая особенностям климата одежда: «... со вступлением на престол государя Павла, служба сделалась тяжелая, строгая, а мундиры при Павле все-таки много были удобнее и покойнее теперешних. <...> В зимний сезон под мундир надевался полушубок, и лацканы были застегнуты на все пуговицы. Чтобы мундир спокойно надевался на полушубок, по швам выпускались запасы. Весною полушубок снимался, запасы ушивались, лацканы отворачивались, хотя и оставались застегнутыми на все крючки. Также и осенью. В летний сезон лацканы были стянуты на середине груди только крючка на два или на три.<...>это было очень хорошо»³³⁹. Но некоторые атрибуты формы, например, косы и бублики, так и остались архаичными и неудобными.

Помимо этого, не просто сохранилась, но и даже существенно усилилась муштра, как основной метод обучения и воспитания войск. Впрочем, как ни странно, солдаты, бывшие крепостные, эту сторону службы, в отличие от офицеров, воспринимали как неизбежное жизненное зло, тем более, что на плац- и вахтпарадах гнев императора крайне редко касался нижних чинов. Кроме того, борьба с воровством и казнокрадством привела к тому, что возможно впервые после Петра I до солдат стало доходить все причитавшееся им довольствие: денежное, мундирное, продовольственное. Солдат перестали использовать на сторонних работах, а работу от казны стали оплачивать. Прослужившим беспорочно 20 лет нижним чинам жаловались знаки ордена Святой Анны. Он был учрежден в 1797 году. Орден вручали за военные и гражданские заслуги. Сначала он имел 3, а с 1815 г. – 4 степени. Знак низшей степени, исключительно военной награды, представлял собой медальон с красным крестом и короной. Его давали только офицерам за храбрость и прикрепляли к эфесу шпаги или сабли³⁴⁰.

---

³³⁹ Селиванов В. В. Из давних воспоминаний ... С. 166.

³⁴⁰ Волков В. А., Перевезенцев С. В. Русская армия в XVIII столетии // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35339.php> (дата обращения: 16.12.2014).

В целях военного воспитания и дисциплины, по усмотрению Павла I, муштра являлась необходимостью в подготовке войск для ближнего боя. 29 ноября 1796 г. Павел I ввел в действие три новых Устава: один пехотный: «Воинский устав о полевой пехотной службе» и два о кавалерийской службе: «Воинский устав о полевой кавалерийской службе», «Правила о службе кавалерийской»³⁴¹. Этим же Указом отменялись все Уставы, действовавшие в Екатерининское время. Вновь введенные нормативные документы были разработаны на основе Прусских уставов. Не вполне соответствовавшие традициям русской армии, они были существенно доработаны применительно к реалиям того периода, особенно яркое свое отражение они нашли в русской пехоте.

При Павле I не было проведено значимых реформ в области военного законодательства. Тем не менее, общая тенденция расширительного толкования воинского преступления при нем не прерывалась. Порядок службы в эпоху Павла I давал командиру любого ранга практически неограниченные возможности в оценке как поведения военнослужащего, так и его служебной деятельности, и «раз не было такого соответствия, на лицо имелось преступное деяние. Таким образом, никто не мог знать, что преступно и что разрешено»³⁴².

Можно сказать, что при Павле I постоянно дополнялись новые виды проступков и преступлений: запрет носить круглые шляпы, сапоги с отворотами и длинные панталоны, высокие воротники, приходить на маскарад без маскарадного костюма и т.д.³⁴³ Существовал даже такой запрет: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: объявить по всем командам, ведомства Адмиралтейской Коллегии начальникам, о строжайшем подтверждении всем штаб и обер-офицерам, дабы, в Присутствии Его Величества, один громче другого не говорили; в противном случае наказаны будут...»³⁴⁴.

³⁴¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXIV. № 17588; Т. XXV. № 18330–19056.

³⁴² Шильдер Н. К. Император Павел I ... С. 38.

³⁴³ Указы императора Павла // Русская старина. 1884. № 8. С. 232.

³⁴⁴ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXV. № 18382.

При абсолютной власти в вопросе классификации воинских преступлений царил абсолютный произвол: никто, кроме высшей власти, не мог определить, что будет применено к виновному: выговор, «отставление от службы», или ссылка в Нерчинск на работы, впрочем, как и то, кто будет назначен виновным. Н. К. Шильдер в своем сочинении приводит примеры: «12-го мая 1800 года гарнизонного князя Гика полка штабс-капитан Кирпишников по сентенции военного суда лишен был чинов и дворянства и написан вечно в рядовые, с прогнанием шпицрутенном сквозь тысячу человек раз. (На подлинном деле написано: "лиша чинов и дворянства, написать вечно в рядовые и прогнать шпицрутенном сквозь тысячу человек раз. Собственною же его императорского величества рукою тако: «Павел». – А под ним: С.-Петербург, мая 2-го дня 1800 года")»³⁴⁵.

Проступок Кирпишникова заключался в том, что он, будучи дежурным, в пьяном виде нанес унтер-офицеру побои и ругался неподобающим образом. Так же отмечается, что ранее за халатное отношение к службе он «был посажен на гауптвахту на хлеб и воду»³⁴⁶. Вместе с тем, практически аналогичное наказание, но за несравненно более тяжкое преступление получил другой офицер: «...полковника Грузинова, за измену против нас и государства, повелеваем, лиша чинов и дворянства наказать нещадно кнутом...» – и, как указывалось ранее, полковник Грузинов был засечен кнутом до смерти³⁴⁷.

Так же, как и в предыдущие исторические эпохи, не представлялось возможным провести различия между воинским и общеуголовным преступлением, все зависело от случайных и личных условий, находящихся в «усмотрении воинского начальника»³⁴⁸. В то же время нельзя утверждать, что происходило это вне государственной политики. Суды выносили суждения по делу, ссылаясь на Артикул 1715 г., в войсках объявлялись указы Верховного законодателя по Военной и Адмиралтейств коллегиям, в которых отра-

³⁴⁵ Шильдер Н. К. Император Павел I ... С. 432.

³⁴⁶ Там же. С. 432–433.

³⁴⁷ Там же. С. 432.

³⁴⁸ Фалеев Н. И. Цели военного наказания. С. 114.

жались вопросы поддержания дисциплины и порядка. Однако практически все прерогативы оценки преступлений были переданы высшим военным властям, в обязанности которых вменялась и квалификация деяний.

По материалам работы комиссии, созданной Александром I 15 сентября 1801 г.³⁴⁹, непосредственно в день его коронации, были выявлены все виды применявшихся в предшествующее царствование наказаний к преступникам, в том числе и из категории военнослужащих. В борьбе с преступностью наиболее часто применялись наказания, связанные со служебной деятельностью военных людей. К этим видам взыскания и расправы можно отнести (по степени строгости): отрешение от должности (от командования), разжалование, «исключение из службы», высылка в имения. Кара, связанная с лишением свободы виновного, применялась не так часто: заключение в крепость, каторга, ссылка. Но, как правило, она была комплексной, включавшей также и наказания из первой группы. Телесные наказания также существовали.

Столь частое применение наказаний, связанных со служебной деятельностью, вызвано, в первую очередь, оперативностью их приведения в исполнение. Кроме того, они имели и наглядный воспитательный эффект и не несли нагрузку для казны. Основным среди этого вида наказаний стало «исключение из службы», применявшееся как в форме главного взыскания, так и в виде административной меры, назначаемой на определенный период. При Павле I «исключению из службы» придавалось серьезное государственное значение, причем наказание налагалось нередко за ничтожные, и, более того, за надуманные провинности³⁵⁰.

Большинство наказаний военнослужащих, как правило, было комплексным и включало, несмотря на Указ от 18 февраля 1799 г. «О неразжаловании офицеров»³⁵¹, также и лишение чина (или изъятие патента на чин). С исключением со службы практиковалось, кроме того, заключение в крепость, смирительный дом или ссылка в Сибирь. Причем, хотя наказание ли-

³⁴⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 20012.

³⁵⁰ История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. ... С. 490.

³⁵¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXV. № 18863.

шением чина, разжалование или «написание в рядовые», стоит вторым по применению в действие, но как самостоятельное наказание оно было довольно редким явлением. В легком виде, как, например, отобрание патентов оно назначалось при высылке за границу офицеров-иностранцев, состоявших на русской службе. В целом же данное наказание также являлось частью комплексного и сочеталось с лишением дворянства, заключением в смиренный дом и т.д. Но самое страшное для дворян изучаемой эпохи заключалось в том, что лишение дворянства могло привести к назначению телесного наказания в соответствии с расширительным толкованием требований Указа от 31 января 1797 г.: «лишить <...> и Дворянского достоинства, по снятии коего и привилегия до него не касается»³⁵².

Как и в прежние периоды, наиболее строгим наказанием оставалась каторга, «применявшаяся иногда и без суда»³⁵³. Причем нередко таким образом завершался весь ряд назначенных наказаний: от «отставления» из военного звания, через лишения чинов и дворянства, кнут, постановление указных знаков, до каторги. Наряду с грабежом, насилием, явной изменой или бунтом, к каторге приговаривали за растрату казенных денег, проматывание казенного имущества, оскорбление начальства, бездействие власти или злоупотреблении ею, вымогательство, отбирание денег и имущества у рекрутов или нижних чинов и т.п.³⁵⁴

Заключение в крепости в качестве самостоятельного вида наказания применялось, как правило, когда преступлением затрагивались интересы казны, или частная собственность. Довольно часто заключение в крепости назначалось вместо каторги за растрату или присвоение казенных денег и имущества, а также его повреждение, «употребление нижних чинов в партикулярную работу», невыдачу им провианта и жалованья, причинение «обид» обывателям и т.д. Помимо этого заключение в крепости применялось к виновным в воинских преступлениях: к нарушившим обязанности

³⁵² 1-е ПСЗ РИ. Т. XXIV. № 17776.

³⁵³ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 115.

³⁵⁴ Сидоркин А. И. Воинские наказания в Российской империи (1725–1855) ... С. 555.

караульной и гарнизонной службы, злоупотреблявших властью и др. В данном случае, государство, желая возмещения убытков для казны, не скрывало цель наказания – зарабатывание денег. Поэтому была возможность замены заключения в крепости телесным наказанием для военнотружущих-дворян. Но и этот вид наказания зачастую сопровождался другими сопутствующими осложнениями: принудительными работами, лишением чина, дворянства, «исключением из службы».

Ссылка военнотружущих применялась достаточно часто, и в отличие от предыдущих видов наказания она всегда сопровождалась лишением чина, а иногда и дворянства. Военнотружущих ссылали в имения и на Камчатку. Отмечены и ссылки за границу Российской империи. Применялась ссылка в случаях причинения побоев, насилия или истязания.

Более жестким вариантом ссылки было «поселение». В отличие от ссылки, имевшей срочный характер, направление на поселение могло быть бессрочным, при этом, как правило, назначались и принудительные работы. Государство обращалось и ранее к принципу переселения войск, который использовался в интересах государства. Так, необходимо было отражать нападения кочевых племен, охранять границы страны и т.п. Аналогичной цели защиты территории служили также созданные на Украине в XVIII в. своеобразные военные поселения – ландмилиция, а также специальные защитные линии, создававшиеся для военного противостояния Крымскому ханству и Турции³⁵⁵.

Государство всегда испытывало потребность в материальных средствах для проведения своей активной внешней политики. Монархи не только изыскивали деньги для военных действий, но и были озабочены формированием условий по сокращению финансовых трудностей в военных делах страны. В этой связи становится понятным стремление Александра I перевести армию на частичную самокупаемость за счет создания военных поселений. Одновременно с этим он готовил основы для отхода от рекрутской повинности. Суть нововведения заключалась в создании особой социальной группы

---

³⁵⁵ *Таннберг Т.* Комплектование российской армии ... С. 159.

общества, способной впоследствии к самообеспечению всем необходимым и к самовоспроизводству. Кроме того, предполагалось решение задачи постоянной повинности. Как отмечает исследователь Т. А. Таннберг, целью Александра I, очевидно, был перевод на поселение всей армии³⁵⁶. И это согласуется с тем, что к концу правления императора 1/3 всей русской армии была переведена на военные поселения.

Как и в предыдущих царствованиях, одним из видов наказания для военнослужащих оставалось церковное покаяние, которое нашло отражение в Указе «О наложении епитимии на воинских чинов за преступления без отлучения их от службы»³⁵⁷.

Даже для отставных обер-офицеров и статских чиновников был разработан новый вид наказания, в качестве которого стало разжалование списанием в солдаты³⁵⁸.

Император Александр I еще в самом начале царствования поставил цель освободить практику воинских наказаний от анахронизмов и перегибов и привести ее в соответствие с современными эпохе требованиями, избавив их «от несвойственных им придатков», но самое главное – привести в единую, государственную, стройную систему³⁵⁹. Важно отметить, что необходимость этого была очевидна как в обществе, так и в армии. К началу правления императора Александра I сложилась реальность, при которой нормативная документация и ее применение существовали практически параллельно, и этот провал «достиг кульминационного пункта: армия имела свой Военно-уголовный кодекс, который, однако, в жизни совершенно не применялся»³⁶⁰.

В целом, к началу XIX в. действовавший Артикул воинский начал отставать от уровня развития военного дела, перестал соответствовать новым общественным отношениям, существовавшим в сфере военного управления и повседневной деятельности войск. Но, несмотря на такую сложную ситуа-

---

³⁵⁶ Таннберг Т. Комплектование российской армии ... С. 161.

³⁵⁷ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXV. № 18977.

³⁵⁸ Там же. № 18884.

³⁵⁹ Друцкой С. А. Дополнение к очерку истории русского военного права. СПб., 1905. С. 34.

³⁶⁰ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 118.

цию, первоначально была предпринята только попытка исправить перекосы предыдущего царствования созданием вышеупомянутой комиссии «... для пересмотра прежних уголовных дел»,³⁶¹ и только через десять лет законодательная комиссия Магницкого приступила к непосредственной работе над созданием новых документов, итогом которой стало принятие в дополнение к Артикулу воинскому «Полевого уголовного уложения» и «Устава полевого судопроизводства». Они вошли в состав утвержденного в январе 1812 г. «Учреждения для управления большой действующей армии»³⁶².

В этот период Франция находилась на пике своего могущества, вела под руководством Наполеона непрерывные войны. В это же время в России распространяется мода на французскую культуру, приобретает популярность французский язык, повышается интерес к личности Наполеона и к его деятельности, в том числе и к его революционным реформам. Все это в совокупности и обусловило, по всей видимости, заимствование и французских институтов военного дела.

Принятое под сильным влиянием французского законодательства «Полевое уголовное уложение» состояло из 73 статей и рассматривало только преступления военного времени. В отличие от сложного и многостатейного Артикула воинского, «Полевое уголовное уложение» характеризовалось лаконичностью и ясностью. Система рассматриваемых преступлений по «Полевому уголовному уложению» включала:

- 1) военную измену;
- 2) побег к неприятелю;
- 3) побег и отлучку с места сражения;
- 4) побег и отлучку из армии;
- 5) неповиновение (неисполнение приказа, применение насилия к начальнику, бунт, применение насилия к подчиненному);

---

³⁶¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 20012.

³⁶² Там же. Т. XXXII. № 24975.

б) преступления против военного имущества (кража, излишняя выдача военного имущества, расточение полковых и армейских сумм, продажа продовольствия, допущение порчи припасов, обмер и обвес, продажа испорченного мяса, лихоимство);

7) разбой, грабеж и насилие (в том числе поджигательство, нападение на местных жителей, изнасилование, оскорбление местных жителей, ограбление раненых, убийство раненого для последующего обобраяния)³⁶³.

В качестве квалифицированных составов указывались: совершение преступления группой лиц, командой, воинской частью, офицером, в целях совершения другого преступления или сокрытия оно, склонение других лиц к совершению преступления, попустительство. Особенно детально были проработаны объективные признаки измены.

Формирование системы воинских наказаний по «Уложению» 1812 г. шло под прямым влиянием двух факторов: первый – это заимствование положений французского военного законодательства; второй – сложившаяся военно-судебная практика России. По мнению Н. И. Фалеева: «Заимствовать систему наказаний из Франции целиком не представлялось возможным, так как это повлекло бы за собой построение новых мест отбытия наказаний, удорожило бы самое наказание, сделало бы его менее подвижным и удобоисполнимым. Надо было заимствовать осторожнее и устанавливать только наиболее дешевые и вместе с тем рациональные меры воздействия. В этой области составители Уложения проявили большую самостоятельность и изобретательность»³⁶⁴.

«Полевое уголовное уложение» 1812 г., как и другие, современные ему военные кодексы, не имело общей части, отличалось крайней лаконичностью, четкостью и жесткой ясностью толкования, состояло из 73 статей и рассматривало только преступления военного времени. Наказания по нему были определены ступенчато, от высшей меры, и по нисходящей: сначала шла смерть, следующую ступень занимала «гражданская смерть», после чего предполагалось

---

³⁶³ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 219.

³⁶⁴ Там же.

лишение воинских чинов, далее изгнание из армии, разжалование в рядовые, заточение, прогнание сквозь строй, конфискация и денежные начеты.

«Уложение» 1812 г. сохранило отчетливую преемственность по отношению к предшествующим военным нормативным документам России. Из всех 73 статей «Уложения» смертную казнь предусматривали 27 статей. Были регламентированы способ и сроки приведения наказания в исполнение, к примеру, предписывалось исполнять его традиционно воинским способом – через расстрел, и только через двое суток после утверждения приговора.

Смертная казнь была установлена за такие виды преступлений, как: «измену, подговор к побегу, побег к неприятелю, побег с поля сражения, «с часов», неисполнение приказания начальника, поднятие руки на начальника, грабеж, поджог, насилие над женщиной» и т.п. Совершать казнь, согласно «Уложению» 1812 г., предписывалось в нескольких случаях: «... в отношении виновных в заговоре к побегу в неприятельскую армию; в отношении неповинующейся команды и части войск, покушавшейся на грабеж или поджог, истребление лесов и жатв или убийство жителей»³⁶⁵.

Аналогично, основываясь на принципах «Артикула» 1715 г., в «Уложении» 1812 г. было сохранено и такое уголовное наказание, как «гражданская смерть», по которому военнотружущего лишали всех гражданских прав, и помимо того, предписывалось отсылать на поселение в Сибирь. Практически аналогично поступали и с лицами, лишенными всех чинов и изгнанными из армии, их высылали в глубинки империи и им запрещалось жить в столицах.

К офицерам и военным чиновникам могло применяться лишение одного или нескольких чинов, и в этом случае они могли быть оставлены на службе, однако, согласно ст. 80 «... Устава ...», не имели права выйти в отставку в течение года после окончания войны.

К командному и начальствующему составу армии, в том числе и к военным чиновникам, мог быть применен такой вид наказания, как разжалование в солдаты (ст. 84), причем, разжалованных без выслуги предписывалось

---

³⁶⁵ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 219-220.

направлять в дальние гарнизоны, что являлось своего рода дополнительным наказанием. Такое же дополнительное наказание могло быть наложено на унтер-офицеров, разжалованных в солдаты. Их могли приговорить к прогнанию сквозь строй, однако, эта мера не касалась разжалованных в солдаты унтер-офицеров из дворян, сохранявших, в соответствии со ст. 87 «... Устава ...», свои сословные права.

Осужденных на заточение требовалось, по ст. 85 «... Устава ...», отсылать в крепость, а осужденных на ссылку предписывалось отправлять в Сибирь (ст. 86 «...Устава ...»). За ряд преступлений виновному грозило наказание прогнанием сквозь строй, причем конкретная мера указана всего лишь в двух статьях: ст. 67 «Уложения...» – через «пятьсот человек один раз» за ограбление погибших, в ст. 68 «Уложения...», за ограбление погибших, наказание увеличено вдвое, в остальных случаях мера назначалась по решению суда.

Следует отметить, что телесные наказания были исключены из перечня наказаний, а если и могли применяться, то только в частном порядке к лицам низших сословий, принадлежавшим к армии: мастеровым, подрядчикам, маркитантам, слугам и т.д.

Самостоятельной военно-карательной мерой по отношению к офицерам и военным чиновникам являлось изгнание из армии. Оно могло быть как отдельным наказанием, так и соединенным с исключением «из службы». В то же время, изгнание из армии было дополнительной мерой к денежному начету или штрафу, поскольку штраф являлся основным наказанием, а изгнание было только способом удалить провинившегося из рядов армии и имело дисциплинарный и социально-нравственный характер.

Не являлись самостоятельными видами наказания штрафы, денежные начеты и конфискации имущества, которые применялись исключительно в виде сопутствующего взыскания ущерба, в том числе как подразумеваемого, так и потенциального.

Как самостоятельный вид, были установлены коллективные наказания, за совершение преступлений командой (группой лиц), подразделением или

даже воинской частью. Причем предусматривалось и отдельное наказание для зачинщика, а в случае совершения преступного деяния командой – для начальника команды, его не предупредившего.

Особо символично наказывалась команда, проявившая трусость в бою: на другой день после содеянного положено было отобрать у нее знамена, ружья, у офицеров – шпаги. Самым унижительным было то, что ее выставляли перед всем войском с надписью «трусы». В результате команда расформировывалась. Так, нижние чины перераспределяли в другие армейские части, а офицеры вынуждены были покинуть армию, их исключали со службы.

Определенный интерес представляет тот факт, что наказания для офицеров устанавливались более тяжелые, по сравнению с нижними чинами, что объясняется как преимуществом законодательства, так и естественной разницей в их положении, а также системой военной организации в целом. Помимо этого, сам сословный характер государства не позволял в принципе иметь единый подход к назначению наказания разным категориям военнослужащих, тем более в то время, когда Александр I дал ряд указов по восстановлению приниженого при Павле I положения привилегированных сословий – естественной опоры самодержавия. Поэтому для них были отменены телесные наказания и заковывание в железа. Именно поэтому, для индивидуализации наказания, с 1824 г. в приговорах военных судов обязательно указывался чин и степень лишения свободы преступника: «кого из приговоренных содержать в крепости, кого в казематах, а кого на гауптвахте»³⁶⁶.

Отечественная война 1812 г., безусловно, повлияла на развитие армии, ее комплектования, ужесточение дисциплины в войсках. Само комплектование армии государства стремилось увеличить за счет отставных солдат и унтер-офицеров. Однако сформированные запасные резервы армии не смогли существенно увеличить военный корпус³⁶⁷. В начале XIX в. так же появляется временное ополчение, которое включало более 600 тыс. чел. Государство пла-

---

³⁶⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXIX. № 29795.

³⁶⁷ Богданов М. Мое воспоминание // Воспоминание воинов русской армии. М., 1991. С. 68-71.

нировало использовать ополчение для поддержки регулярной армии, а так же для охраны внутреннего порядка в стране. Для реализации внешней политики помимо самого ополчения в 1812 г. был создан и соответствующий комитет³⁶⁸.

В период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии с 1813 г. и до возвращения в Россию, в соответствии с «Уставом полевого судопроизводства», впервые были созданы полевые суды в составе 3-й Западной, Польской и Резервной армий, полевые генерал-аудиториаты, в составе Отдельного корпуса во Франции – полевой аудиториат, в составе соединений, частей и гарнизонов – полевые суды.

С 1812 г. в России на законодательном уровне происходит разделение совершенных военных преступлений в мирное и военное время. Важным отличием «Уложения...» от более ранних нормативных документов являлось то, что применение наказаний разрешалось исключительно военным судам, не допуская расширительного применения воинских наказаний по отношению к гражданскому населению, однако, данная закономерность не имела продолжения в будущем. В последующем «Уложение...» 1812 г. и в мирное время применялось к ссыльным, каторжанам, а именно к тем, кто пытался каким-то образом выступить против своего начальства или поддержать, например, горцев Кавказа, отстаивавших независимость. После окончания Отечественной войны и Заграничных походов из воинских наказаний наибольшее распространение в русской армии получили: прогнание через шпицрутены в отношении нижних чинов и в отношении офицеров – разжалование. Как справедливо подметил Н. И. Фалеев: «первое выросло в чудовищную форму, второе выродилось во всеобъемлющую кару»³⁶⁹. Как отмечали современники, в армию снова возвратилось «грубое с офицерами и жестокое с нижними чинами обращение»³⁷⁰. Вновь начал царить произвол офицеров и старших по отношению к нижним и младшим чинам. «Охранительно-консервативная политика власти превратилась в агрессивно-

³⁶⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 252. Л. 9-10.

³⁶⁹ Фалеев Н. И. Цели военного наказания. С. 124.

³⁷⁰ Епанчин Н. Е. Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828–1829 гг. СПб., 1904. С. 24, 46–47; Столетие Военного министерства ... С. 131.

реакционную, проявлением которой стало, в частности, ужесточение военно-уголовных наказаний»³⁷¹. Как писал Л. Н. Толстой: «Дух угнетения до того распространился в нашем войске, что жестокость есть качество, которым хвастают самые молоденькие офицеры. Засекают солдат, бьют всякую минуту, и солдат не уважает себя, ненавидит начальников, а офицер не уважает солдата и наслаждается в присущем каждому человеку чувстве угнетения»³⁷². Жестокая военная дисциплина обрушивалась на солдата ежедневными розгами, плетью, прогоном сквозь строй. Шпицрутены в 3000 ударов были обычным делом³⁷³.

Начиная свое правление, император Александр I предполагал не привлекать армию к выполнению не соответствовавшим ее предназначению обязанностей. Но череда войн потребовала форсированных работ по строительству крепостей, портов, каналов, фортификационных, казарменных и прочих сооружений военного значения. Исходя из возможностей государства и его оборонной и экономической традиции, использование практически бесплатного солдатского труда прекратить не представлялось возможным. Это вызывало очевидную необходимость и соответствующей направленности военных наказаний и дисциплинарной практики. В то же время, объективная потребность в многочисленной армии и проблемы с финансами вызывали необходимость комплектовать ее рекрутскими наборами, а неуклонное увеличение среди рекрутов количества судимых и оштрафованных вызвали насущную потребность в создании особых воинских формирований, через которые пропускаться бы набираемый в армию контингент. Учитывая высокую криминализацию рекрутов, и то, что рекрутский набор, или отдача «в службу», рассматривался обществом как своего рода вид наказания³⁷⁴, то весь контингент новобранцев подразделялся на три группы³⁷⁵:

- 1) непосредственно направляемые на службу в регулярные войска;

³⁷¹ *Калаш В., Уланов В.* Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 6. М., 1995. С. 74.

³⁷² *Толстой Л. Н.* Проект реформирования армии / Полн. собр. соч.: в 90 т. М., Т.4. С. 403.

³⁷³ *Толмачев Е. П.* Александр II и его время. М., 1998. С. 332.

³⁷⁴ 2-е ПСЗ РИ. Т. VI. № 4677 (ст. 78, 79); Т. XX. № 19283.

³⁷⁵ *Рыженков М. Р.* Армия не место для преступников и бродяг // Военно-исторический журнал. 2000. № 1. С. 94.

2) предварительно направляемые на исправление в резервные батальоны, находившиеся в ведении Штаба Инспектора резервной пехоты;

3) направляемые в арестантские, крепостные или военно-рабочие роты инженерного и других ведомств (навсегда или на определенный срок).

Замысел этот был несомненно прогрессивным, как и его цели, о которых в Высочайше утвержденном «Положении об исправлении порочных людей, прежде поступления на службы в войска действующие»³⁷⁶ от 1835 г. было сказано: «для отклонения вредного на войска влияния сообществом бродяг, преступников и вообще людей порочных, по приговорам судебных мест в военную службу отдаваемых, предполагается, прежде зачисления их на службу в войска действующие, на правилах ныне существующих»³⁷⁷.

Намечалось, по мнению А. А. Толкаченко: «исправление преступника путем религиозно-нравственного на него воздействия, без разобщения его от непорочных людей...», но с исполнением обязанностей военной службы (все возможное кроме получения на руки оружия) и положенных государственных и общественных работ, в процессе чего и происходит «постепенное приучение правонарушителя к нормальным условиям жизни путем испытания его воли, при тех же условиях нравственного влияния на него непорочной среды»³⁷⁸.

Можно вполне определенно утверждать, что этот вариант перевоспитания военнослужащих в специально создаваемых воинских дисциплинарных частях при апробации показал хорошие результаты, доказал высокую эффективность и в отдаленной перспективе получил развитие в дисциплинарной практике специального воинского наказания. И, хотя организация таких подразделений в рассматриваемом историческом периоде была намечена лишь контурно, тем не менее вполне возможно проследить и отметить основные принципы, на которых базируется этот вид наказания:

---

³⁷⁶ 2-е ПСЗ РИ. Т. X. № 7869.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Толкаченко А. А. Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим ... С. 69.

- относительная краткосрочность (до 3-х лет) содержания, чтобы не отрывать надолго военнотружущих от армии (или флота);
- режим содержания значительно строже армейского, соединяющий требования военной службы с ограничениями места лишения свободы;
- воинское обучение и воспитание проводится ограниченно, без оружия и техники, но с усиленным изучением требований уставов и наставлений;
- тесная связь с армией, а также глубокое осознание наказанным, что и в период исправительного воздействия на него, он выполняет специфические, но обязанности военной службы, несет дисциплинарную ответственность;
- отсутствие позорящих впоследствии наказаний, могущих ограничить политический, гражданский, военно-уголовный статус или лишить отбывшего наказание возможности вернуть воинское звание и продолжать службу.

Однако, в рассматриваемый исторический период, несмотря на благородство и перспективность самой идеи, порядок исполнения приговора, структура дисциплинарного подразделения, элементы установленного распорядка, система исправления были в целом примитивными, а должностные лица – малоквалифицированными, в связи с чем эффективность этого средства перевоспитания находилась на очень низкой стадии развития, а в некоторых случаях давала прямо противоположный, негативный эффект³⁷⁹.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. в русской армии заметным стало тяготение к прусскому образцу, в том числе в отношении укрепления дисциплины и порядка в войсковых частях. Централизация властных органов управления вплоть до жесткой подконтрольности императору существенно подрывала действовавшую ранее самостоятельность офицерского состава, не имевшего теперь права устанавливать способы укрепления воинской дисциплины. Муштра становилась главным средством армейской практики. Соответственно, суровая военно-дисциплинарная система способствовала выдвижению на руководящие посты «специалистов плацпарада» и «ма-

---

³⁷⁹ *Никитин В. Н.* Быт военных арестантов в крепостях. СПб., 1873; Столетие Военного министерства. Ч. 2. ... С. 319, 327–333, 339–357; *Ядринцев Н. М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 498.

стеров танцмейстерской науки», оценивавших состояние воинской дисциплины по стройности рядов военнослужащих, шагавших на параде³⁸⁰. В то же время такая дисциплинарная практика давала положительные результаты для реализации внутреннего правопорядка в войсках, павловская муштра сильно подтянула блестящую, но весьма распущенную армию.

Несмотря на это, в русской армии сохранялись традиции высоко нравственных идеалов сознательной воинской дисциплины, в чем главную роль сыграли патриотически настроенные личности, формировавшиеся в качестве представителей высшего офицерского состава на примерах великих полководцев и героев страны, идеях Румянцева-Суворова-Кутузова. Они пользовались уважением и авторитетом со стороны солдат, поскольку для них главные моральные ценности русского воинства, смелость, отвага, мужество не были пустым звуком. Их усилиями продолжалось развитие лучших нравственных добродетелей русской армии, проявившихся и доказавших реальную силу в Отечественной войне 1812 года. Именно в эти годы происходило официальное оформление идеологической основы воинской дисциплины, которая приобрела лаконичный вид в формулировке «За Веру, Царя и Отечество!»³⁸¹.

Таким образом, период конца XVIII – начала XIX в. стал отдельным этапом в военной истории России, в котором происходили изменения в воинской дисциплине и борьбе государства с преступностью в русской армии. Правительство Павла I стремилось укрепить аппарат государства путем централизации власти и установления в стране сурового военно-полицейского режима. В начале XIX столетия продолжает реализовываться рекрутская повинность, хотя к этому периоду данная система уже исчерпала себя и не могла обеспечить комплектование армейских рядов. Император Павел I приступил к реформированию армии, ясно видя многие ее недостатки и имея определен-

---

³⁸⁰ Мартынов В. Ф. Воинская дисциплина в русской армии и особенности ее функционирования на различных этапах ее строительства в XVIII – начале XX вв. // Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 2(30). С. 121-122.

³⁸¹ Там же. С. 122.

ный план по их устранению. Более того, на базе своих Гатчинских войск он сумел подготовить целую плеяду военных и отработать ряд новшеств на практике, начиная от формы одежды и заканчивая организацией артиллерии. Уставной порядок, вводимый в армии, строгое и неотвратимое наказание за нарушение малейших регламентаций, а главное – обязанность постоянно находиться на службе являлись основными нововведениями в армейской жизни. Неприятие изменений, касавшихся армии, способствовало добровольной отставке многих дворян, начинавших видеть больше преимуществ на гражданской службе. В то же время предпринимались весомые усилия по интеграции дворян в служебный аппарат империи, и в первую очередь – в его военный сегмент, велась постоянная борьба по внедрению дисциплины, безусловно, отстраняя непригодных к исполнению должностных обязанностей офицеров, неукоснительно и жестко наказывая преступивших законы. Кроме того, борьба с воровством и казнокрадством привела к тому, что возможно впервые после Петра I до солдат стало доходить все причитавшееся им довольствие: денежное, мундирное, продовольственное. Солдат перестали использовать на сторонних работах, а работу от казны стали оплачивать.

Порядок службы в эпоху Павла I давал командиру любого ранга практически неограниченные возможности в оценке как поведения военнослужащего, так и его служебной деятельности. При нем постоянно дополнялись новые виды проступков и преступлений: запрет носить круглые шляпы, сапоги с отворотами и длинные панталоны, высокие воротники, приходиться на маскарад без маскарадного костюма и т.д. При абсолютной власти в вопросе классификации воинских преступлений все же царил произвол: никто, кроме высшей власти, не мог определить, что будет применено к виновному: выговор, «отставление от службы», или ссылка в Нерчинск на работы, впрочем, как и то, кто будет назначен виновным.

В период правления Александра I в борьбе с преступностью наиболее часто применялись наказания, связанные со служебной деятельностью военных людей. К этим видам наказаний относились: отрешение от должности, разжалование, «исключение из службы», высылка в имения. Частое приме-

нение наказаний, связанных со служебной деятельностью, вызвано, в первую очередь, оперативностью их приведения в исполнение. Кроме того, наказания имели и наглядный воспитательный эффект и не несли нагрузку для казны. Большинство наказаний военнослужащих, как правило, было комплексным и включало также лишение чина. С исключением со службы практиковались и заключение в крепость, смирительный дом или ссылка в Сибирь, более жестким вариантом ссылки было «поселение».

Император Александр I еще в самом начале царствования поставил цель освободить практику воинских наказаний от анахронизмов и перегибов и привести ее в соответствие с современными его эпохе требованиями. К началу правления императора сложилась реальность, при которой нормативная документация и ее применение в жизни существовали практически параллельно.

Самостоятельной военно-карательной мерой по отношению к офицерам и военным чиновникам являлось изгнание из армии. Как самостоятельный вид, были установлены коллективные наказания, за совершение преступлений командой, подразделением или даже воинской частью. С 1812 г. в России на законодательном уровне происходит разделение совершенных военных преступлений в мирное и военное время.

* * *

Особое место в истории Российского государства занимает становление и развитие русской армии. Наибольший интерес представляют отдельные ее сюжеты в исторической динамике, а именно государственная политика по укреплению воинской дисциплины и борьба с преступностью в армии XVII – первой четверти XIX века.

В XVII в. начинает складываться самостоятельная государственная политика, реализующая военную деятельность страны. Так, во второй половине века при царе Алексее Михайловиче начинается процесс становления абсолютизма, одним из конкретных признаков которого является наличие регулярной, постоянной армии. В это время в России уже действуют полки ино-

земного строя, следовательно, начинается формирование регулярной армии, обученной по западному образцу. Появляются отдельные органы власти, регулировавшие вопросы военной службы, а также уставы, определявшие законодательные основы государства по борьбе с преступностью в армии. Наиболее распространенными наказаниями за воинские преступления на данном историческом этапе стали: телесные; лишающие или ограничивающие свободу; «правопоражающие»; денежные взыскания и начеты.

В период правления Петра I была сформирована единая система, которая включала в себя четкую структуру, комплектование и деятельность в армии, жесткую воинскую дисциплину, которая определяла военные преступления и наказания за них, а также позволяла создать колоссальный и детально сформулированный пласт отдельных нормативных документов. На основе изученных источников в данный период можно выделить следующие проступки и преступления военнослужащих: убийство, побег из армии, драка, пьянство и др. Видами наказания за преступления в русской армии могли служить: штрафы, телесные наказания, лишение свободы, смертная казнь. Укрепление воинской дисциплины в петровский период основывалось посредством влияния государства, военных командиров на поведение офицерского корпуса и нижних чинов. Именно под руководством самого Петра в России впервые была создана основательная законодательная база воинской службы, на долгие годы определившая основы организации, порядка формирования и функционирования армии в стране.

В последующую эпоху – «дворцовых переворотов» – в созданные Петром Великим базовые положения существования и содержания регулярной армии были внесены некоторые изменения. Так, в годы царствования императрицы Анны Иоанновны пожизненная воинская служба для дворян была заменена 25-летним сроком. Наконец, Указом Петра III дворянство получило освобождение от обязательной службы. Реформы в армии XVIII в. наложили отпечаток на воинскую дисциплину и борьбу государства с преступностью в войсках, основывавшиеся на розыске, а также на формальных доказатель-

ствах, важнейшим из которых считалось признание. Основной целью системы оставалось устрашение.

Чрезмерная строгость уголовных законов того времени стала причиной их смягчения, и в 1754 г. императрица Елизавета Петровна принимает указ, заменявший смертную казнь. В период правления императрицы Екатерины II отменяются пытка и пристрастный допрос. Однако, в царствование Екатерины II строгая дисциплина действовала исключительно в войсковых соединениях, проводивших боевые действия. В то же время дезертирство стало обычным явлением того времени.

Правительство в период правления Павла I стремилось укрепить аппарат государства путем централизации власти и установления в стране сурового военно-полицейского режима. Порядок службы давал командиру любого ранга практически неограниченные возможности в оценке как поведения военнослужащего, так и его служебной деятельности.

При Александре I в борьбе с преступностью в русской армии наиболее часто применялись наказания, связанные со служебной деятельностью военных людей. К ним относились: отрешение от должности, разжалование, «исключение из службы», высылка в имения. Большинство наказаний военнослужащих было комплексным и включало также лишение чина. С увольнением со службы практиковались заключение в крепость, смирительный дом или ссылка. Особое значение, начиная с XVII в., имела ссылка в Сибирь. С 1812 г. в России на законодательном уровне произошло разделение совершенных военных преступлений в мирное и военное время.

ГЛАВА II. ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ИСКОРЕНЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В РУССКОЙ АРМИИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

§ 2.1. Осуществление военно-правовой политики Российского государства в армии XVII столетия

В целях реализации воинской дисциплины и искоренения преступности в армии была разработана нормативная документация. В этой связи были установлены и наказания, которые применялись только к военнослужащим. Однако система укрепления воинской дисциплины и определения наказаний за преступления в армии законодательно формировалась постепенно, начиная с первых обобщающего характера документов.

Если говорить о предыстории вопроса, то с момента образования Древнерусского государства и до принятия «Соборного уложения» 1649 г. основным нормативным документом являлась «Русская Правда», которая дошла до нас в количестве свыше 110 списков разных редакций³⁸². В XV–XVI вв. к «Русской Правде» в качестве самостоятельных текстов были добавлены Судебники 1497 и 1550 гг. Все они как обобщенные документы также распространялись и на военнослужащих, однако специальных материалов по воинским преступлениям в них пока не содержалось.

С точки зрения указанных сводов к наиболее опасным относились преступления против жизни человека и его здоровья, к менее опасным – преступления против чьей-либо собственности. Так, анализ исторического источника, а именно краткой редакции «Русской Правды» позволил определить, что 21 статья из 43-х освещают преступления против жизни и здоровья человека, 12 статей посвящены преступлениям против собственности. Основным наказанием за преступление являлся штраф. В пространной редакции

---

³⁸² Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 36.

«Русской Правды» из 121 статьи 24 отражают преступления против жизни и здоровья, и 12 – преступления против собственности. В пространной редакции к наказаниям была добавлена еще и конфискация имущества³⁸³.

Все редакции «Русской Правды» устанавливали строгость наказания в зависимости от социального положения потерпевшего, т.е. более строго наказывали за преступления против представителей высшего социального слоя и гораздо менее строго – против представителей низших слоев. Также следует отметить, что во многих исторических источниках имеются сведения о положении рабов (холопов): их купле, продаже, ответственности и т.д., что свидетельствует о значении и распространенности этого явления в Русском государстве.

Судебники 1497 и 1550 гг. содержали сведения о проведении судов. В первом Судебнике вводится понятие особо опасных преступлений против государства и церкви: посягательство на жизнь государя, крамола (заговор, измена, бунт, восстание, бегство за границу) и ограбление церкви и др. За особо опасные преступления против государства, церкви и собственности вводится смертная казнь. Впервые появляется понятие «ябедничества», то есть – ложного навета или доноса, клеветы, имевших своей целью обвинить невиновного³⁸⁴.

Судебник 1550 г. дополняет и детализирует предыдущий свод законов. В частности, была определена ответственность за ряд должностных преступлений: получение взятки, лихоимство (поборы, вымогательство взятки), подделку документов (подписка). К числу наиболее опасных преступлений относятся сдача города неприятелю и «подмет» (то есть – шпионаж).

Особую общественную опасность приобретают преступления насильственно-корыстного характера, что находит отражение в Судебниках. Формируется подход к понятию преступления против государства, выделяются наиболее опасные деяния, посягавшие на основы государственной власти, за их совершение вводится наиболее строгое наказание. Это свидетельствует о

---

³⁸³ Правда Русская / Под общей редакцией Б. Д. Грекова. Т. III. М., 1963. С. 12–20.

³⁸⁴ Петрова Н. А. Судебник 1497 года об основаниях уголовной ответственности // 500 лет первому общероссийскому кодексу (Судебник 1497 года): материалы науч.-практ. конф., 22–23.09.1997. Иваново, 1997. С. 59–60.

том, что такого рода действия были достаточно распространены в России того времени. Правительство пришло к пониманию общественной опасности таких деяний для всей системы государственной власти, в связи с чем оно принимало меры для их противодействия.

Зарождение системы наказаний непосредственно за преступления в армии в Российском государстве можно отнести к XVI веку. Так, отдельные сведения по регулированию деятельности военных содержатся в «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе» (1571 г.). В нем предписывалось, что не только станичников и сторожей, кои «стоят небрежно и неосторожно и до урочищ не доезжают» но и голов, и даже воевод «бити кнутом», даже в случае, если не было опасных последствий, не говоря уже о возможном вторжении противника на территорию государства³⁸⁵. Таким образом, можно утверждать, что для военных людей устанавливались наказания за нарушение несения специальной сторожевой службы.

Однако окончательное оформление нормативной базы за совершение военных преступлений относится к XVII веку³⁸⁶. Первым историческим памятником, раскрывавшим информацию о борьбе с преступностью в войсках, является «Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки» (1621 г.). И прежде всего это относится к его «Статейной росписи пушкарской» (ст. 311–330)³⁸⁷. Весь «Устав ...» состоит из 663 статей и содержит данные об устройстве и управлении войск, сведения по тактике и артиллерии.

В целом, этот первоисточник носил общий характер, так как в нем не было разграничений между общими и воинскими преступлениями и не предусматривалось каких-либо специальных воинских наказаний. Кроме того, данный документ преследовал лишь одну цель наказания – устрашение, поэтому и сами наказания были просты, прямолинейны и чрезвычайно же-

³⁸⁵ Акты Московского государства: в 3 т. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. С. 2–5.

³⁸⁶ Савинков В. М. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869. С. 1–2.

³⁸⁷ Старинный военный Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1777.

стоки. Однако, в нем преимущественно упоминались «по заповеди казни смертные» и «наказание животное» (физическое, телесное)³⁸⁸. При этом в «Уставе ...» какой-либо системы наказаний совершенно не просматривается, так как в самих статьях часто не указывалась карательная санкция, и выбор наказания для виновного предоставлялся на усмотрение командира, «... смотря по делу»³⁸⁹.

Необходимо отметить, что сведения, содержащиеся в «Уставе ...», относились к профессиональной деятельности исключительно пушкарей. Преступления, предусмотренные в этом документе, можно условно разделить на несколько групп:

- против установленного порядка несения службы пушкарями (отлучка от пушки без разрешения начальника, допущение постороннего лица к пушке, кража, продажа, небрежное хранение боеприпасов, неисправность орудия);

- против порядка пребывания на военной службе (самовольное оставление службы, пьянство до неспособности исполнять свою должность, самовольный уход за стан в целях грабежа);

- преступления против порядка подчинённости и управления (ослушание или неисполнение приказа, драки, смута, собрание без ведома головы, недонесение об известной измене и т.д.);

- преступления, совершаемые в районе боевых действий (такие как общение с неприятелем, самовольный выход из военного лагеря, учинение драки, тревоги, шума вблизи неприятеля и т.д.);

- преступления против местного населения в районе боевых действий (осквернение церквей, разорение мельниц, грабёж, разорение, убийства и причинение вреда здоровью местных жителей).

При этом, на первом месте по степени важности были преступления против порядка несения специальной службы пушкарями. На втором месте были уклонения от военной службы, что являлось, судя по историческим до-

³⁸⁸ *Фалеев Н. И.* Цели военного наказания ... С. 187.

³⁸⁹ *Щеглова Е. Н.* Воинские наказания в России в XVII веке // "Черные дыры" в Российском Законодательстве. 2013. № 4. С. 31–33.

кументам той эпохи, серьезной проблемой не только в России, но и в ряде иностранных государств.

Вместе с тем уже в этом нормативном документе упоминается такое наказание, как лишение свободы в виде «посаждения в железа». Однако, как показало проведенное исследование, «посаждение в железа» было ничем иным, как заковыванием в железные цепи, оковы или колодки. Подобная разновидность наказания достаточно часто применялась в европейских странах как воинское наказание. Так, например, в 9-й статье «Устава» указывалось: «Да только будет пушкарь в ином стану или полку на площади запасном, и тому подобно с иным с кем посварится и того полку или приказу пристав его изымет и посадит его в железа, и пушкарю тотчас велит известно учинити своему пушкарскому голове, чтоб ему быть в послушании и смиренности своего пристава, для того чтобы он в приточну пору у снарядабыть, чтоб без него пищаль или пушка даром по застоюлась»³⁹⁰. Из источника видно, что «посаждение в железа» являлось мерой дисциплинарной, которая носила краткосрочный характер.

Необходимо так же отметить, что для осуществления подобного вида наказания никаких специальных карательных учреждений не требовалось. Такое наказание военных устанавливали приставы. Военнослужащий, приговоренный к «посаждению в железа», находился в части или приказе, с ведома его непосредственного начальства. Следовательно, все указанные в документе наказания предполагали главное – необходимость укрепления воинской дисциплины в целом.

В «Уставе...» также содержались и сведения по ведению суда для военных людей. Высшая власть по наказанию подчиненных в походе («в поле») принадлежала непосредственно большому полковому воеводе, а в его отсутствие или невозможности выполнять обязанности – его заместителю («товарищу» или «порутчику»), в обязанности которых входило рассматривать все

---

³⁹⁰ Радшиевский О. М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях. Ч. 1. ... С. 59.

дела о проступках и преступлениях военнотружущих подчиненного им войска и соответственно проступкам назначать наказания. Для этого у них был в подчинении «большой воинский пристав», у которого, в свою очередь, были в подчинении младшие приставы, поддатни, ярыги и палачи. Основной задачей приставов было определено: «в полках злодеев и воров изымати как его чин и приказ показывают» и «о воинских судных делах расправляти, и опричь его никому в том власти не имети», то есть поддержание должного правопорядка и строгой дисциплины в войске, а также приведение в исполнение наказаний. В определенной части войска, или в полках, назначались свои приставы, которые, в свою очередь, тоже обладали сходными правами. Воинские приставы являлись прообразом военно-полицейской службы. В отношении пушкарей военно-судебной властью был наделен пушкарский голова, у которого так же был в подчинении «порутчик» и особый пристав с помощниками.

Таким образом, «Устав...» содержал военные нормы, которые были направлены на защиту установленного порядка несения службы. Основную цель наказаний создатели «Устава...» видели в поддержании воинской дисциплины и правопорядка («такие дела расправляются <...> чтобы тем везде всякие люди были в тишине и в покое, и всякую он злобу наказанием усмиряет») путем устрашения военнотружущих и истребления преступников. Такой подход к противодействию преступности в войсках и среди военнотружущих вполне соответствовал принятой в тот период времени в Европе практике.

Следующим в хронологическом порядке документом, который содержит информацию о создании дисциплины в войсках и данные о борьбе с преступностью в армии, является «Соборное Уложение» 1649 г. «Уложение» состояло из 25 глав и 967 статей³⁹¹. «Соборное Уложение» является важным историческим источником, в котором содержатся сведения о предотвращении воинских

---

³⁹¹ В течение XVII в. «Соборное Уложение» дополнялось новыми статьями. Всего к XVIII в. набралось более полутора тысяч вновь введенных статей (См.: Эвельсон Е. А. Происхождение Соборного уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича // Ученые записки. Вып. 3. М., 1941. С. 21-24.

преступлений, оно вошло в состав Первого полного собрания законов Российской империи и было опубликовано в его 1-м томе в 1830 году.

«Соборное Уложение» применялось в полном объеме ко всем военнослужащим. Сами военные нормы были включены в «Уложение», но последовательно и были «разбросаны» в главах II, VII, X, XII – XIV. Все воинские преступления, содержащиеся в нем, можно условно разделить на следующие группы:

– государственные преступления (сообщение неприятелю сведений о своей армии, переход на сторону неприятеля, возмущение в полках скопом или заговором, сдача неприятелю города, приём в город иностранцев для измены и т.д.);

– уклонение в целом от воинской службы (побег со службы, побег с поля битвы, или содействие таковому побегу) или уклонение от исполнения некоторых из обязанностей воинской службы;

– общеуголовные преступления, совершаемые военнослужащими в военное время (убийство, изнасилование, нанесение ударов, оскорбление и т.п.);

– преступления против собственности обывателей и других военнослужащих (кража, грабёж, потрава, опустошение дворов и огородов, захват хлебных запасов).

Среди воинских преступлений к собственно воинским можно отнести только уклонение от военной службы. Причем государство недвусмысленно выделяло квалифицированные формы побегов со службы: в первый раз, во второй раз и в третий раз. Каждому квалифицированному составу соответствовало все более строгое наказание по нарастающей: битье кнутом, уменьшение надела и денежного взыскания и битье кнутом и отобрание поместья, что также свидетельствует об исправительной направленности государственной политики.

В качестве наказаний, применяемых к виновным военнослужащим, были предусмотрены:

– смертная казнь;

- отсечение конечностей;
- наказание кнутом;
- наказание батóгами;
- отобрание поместий и вотчин;
- конфискация имущества;
- ссылка в «украинные» города и Сибирь;
- заключение в тюрьму;
- денежное взыскание;
- понижение по степени службы и по разрядным спискам;
- выдача головою обиженному;
- написание в разрядных книгах какого-либо позорящего качества или названия;
- убавка жалованья³⁹².

«Соборное уложение» 1649 г. содержало также неопределенные санкции за ряд преступлений, выражавшиеся в таких формулировках: «наказати нещадно», «чинити жестокое наказание», «безвсякие милости», «вкинуть в тюрьму, насколько государь укажет» и т.д.

В целом, исходя из системы наказаний, можно сделать вывод о том, что основной целью наказаний наряду с устрашением и уничтожением (калечением) преступника, являлось и его исправление. Такие наказания, как отбирание поместий и вотчин, денежные взыскания, понижение в должности, записи в служебных документах и т.д., носили явно исправительный характер. Некоторые из наказаний «Уложения» существуют и в настоящее время, например, в форме ограничения по военной службе.

Следует отметить, что система преступлений в «Соборном Уложении» была систематизирована следующим образом, по степени общественной опасности:

- преступления против церкви;

---

³⁹² Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 95–106, 237, 274.

- государственные преступления;
- должностные преступления;
- воинские преступления;
- преступления против личности;
- преступления против нравственности;
- имущественные преступления³⁹³.

Следовательно, «Соборное Уложение» 1649 г. определило, что на первом месте находились преступления, совершенные против государства, а преступления против личности и собственности занимают одно из последних мест. Воинские преступления в этом списке, состоящем из семи пунктов, находятся на 4-м, т.е. достаточно значимом месте.

В «Уложении» продолжается развитие категории государственных преступлений как наиболее опасных для существующего строя. Этим преступлениям в «Уложении» посвящена отдельная глава, содержащая 22 статьи. Причем, в них отражена воинская специфика преступлений – просто на службе в войсках, или во время войны. Такое внимание к государственным преступлениям объясняется достаточно широким их распространением, что зафиксировано множеством исторических источников (чаще всего в форме отъезда бояр и дворян в соседнюю Польшу, например, пресловутый князь Курбский в XVI в.), а также в связи с их особой общественной опасностью³⁹⁴.

Особое распространение в тот период времени приобретают должностные преступления. В войске эти преступления выражались в незаконном отпуске со службы, задержках выплаты жалованья, денежных поборах с подчиненных, принуждении подчиненных работать на себя, членов своей семьи, на других должностных лиц, рукоприкладстве, бездействии по службе (нерозыск нетчиков), внесении заведомо ложных сведений в служебные документы. Широко было распространено взяточничество.

---

³⁹³ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года ... С. 143, 267, 291.

³⁹⁴ Строев В. М. Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. 67–69.

Все это было вызвано процессом создания регулярной армии, изменения порядка ее комплектования и прохождения службы в ней. В целом, к военным служащим чаще применялись телесные наказания. Так, за самовольную отлучку со службы, например, полагалось «нешадное сечение кнутом, батогами, кнутом на козле³⁹⁵. Остановимся более подробно на VII главе «О службе всяких ратных людей Московского государства». Одиннадцать статей из 32-х, входящих в нее, посвящены пребыванию на военной службе, уклонениям и должностным преступлениям, связанным с уклонениями от службы. До конца XVII в., помимо «Уложения», был принят еще ряд указов, направленных на борьбу с побегами и неявкой на службу (нетчеством), что явно указывает на широкую распространенность таких деяний, а также о том, что в тот период времени они приобрели особую общественную опасность.

Как показывает анализ источника, «Соборное Уложение» не предусматривало создания специальных органов для суда над военными. Военнослужащих судили в общих судебных органах. По-прежнему в государстве отсутствовало деление на судебные и исполнительные органы. Судебные функции выполняли земские приказы и разбойный приказ (с 1683 г. – сыскной приказ), а в городах – губные старосты и целовальники, которые рассматривали дела о наиболее существенных преступлениях (убийства, татьба, разбой и т.д.)³⁹⁶. Малозначительные проступки и преступления военнослужащих рассматривались по их служебной принадлежности в соответствующем органе государственной власти – Стрелецком, Пушкарском, Рейтарском или Иноземном приказах. Разрядный приказ рассматривал дела об обидах и оскорблениях военнослужащих и притязаниях в спорах по местничеству (т.е., по служебному положению и жалованью). Низшей инстанцией были приказные, или съезжие избы, которые существовали в каждом солдатском, рейтарском, стрелецком полку и городах, где размещались военнослужащие.

---

³⁹⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 260.

³⁹⁶ *Кравцова Е. А.* Возникновение и развитие органов государственной власти в дореволюционной России // Наука. Теория. Практика. 2015. № 2. С. 47.

Непосредственно судебной властью обладали командиры: стрелецкие и пушкарские головы, воеводы, а в полках нового строя – полковники. В военное время судебная власть за все преступления переходила к главнокомандующему – воеводе, который назначал полковых судей (полк в данном случае как часть войска, по структуре и задачам равнозначная войсковому соединению³⁹⁷). Судебные функции сохранялись за стрелецкими, пушкарскими и сотенными головами. Полковники, стрелецкие, пушкарские и сотенные головы могли назначать наказание не строже битья батóгами. Остальные наказания должны были утверждаться воеводой. Профессиональными судебными работниками были дьяки и подьячие, которые вели судебное делопроизводство, следили за правильностью и законностью процесса. Дьяки и подьячие работали как в войсках, так и в приказах³⁹⁸.

«Уложение» являлось логическим продолжением военной политики Российского государства. Оно развивало идеи устрашения как основной цели наказания. Отсюда и особая жестокость наказаний, широко применялись отсечения рук или ног, отрезания языка, носа и т.п., а также и смертная казнь³⁹⁹. В дальнейшем, особенно в последнюю четверть XVII в., наказания за воинские преступления все более ужесточались.

Такое широкое применение телесных наказаний было связано с тем, что они чрезвычайно быстро и легко приводились в исполнение, а также и с тем, что к военнослужащим редко применялся такой вид наказания, как лишение свободы. Так, по «Соборному Уложению» 1649 г. тюремное заключе-

---

³⁹⁷ Основной административной и строевой единицей войска был полк (солдатский, рейтарский, стрелецкий и т.п.). Несколько полков пехоты и конницы сводились в воеводские (генеральские) полки; иногда генеральские полки входили в воеводские полки. Воеводские полки объединялись в боярские полки, каковыми с середины XVII в. были (кроме большого полка) разрядные полки. Боярские полки как самостоятельные составные части войска объединялись под командованием первого воеводы большого полка (главнокомандующего). Войсковые соединения до боярских полков включительно (кроме большого полка) существовали и в мирное время. Для похода эти полки объединялись, с добавлением большого полка, в походное войско. (См.: *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского Государства в XV – XVII веков. М., 1954).

³⁹⁸ *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 45–47.

³⁹⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 310.

ние применялось в отношении военнoслужаших всего в одном случае (и что характерно, к командирам), а именно: «А будет который сотенной голова отпустит куды из сотни своя кого-нибудь без Государева указа и без Воеводского ведома, и за то <...> бити батóгами, да вскинуги в тюрьму, чтобы на то смотря другим сотенным головам не повадно было так делати»⁴⁰⁰.

Однако в последующих указах Алексея Михайловича тюремное заключение уже встречается довольно часто. Так, оно было предусмотрено за «отречение от должности по расчетам местничества», «несправедливое местничество», «непринятие пожалованного чина окольного», «не высылку бежавших со службы детей боярских» (наказывались воеводы и приказные люди), «самовольную отлучку домой со службы», «уклонение от службы» и другие воинские преступления. В этих указах тюремное заключение подразделялось на «бессрочное», «до Государева указа», «на указные дни», а также на «краткосрочное»⁴⁰¹.

Вместе с тем, тюремное заключение применялось не только по судебным приговорам, но и в дисциплинарном порядке начальствующим составом. Так, в 1614 г. в наказе стрелецкому голове Дмитрию Петровичу Дернову предписывалось: «а будет который стрелец доведется до какой пени и ему, Дмитрию, их смирят, смотря по вине, в тюрьму сажать или батóгами бить, кто чего доведется»⁴⁰². В ту эпоху тюрьма – это не только собственно наказание, но и мера пресечения, например, уклонения от военной службы. В этом случае тюремное заключение могло быть заменено поручительством⁴⁰³. Например, в указах Алексея Михайловича в 1659 г. о сыске «служилых людей, что съехали с Государевы службы из полков и живут в домах своих» говорилось: «и давать

⁴⁰⁰ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Г. В. Абрамович, Л. И. Ивина, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов, и др. Л., 1987. С. 24–27.

⁴⁰¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. №№ 3, 28, 38, 75, 91, 61, 144, 154, 252, 297.

⁴⁰² Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 47.

⁴⁰³ Соборное уложение 1649 года ... С. 118–129.

их велено на крепкие поруки; а по которым порук не будет, и тех держать в тюрьме до Государева указа», т.е. до особого распоряжения⁴⁰⁴.

Необходимо отметить, что тюремное заключение в XVII в. в армии применялось преимущественно для наказания только начальствующего состава. Тюремное заключение использовалось за маловажные проступки и упущения в служебной деятельности, и поэтому его можно отнести к мероприятиям дисциплинарного характера, которое заменяло кратковременный арест. Так, по указам царя Алексея Михайловича тюрьма назначалась на срок, начиная с одних суток: «А которые люди учнут от нашей Государевы службы избегать и укрываться, и ты-б их велел сыскивать, и сыскав сажал в тюрьму дни на два и на три, а из тюрьмы выпустя, учиня им наказание, бив батогги нещадно, выслал их на нашу Государеву службу за крепкими поруками»⁴⁰⁵.

Тюремное заключение могло быть объединено с ссылкой. Так, воинских людей, для отбывания наказания, ссылали в Сибирь с женами и детьми. Указом от 18 декабря 1683 г. предписывалось также ссылать в разные города тех, кого выпустили из тюрьмы «на поруки или росписки», и тех, за кого никто не ручается⁴⁰⁶.

Тюремное заключение имело большое дисциплинарное значение. Подследственных, так называемых «оговорных людей»⁴⁰⁷, и беглых могли содержать в приказе либо в тюрьме, которые находились в ведении приставов. Впоследствии в правительственных распоряжениях неоднократно разъяснялось, что в приказах «за решеткой и под приказом колодников не держат, а держат их на тюремном дворе»⁴⁰⁸. В Соборном уложении прямо указывалось, что «оговорные люди», которые находятся под подозрением, если их не брали на поруки, должны содержаться в тюрьме⁴⁰⁹. Кроме того,

⁴⁰⁴ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 252.

⁴⁰⁵ Там же. Т. III № 1690, 1716.

⁴⁰⁶ *Сергеевский Н.* Ссылка в России в XVII в. Кн. 3. ... С. 134.

⁴⁰⁷ Оговорный – обвиненный в каком-либо преступлении.

⁴⁰⁸ Колодник (истор.) – арестант в колодках (колодки (истор.) – старинная деревянная конструкция с прорезями для головы и рук преступника).

⁴⁰⁹ *Томсинов В. А.* История русской юриспруденции. X – XVII века. М., 2014. С. 129.

в нем предписывалось «татей и разбойников для содержания под стражей приставам не давать», а содержать их до принятия по ним решения в тюрьмах⁴¹⁰. Следовательно, тюрьма в XVII в. являлась местом предварительного заключения для подсудимых. В тюрьме XVII в. содержались не только осужденные по делам уголовным, но и по гражданским, а также в тюрьмах содержались и военнопленные⁴¹¹.

В тюрьмах XVII в. отбывали наказание различные осужденные, в том числе рецидивисты, а так же родственники подсудимых, хотя в Уложении дается разъяснение, «чтобы вместо скрывающихся «оговорных людей», «матерей, жен и детей их не имать и не держат»⁴¹². В целом в XVII в. тюрьма не приобрела позорного значения, как в настоящее время, и поэтому могла служить местом кратковременного содержания военнослужащих. «От сумы и от тюрьмы не зарекайся» – гласит народная пословица, происхождение которой следует отнести к XVII в., так как тюрьма и «разорение» грозили практически любому за ничтожные провинности⁴¹³.

Тюремное заключение в России для военнослужащих в XVII в. было наиболее тяжелым, поскольку тюрем не хватало⁴¹⁴. Прежде всего, это было связано с тем, что в царском указе предписывалось беглых, сидевших в городах у «сыщиков» в тюрьме, отдавать тем, у кого они жили до их задержания, при этом с них бралась расписка.

О тяжести отбытия тюремного заключения в XVII в. свидетельствует устройство самих тюрем, а также порядок исполнения наказания в них⁴¹⁵. Так,

⁴¹⁰ Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 г. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., 2011. С. 10-21.

⁴¹¹ Грот Я. К. Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера, впоследствии генерал-майора и губернатора // Труды Я. К. Грота. СПб., 1862. Т. 4. С. 122-156.

⁴¹² 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 221.

⁴¹³ Баршев С. И. О влиянии народных предрассудков на определение наказания // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. Т. 2. М., 1842. С. 78-82.

⁴¹⁴ Генкин Н. О тюремном заключении // Московские университетские известия. 1870. № 4. С. 224-304.

⁴¹⁵ Познышев С. В. Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 29.

тюрьма представляла собой небольшой двор (от 20 до 100 кв. сажен⁴¹⁶), обнесенный высоким (в несколько сажен), глубоко врытым в землю бревенчатым тыном⁴¹⁷. В тыне имелись двери для выхода в тюремный двор. Там же находился и «притюремок» – крытая, с дверьми, сторожка (привратницкая). Во дворе, в зависимости от назначения тюрьмы, располагались одна или несколько изб, огражденных одна от другой малым тыном или частоколом⁴¹⁸. Именно эти избы и служили местом заключения. Избы строились в один или в два этажа. Если было два этажа, то второй этаж назывался верхней, а первый – земляной, или нижней тюрьмой. Тюремная изба была покрыта березовой корой, и имела площадь 16 кв. сажен. Вблизи от тюремного двора находились караульные избы для тюремных сторожей и администрации. Тюрьмы в городах строились не за счет казны, а за счет городских и уездных обывателей⁴¹⁹, и потому, они строились в режиме жесткой экономии. Однако размеры тюремного двора были весьма различными в зависимости от государственных нужд. Так, в городе Шуе в 1674 г. велено было поставить тюремный тын площадью 64 кв. сажени, в Муроме – 58, а в Устюге – 217, причем в последнем случае на тюремном дворе располагалось 4 избы и 2 караульных помещения⁴²⁰.

Тюрьмы в этот исторический период были постоянными и временными, каменными, земляными и деревянными. Создавались они, как правило, при приказах, монастырях, а иногда и в частных жилищах. В них была очень большая теснота. Так, например, в построенной в 1654 г. устюжской тюрьме на каждого человека всего приходилось чуть более 3 квадратных аршин, не исключая даже печей. Правительство не заботилось ни об одежде, ни о пище заключенных⁴²¹.

⁴¹⁶ В XVII в. основной мерой была казенная сажень (утвержденная в 1649 году Соборным уложением), равная 2,16 м, и содержащая три аршина (72 см) по 16 вершков.

⁴¹⁷ *Рогов В. А.* Тюрьмы и лишение свободы в средневековой России (конец XV – середина XVII вв.) // Вопросы истории органов борьбы с преступностью. М., 1987. С. 4–34.

⁴¹⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. Гл. XXI. Ст. 94, 112; Т. III. № 1737.

⁴¹⁹ Там же. Т. I. № 102.

⁴²⁰ *Упоров П.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 422.

⁴²¹ Там же. С. 421.

Преступник в тюрьме был предоставлен самому себе, и государство, ограничив свободу, отказывало ему в дальнейшей заботе о его существовании⁴²². Преступник должен был оплачивать расходы по своему содержанию. В этих целях по вынесении ему приговора с осужденного взыскивалось в пользу пристава «пожелезное» и «проести» (прокорм)⁴²³. В случае, если у осужденного не хватало денег, их могли взыскать даже с истца. Только в 1658 г. был издан царский указ «О невзимании приставам с колодников пожелзнаго». Этим же указом приставам установлено было «жалование Великого Государя из Судного Приказа»⁴²⁴.

«Тюремным сидельцам» выплата «государева жалования» была установлена только в 1662 г. в размере по 2 алтына в день⁴²⁵. В некоторых тюрьмах с осужденные получали содержание «натурой», но большей частью они жили за счет подаяний или оплаты за произведенные ими работы. В этих целях их выпускали из тюрьмы поочередно, группой от двух до пяти осужденных, скованных вместе. И они, под надзором пристава, ходили и собирали по городу милостыню «для прокормления». Сковывали их в одну линию, длинной цепью, при помощи особых приспособлений, надеваемых заключенным на шею⁴²⁶.

Заключенные самостоятельно должны были вести свое хозяйство, охранять и поддерживать необходимый внутренний мир своего невольного жилища. Воры, разбойники, враги государственного порядка, присланные с разных мест, насильно и на долгие годы объединенные под одной крышей, создавали свой порядок и определяли собственные законы. Наиболее четкие условия и черты этого порядка не отразились в сохранившихся и дошедших до нас исторических документах, однако известно, что он выражался в организации тюремной общины, возглавлял которую выборный староста.

⁴²² *Палюмбецкий А.* О происхождении и распространении пенитенциарной системы. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1854 года. Харьков: Университетская типография, 1854. С. 43.

⁴²³ *Рыбак М. С.* Жестокость и произвол царской тюремной системы // Советская юстиция. 1983. № 4. С. 23–25.

⁴²⁴ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений ... С. 70.

⁴²⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 328.

⁴²⁶ *Детков М. Г.* Наказание в царской России. М., 1994. С. 73.

В распоряжение этой общины и поступали все подаяния, сборы с самих арестантов (так называемая «влазная денюга») и кормовые деньги⁴²⁷. Это установилось настолько прочно, что правительству приходилось даже бороться против притязательных требований арестантской общины, не впускавшей, например, без «влазной денюги» никого в свою среду⁴²⁸. Община разрешала все возникавшие между осужденными споры и защищала интересы «тюремных сидельцев» перед администрацией. Установленный общиной внутренний порядок в тюрьме охранялся ею сурово от различных нарушений со стороны тюремных людей.

Администрация во внутренний быт тюрьмы не вмешивалась, наблюдая только, чтобы не было побегов из тюрьмы, а также не нарушались внутренние правила. Например, осужденные не должны были употреблять спиртные напитки, иметь оружия и др. «А в тюрьмах им (колодникам) зерню и карты не играть и топоров, и ножей, и шил, и костей, и веревок держат не дати, и к тюрьме никого ни с каким воровством не припускать, и на кабаки тюремных сидельцев не водить и пить не давать»⁴²⁹. Осужденные могли работать, однако труд не был обязательной мерой. Заработанные деньги заключенные забирали себе, за исключением тех лиц, которые находились в тюрьме за долги.

Гигиенические и санитарные условия в тюрьмах были крайне неудовлетворительными. В XVII в. тюремное заключение характеризовалось как полное неустройство, голод, теснота, болезни, «дух и цынга». К этому следует отнести еще постоянный и грубый произвол тюремной администрации, которая безнаказанно злоупотребляла своей властью в целях личного обогащения. Правительству приходилось особыми указами подтверждать порядок в тюрьмах и строго наказывать «за принятие посулов», за выпуск «тюремных сидельцев» из-под стражи, отдачу их в крестьянство и холопство и др. О ничтожной заботе государства о «тюремных сидельцах» свидетельствует и тот

---

⁴²⁷ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 221.

⁴²⁸ Гернет М. Н. Царская тюрьма // Тюрьма капиталистических стран: сб. ст. М., 1937. С. 45–94.

⁴²⁹ Андресс В. О тюрьмах // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 1. С. 43–68.

факт, что только в 1663 г. был издан указ «о даче из казны денег на погребение умерших в тюрьме колодников, у которых нет сродников на лицо». Этот указ изменил прежний порядок, а именно царь «из тюрьмы на кресцы (перекрестки) и на улицы тех мертвых тел возить не велел»⁴³⁰.

В XVII в. в тюрьмах не практиковалось разделение преступников ни по роду совершенных ими преступлений, ни по возрасту заключенных, и более того, даже пол узника не имел никакого значения. В этот период нередко были случаи, когда мужчину сковывали вместе с женщиной. В этой ситуации о разделении в тюрьмах воинских чинов от гражданских лиц, а офицеров от нижних чинов не могло быть и речи. В тюрьмах был разврат и падение нравственности.

Вот в такую обстановку попадали военнослужащие даже за сравнительно мелкие служебные проступки и упущения, и те из них, которые порой имели высокое служебное положение. Каждое мгновение, проведенное в атмосфере такой тюрьмы, было жестоким наказанием. Кроме того, тюремное заключение применялось в XVII в. и как церковное наказание, так наказывались родители за детоубийство, а тати и разбойники, приговоренные к смертной казни, сажались «для покаяния в тюремную избу на шесть недель»⁴³¹.

Лишение свободы в XVII в. усугублялось заковыванием «в железа», т.е. цепи и колоды. Однако не ко всем заключенным применялось данное наказание. Так, обязательно заковывались «в железа» арестованные, которые привлекались к выполнению работ или сбору милостыни. Кроме того, особо важных преступников все время наказания содержали закованными, особенно в отдаленных тюрьмах. Например, сосланные в Туринск малороссияне,

---

⁴³⁰ Рожнов А. А. Преступления и наказания в Московском государстве XV – XVII вв. по свидетельствам современников-иностранцев. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. С. 80–95.

⁴³¹ Викторский С. Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912. С. 87; Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 43; Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 72.

изобличенные в измене, содержались там «в железах»⁴³². Эта мера применялась в целях устранения возможности побега из тюрем.

Тюремное заключение в XVII в. не получило широкого распространения. Это было обусловлено, с одной стороны, необходимостью экономии государственных средств, а также людских ресурсов, а с другой стороны, господствовавшим в тот период подходом к цели наказания. Кроме того, грубость тюремной администрации, необустроенность тюрем, жестокая атмосфера, царившая в них, никак не могли благоприятствовать нравственному исправлению осужденных, способствуя тем самым развитию преступности.

В целом в XVII в. организация тюремной части в Российском государстве находилась в достаточно неразвитом состоянии. Высшее управление тюрьмами было определено изначально в таких приказах, как Разбойный и Земский⁴³³. При этом из Разбойного приказа были присланы росписи о числе содержащихся в определенных местах заключения (например, в Черной палате) колодников в приказ Большого дворца (в Большой приход). Осужденные к тюремному заключению военнослужащие проходили, в зависимости от рода службы, по Стрелецкому (стрельцы), Иноземному (все генералы и начальные люди полков иноземного строя по всем делам, кроме уголовных), Преображенскому (солдаты и в их семействах уличенных в корчемстве⁴³⁴, или сказавшие «слово и дело»)⁴³⁵ и др. Следовательно, Разбойный и Земский приказы были не единственными центральными органами тюремного управления. При этом тюрьмы были также не единственным местом заключения

⁴³² *Архипов С. В., Шустова Н. Н.* Факты свидетельствуют: из истории царской тюрьмы // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. 18–19.04.2009. Рязань, 2009. С. 9–13.

⁴³³ *Петухов Н. А.* История военных судов России ... С. 12; Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. СПб., 1902. Т. IV. С. 69.

⁴³⁴ Корчемство – тайное изготовление, провоз и продажа предметов, обложенных акцизом или составляющих регалию казны (вино, пиво, табак, соль). Чаще всего под корчемством подразумевалось тайный провоз и продажа вина.

⁴³⁵ *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 315; *Рассказов Л. П., Чебанова Н. С.* Законодательное регулирование организационных основ и полномочий приказов как органов централизованного управления в Московском государстве XVI – середине XVII вв. // Право и государство: теория и практика. 2013. № 4. С. 98–102.

осужденных военнослужащих. Также при московских приказах были определены и отдельные помещения: «за решеткой», «под палаткой», в «приказной избе», в «черной избе», «под земскою избою в подклете», а также заключенных могли содержать в башнях и при дворце.

В конце XVII в. Земский приказ был ликвидирован, и его дела были переданы в Стрелецкий и Московский Судный приказы, Разбойный же приказ был преобразован в Сыскной, именно ему было передано высшее управление тюрьмами.

Необходимо отметить, что местная административная власть в отношении тюрем принадлежала губным старостам, а где их не было – воеводам. На них возлагался высший надзор за благоустройством тюрем, т.е. за тем, «чтобы тюрьмы были крепки»⁴³⁶. Иными словами, чтобы арестанты не могли из них сбежать. Кроме того, согласно Соборному уложению, на губных старост возлагалась обязанность ремонта тюрем и постройка новых тюрем, взамен пришедших в полную негодность⁴³⁷. Более подробно круг обязанностей губных старост в отношении тюрем нигде не был закреплен.

Непосредственное руководство тюрьмами возлагалось на так называемых целовальников⁴³⁸, т.е. должностных лиц, состоявших по присяге на государственной службе. Им подчинялись вольнонаемные «тюремные сторожа», которые также приносили присягу и платили так называемые «кrestoприводные пошрины»⁴³⁹. Причем те и другие выбирались из «тяглых людей» и их служебное положение практически не отличалось. Число сторожей и целовальников зависело от величины тюрьмы. Так, в большие тюрьмы нанимали по восемь сторожей (вместо целовальников), а в другие – по два.

⁴³⁶ Тонков Е. Н. Истории одной тюрьмы. СПб., 2006. С. 199–201.

⁴³⁷ Строев В. Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. 57; Тельберг Г. Г. Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича ... С. 28.

⁴³⁸ Целовальники – должностные лица в Русском государстве, выбиравшиеся земщиной в уездах и на посадах для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей. Избранный человек клялся честно исполнять свои обязанности и в подтверждение клятвы целовал крест, откуда и происходит название.

⁴³⁹ Градовский А. Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868. С. 168.

Их нанимали на один год, и они должны были иметь «поруку». Необходимо отметить, что благодаря такому порядку набора сторожей и целовальников, в случае нарушения ими своих служебных обязанностей, к ответственности привлекались не только они, но и те, кто их выбрал. Кроме целовальников и сторожей, при тюрьмах имелся и караул из стрельцов, который также был обременен «порукой»⁴⁴⁰.

В обязанности целовальников и сторожей входил непосредственный надзор за «тюремными сидельцами» в целях предупреждения побегов и нарушений правил внутреннего распорядка в тюрьмах. Тюремные целовальники должны были постоянно жить в тюрьмах, в их обязанности входил контроль за осужденными, чтобы они не воровали, не нарушали внутренний порядок и не могли сбежать.

К сторожам и целовальникам предъявлялись нравственные требования, которые упоминаются в исторических документах XVII века. «Будучи в сторожах, – говорится в них, – воровством никаким не воровать, зерню и карты не играть и корчмы не держать <...> [самому] пьяно не напиватьца <...> посулов и поминок не имать...»⁴⁴¹ и др. Предъявление подобного рода требований было направлено на то, чтобы повысить нравственный уровень тюремной администрации. Необходимо отметить, что за нарушение этих требований следовало суровое наказание, особенно строго наказывался отпуск арестантов.

Правительство учредило особый контроль над администрацией тюрем, который осуществлялся путем периодических ревизий. Из Московских приказов с этой целью командировались подьячие в разные города к воеводам. Однако возможности по проверке этих ревизионных органов ограничивались экономическими вопросами: выяснением состояния тюремных помещений и расходов, потребных для их ремонта.

---

⁴⁴⁰ Столетие Военного министерства. 1802–1902: Конспекты исторических очерков столетия Военного министерства (Конспект исторического очерка тюремной части) / под ред. Д. А. Скалон. СПб., 1906. С. 1141-1142.

⁴⁴¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: сб. док. в 2 ч. Л., 1986. Ч. 1. С. 197.

Военнослужащие отбывали наказание в тюрьме XVII в. наравне и вместе с обычным населением – то есть гражданскими лицами. Это было связано с тем, что устройство особых мест заключения для военных, при условиях того времени отбывания этого наказания и при отсутствии в Российском государстве регулярного войска, было невозможно. Бесперывные войны и внутренние смуты требовали такого количества рекрутов, что в царских указах того периода почти каждый год объявлялось «об отсрочке военным людям для службы в судных делах до указа, кроме татевных, разбойных и убийственных»⁴⁴². В таких условиях военно-тюремное дело не получало должного развития.

Другим видом лишения свободы в XVII в. была ссылка, которая впервые упоминается в законодательных актах конца XVI в., как последствие торговой казни (наказания кнутом). Это нашло отражение в дополнительном указе к Судебнику Иоанна IV от 1582 г., в котором предписывалось подвергать ссылке всех преступников, наказанных кнутом⁴⁴³. Исторический экскурс позволяет утверждать, что такое значение ссылки сохранялось вплоть до XIX в., когда этот вид наказания приобрел массовый характер и получил статус самостоятельного.

Отправляя же военнопленных в ссылку, на восточную границу, в Сибирь и Астрахань, царское правительство преследовало, с одной стороны, следующие цели: они не организуют смуту; не совершат «утечку» (побег) из места ссылки, с другой стороны, снижались расходы на содержание пленных, и происходила колонизация восточных окраин страны. Использовали пленных и для создания пограничной охраны государства от набегов кочевников⁴⁴⁴.

Такой утилитарный подход к ссылке вполне соответствовал той практической прямолинейности, с которой русские цари создавали и расширяли свою державу. Заселяя окраины военными преступниками и пленными, они

---

⁴⁴² 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 441.

⁴⁴³ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. С. 260.

⁴⁴⁴ Гессен Ю. Жизнь пленных в Московском государстве // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 55–73.

старались закрепить их на новых местах, создавая из них особые военные общины – казачество. По мере того, как военные преступники и пленные оседали на границе и переходили в православие, им предоставляли различного рода имущественные и служебные льготы⁴⁴⁵.

В «Соборном Уложении» царя Алексея Михайловича ссылка стала применяться как карательная мера, при этом функция дополнительного наказания в данном документе сохранилась. Исторический анализ источников показывает, что в более поздних указах царя Алексея Михайловича взгляд на ссылку изменяется, она становится основным наказанием и применяется зачастую без наказания телесного⁴⁴⁶.

Если ранее в указах предписывалось ссылать «в украинные города – Севск, Курск и иные»⁴⁴⁷, Астрахань и в Сибирь, то после утверждения Соборного уложения количество мест ссылки было увеличено. Кроме того, в указах наравне с выражениями: «бив кнутом, сослать в Сибирь» или «в Сибирь на Лену», стали встречаться указания: «велим взят в пешую службу и сослать на жите в новые и дальние города»⁴⁴⁸. Эта мера с 1661 г. стала применяться к тем, кто укрывал военных дезертиров, и сами оказывались годными к военной службе⁴⁴⁹.

В XVII в. расширение района ссылок повлекло за собой и учащение применения данного вида наказания, при этом предписывалось беречь военных преступников в физическом отношении в целях извлечения из их наказания наибольшей пользы. В связи с этим телесные наказания стали носить несколько иной характер. Так, за первый разбой, если он не сопровождался убийством или поджогом, предписывалось наказывать кнутом, и, «отрезав левое ухо, да отсечь у левой руки два пальца меньшие (для того чтобы не ли-

---

⁴⁴⁵ Лохвицкий А. В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. С. 91.

⁴⁴⁶ Есипович Г. Я. Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 г. // Журнал Министерства юстиции. 1859. Ч. II. С. 1–34.

⁴⁴⁷ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. С. 260.

⁴⁴⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 61, 156.

⁴⁴⁹ Там же. Т. I. № 297.

шить наказанного работоспособности. – К.К.), и сослать в Сибирь на вечное житье с женою и с детьми, которые живут с ними вместе...»⁴⁵⁰. За воровство полагалось «сечь руки и ноги» и предписывалось ссылать «в Сибирь на пашню» с семьей – «с женами и детьми». Но впоследствии вместо отсекания пальцев предписывалось «резать преступникам уши» и после этого отправлять их в ссылку⁴⁵¹. Ссылку стали назначать за тяжкие государственные преступления, за произношение возмутительных слов и даже вместо смертной казни⁴⁵².

В XVII в. государство начинает использовать военных преступников в ссылке в соответствии с их способностями. В этих целях издаются указы о распределении ссыльных в Тюмени «на службу, на работу и промыслы»; ссылке в Азов посадских и воинских людей, за взятки на вечное житье с женами и детьми, «на каторгу в работы»⁴⁵³. Со второй половины XVII в. в указах все чаще встречаются точные указания, куда ссылать военных преступников, в зависимости от потребности в рабочей силе. Так, в политике российского государства было направление военных преступников на принудительные, каторжные работы.

В отношении всех ратных людей применение ссылки за служебные воинские преступления носило характер исключительной меры⁴⁵⁴. Так, например, в исторических документах отмечается, что в 1651 г. Петр Головин был приговорен боярами к наказанию кнутом и ссылке за отказ от пожалованного ему чина окольного⁴⁵⁵. Кроме того, воеводам и приказным людям грозила ссылка за невысылку служилых ратных людей на службу. Это также подтверждает, что в Соборном уложении за ссылкой закрепляет-

⁴⁵⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. II, № 970.

⁴⁵¹ Там же. № 772, 846, 1004; Т. III. № 1693.

⁴⁵² Там же. Т. I. № 1413. Сообщникам бунтовщика Шакловитого, было предписано учинить вместо смертной казни наказание: положить головы их на плаху и подняв, объявить, что они от казни освобождаются, потом их жестоко бить кнутом и, отрезав языки, сослать в Сибирские города на вечное житье. (См.: 1-е ПСЗ. Т. III. № 1349). Почти такому же наказанию был подвергнут Ивашка Щербачев «за ворожбу и злой умысел противу Государя Царя Петра Алексеевича и Матери его Царицы Натальи Кирилловны» (См.: 1-е ПСЗ. Т. III. № 1362).

⁴⁵³ 1-е ПСЗ РИ. Т. III. № 1670, 1732.

⁴⁵⁴ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича ... С. 43.

⁴⁵⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 61, 62.

ся значение вполне самостоятельной карательной меры. Например, в 1655 г. «Свияжских Мурз и Татар Голова» Михайла Наумов был сослан «в Сибирь на Лену и написать в казачью сотню...» за непослушание и невежливые слова против царского указа⁴⁵⁶. Это наказание сопровождалось битьем кнутом и отнятием поместий и вотчин. С 1679 г. ссылка стала применяться к военным дезертирам⁴⁵⁷, с 1697 г. – к стрельцам (например – за побег из-под Азова), а также рейтарам и солдатам (например, за их неявку на службу)⁴⁵⁸. И наконец, с 1699 г. ссылке стали подвергаться виновные во вторичной стрельбе из ружей, не вызываемой необходимостью⁴⁵⁹. Приведенные примеры, несомненно, подтверждают вывод о том, что ссылка получила значение самостоятельной карательной меры государства по отношению к военным, что должно было как укреплять воинскую дисциплину, так и противостоять преступлениям в русской армии.

При этом ссылка как карательная мера к военнослужащим применялась без определенной системы и носила случайный характер. Это связано с тем, что в XVII в. принимались жесткие меры по комплектованию войск и наказанию уклонявшихся от военной службы. Однако, людские ресурсы страны были ограничены и характерно, что даже из ссылки правительство пыталось извлечь максимальную пользу. Поэтому наказанных военнослужащих, еще годных к военной службе, государство направляло в ссылку, вынуждая защищать страну от врагов на окраинах, тем самым заставляя военных преступников продолжать там свою военную деятельность. Так, указы, изданные в последние годы XVII в., предписывали направлять ссылных военнослужащих в Сибирь: «ссылных людей посылать с Москвы в ссылку в Сибирь, в котором городе и в каком чину кому в Сибири быть велено», а также, что

⁴⁵⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 156.

⁴⁵⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1842. Т. V. С. 56.

⁴⁵⁸ *Бобровский П. О.* Уклонение от военной службы: по законам древнеримским, французским, германским, шведским, а также и русским с XVII века. СПб., 1886. С. 23; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12-ти томах. СПб., 1846–1872. Т. XII. С. 389.

⁴⁵⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. III. № 1693.

«быти им» (ссылным) в указанных местах и в чинах, где кому в котором городе и в какой службе... быть указано»⁴⁶⁰. В различные города Сибири для несения военной и пограничной службы так же были сосланы и участники стрелецких бунтов⁴⁶¹.

В XVII в. большинство ссылных в западной части Сибири было сосредоточено в г. Тобольск, откуда их отправляли в различные другие города, в том числе на Лену через Енисейск. Так, в 1620 г. тобольский сын боярский М. Трубчанинов, руководивший постройкой Енисейского острога, просил прислать ему ссылных людей для заведения пашни⁴⁶². В 1641–1642 гг. в Тобольск поступило 124 ссылных – «русских и литовских людей, и черкас, и мордвы». Они были распределены следующим образом: отправлено в службу в Сургут 1 чел., в Березов – 5, в Томск – 15, в Енисейск – 22, в Красноярск – 30, в Кузнецк – 7. Таким образом, в служилые люди было определено 80 чел., на пашню были отправлены еще 28, один оказался в Красноярске в тюрьме, о судьбе 15 ссылных сведений не найдено⁴⁶³.

Историк А. А. Иванов отмечает, что в 70–80-е гг. XVII столетия ссылных отправляли и в Прибайкальский край. В документах того времени, к которым относятся отписки, окладные, переписные книги, а также челобитные, называются имена многих сосланных в этот регион страны. Одним из исторических фактов является то, что среди первых жителей Иркутска были ссылные, отправленные сюда или в казачью службу, или в посад. Так, писцовая книга за 1686 г. содержит имена 13 ссылных, проживавших в Иркутске и его окрестностях, большая часть из которых (11 чел.), были людьми «посадскими» и лишь двое несли казацкую службу. Все ссылные прибыли в

⁴⁶⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. IV. С. 460; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. СПб., 1846–1872. Т. VI. С. 324.

⁴⁶¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. III. № 1577.

⁴⁶² *Иванов А. А.* Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв. ... С. 43; *Копылов А. Н.* Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 33.

⁴⁶³ *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М., 1946. С. 17; *Иванов А. А.* Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв. ... С. 43–44.

Иркутск из центра страны, при этом 8 чел. являлись уроженцами Москвы, а другие – Переславля-Залесского, Нижнего Новгорода и Пскова⁴⁶⁴.

Внутри региона, руководствуясь потребностями региональных органов власти, ссылки могли перемещаться из одного города в другой. Так, например, многие среди иркутских казаков, которые вышли из ссыльных, раньше служили в Енисейске и Братском остроге, после чего были направлены в Иркутск. Из Иркутска их могли отправить не только дальше на восток, что было бы логично, но и в обратном порядке, если того требовали обстоятельства⁴⁶⁵. Можно сказать о том, что в конце XVII в. Иркутск являлся центром для последующего распределения ссыльных. Со временем масштабы ссылки в Иркутск расширялись. Так, в 1699 г. здесь «на вечном житье» числилось почти 90 ссыльных, что составляло 9 % от числа всех жителей⁴⁶⁶.

Весьма сложно сказать, сколько было сослано людей в Сибирь в XVII в., поскольку подсчета ссыльных на тот период времени не велось, статистика их распределения была лишь в некоторых регионах. Однако, в исследовательской литературе имеются различные и весьма расхожие сведения: например, П. И. Буцинский отмечает, что с конца XVI до середины XVII в. их число составило 1500 чел.⁴⁶⁷, другой автор называет цифровой показатель в 7400 чел.⁴⁶⁸

Помимо Сибири указами царя Алексея Михайловича, изданными после «Соборного Уложения», предписывалось дезертиров и беглых солдат ссылать на службу в Смоленск⁴⁶⁹, где в то время также была острая потребность в военнослужащих.

В целом, в указах о ссылке военнослужащих отражалось, какое служебное положение («чин») должен занять ссылаемый, а также указывался и род службы. По свидетельству Г. К. Котошихина, «ссылочных людей в тамошних городах (в местах ссылки) верстают в службе, смотря по челове-

⁴⁶⁴ Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв. ... С. 43.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же. С. 43-44.

⁴⁶⁷ Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 199.

⁴⁶⁸ Андриевич В. К. История Сибири. Ч. 2. СПб., 1889. С. 147.

⁴⁶⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. №193.

ку»⁴⁷⁰, т.е. в зависимости от его предыдущей должности и происхождения. Это подтверждали и иностранцы, находившиеся в то время в России. «Приверстывание» ссыльных в другие чины или оклады воспрещалось царскими указами, однако практиковалось в дальних местах ссылки⁴⁷¹.

Ссылка военнослужащих существенно отличалась от перевода по службе. Она практически всегда сопровождалась дополнительным наказанием (преимущественно телесным), а также ограничением в правах, понижением по службе, а в особых некоторых случаях и «разжалованием».

Кроме того, и в других указах царя Алексея Михайловича можно найти примеры служебного понижения военнослужащих перед ссылкой. Так, в 1655 г. голова Михайла Наумов был сослан в Сибирь на Лену», а прежде велено было его «написать в казачью службу»⁴⁷². Кроме того, в указах встречается и ссылка с понижением, так записывали в «пешую» службу (дворян и детей боярских)⁴⁷³, а в некоторых можно найти такое наказание, как лишение «боярской чести» или «великая опала».

Изучение и систематизация источников позволяет найти инструкции XVII в. о том, как необходимо было поступать с ссылаемыми военнослужащими-инвалидами. Строго воспрещалось возвращать или переводить их из мест ссылки, а в конце XVII в. дворян и детей боярских в Сибири, отставленных по старости и увечью, предписывалось определять в сельские приказчики или оставлять при заставах, учрежденных для предосторожности от морозного поветрия⁴⁷⁴.

Из вышеизложенного видно, что ссылка в отношении военнослужащих имела черты перевода на службу на окраины, туда, где служба была сложнее и опаснее. Однако из-за проблем с комплектованием войск ратными людьми ссылка к военнослужащим применялась лишь в исключительных случаях, что и определило ее организацию в военном ведомстве.

⁴⁷⁰ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича ... С. 73.

⁴⁷¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. I. № 562.

⁴⁷² Там же. № 156.

⁴⁷³ Там же. Т. I. № 121.

⁴⁷⁴ Там же. Т. III. № 394.

Кроме того, и в местах ссылки для преступников существовали тюрьмы для содержания тех сосланных, которых, по царскому указу, необходимо было содержать «за строгим караулом» как особо важных преступников⁴⁷⁵. Так, например, в Верхотуре был построен для жительства ссыльных особый обширный двор (острог)⁴⁷⁶. Однако как было указано ранее, положение ссыльных военнослужащих обуславливалось той службой, которую они несли в местах ссылки. Тем не менее, были и исключения: так, например, сосланные в 1675 г. в Великий Устюг самарские и саратовские стрельцы получили только хлебное довольствие наравне с устюжскими стрельцами, а денежное – на 1 рубль меньше последних.

Порядок конвоирования ссыльных военнослужащих был близок к этапному порядку и регламентировался целым рядом законоположений⁴⁷⁷. Сопровождали их под конвоем – со служилыми людьми и провожатыми. Так, при отправлении в Сибирь их конвоировали до Тобольска, а оттуда распределяли по различным Сибирским острогам в сопровождении «с приставами и провожатыми с Тобольскими служилыми людьми»⁴⁷⁸. Следовательно, на месте ссылки осужденные военнослужащие содержались или в тюрьме, или за ними был осуществлен пристальный надзор.

Сосланные военнослужащие «в укаяные места, где кому и в каких чинах... быть указано», переписывались и принимались там, согласно указу и несли службу, без права выезда. В порядке административного управления все ссыльные военнослужащие подчинялись местным «воеводам с товарищи»⁴⁷⁹. Кроме того, военнослужащие, сосланные в казаки или на службу в окраинные и дальние города, не исключая Сибири, подчинялись в общем порядке своему военному начальству. Никакой особой администрации и учре-

⁴⁷⁵ *Сергеевский Н. Д.* Ссылка в России в XVII веке. ... С. 1-34.

⁴⁷⁶ Столетие военного министерства. 1802–1902: Конспекты исторических очерков столетия Военного министерства (Конспект исторического очерка тюремной части) ... С. 1144.

⁴⁷⁷ *Шабанов М. П.* Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. С. 67-68.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. III. № 1610.

ждений для ссыльных в XVII в. не существовало, тем более не было определенных специальных учреждений для ссыльных военнослужащих.

Таким образом, в XVII в. лишь только начинает зарождаться государственная система по борьбе с преступностью в русской армии. Однако в этот период уже было предусмотрено большое количество наказаний за преступления, совершаемые военнослужащими. Вместе с тем в исследуемый период особых военно-карательных учреждений еще не существовало. На тот период времени для государственной политики в отношении укрепления воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии было характерным рассматривать наказание преступника как меру устрашения и предупреждения. При этом центральная власть была еще недостаточно окрепшей, и у нее отсутствовали средства для осуществления более сложной карательной политики. Административная власть еще не разделялась от судебной. Наиболее важные государственные дела рассматривались Боярской думой, специально создаваемыми комиссиями или московскими приказами, число которых к середине XVII в. возрастает до 80. Уголовный и политический розыск являлись одними из многочисленных функций приказов.

Сама государственная карательная политика в России была довольно примитивной, направленной на сохранение для государственной службы даже «порочных людей» (в том числе и военнослужащих), усиливая ими по возможности колонизацию и пограничную охрану государства. Такой характер политики задерживал развитие тюремного дела в Российском государстве в целом, и в особенности в войсках, расширяя возможности применения ссылки. По отзывам иностранцев, посетивших в то время Россию, в Сибирь ссылалась значительная часть преступников, где они предназначались «или для военной службы... или для земледелия».⁴⁸⁰

В целом, отсутствие полноценной регулярной армии с правильной и установившейся военной организацией явилось основной причиной, по кото-

---

⁴⁸⁰ Зуев А. И. «В русскую службу шел волею» (Шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири) // Историческое, культурное и природное наследие. Улан-Удэ, 1997. Вып. 2. С. 7–17.

рой в рассматриваемый исторический период не получила развития специальная военно-карательная система. Необходимо отметить, что воинские преступления не отделялись от общих; не существовало военно-судебной организации; цели и значение воинского наказания были практически однородны с общеуголовными и др.

В то же время, изучаемая историческая эпоха стала важным и первоочередным этапом по борьбе с военной преступностью и усилению дисциплины среди военнослужащих. Именно в это время складывается государственная политика России, которая позволила обособить применение общих норм к военнослужащим, допуская некоторые особенности в использовании наказания по отношению к ним, а также сделала возможным создать самостоятельные карательные учреждения. Вместе с тем к военнослужащим предъявлялись повышенные требования дисциплины, которые находили отражение в войсковых частях.

§ 2.2. Воплощение правового регулирования в вопросах воинской дисциплины и борьба с преступностью в русской армии в конце XVII – XVIII вв.

Осуществленные в России XVIII в. преобразования в военной сфере: учреждение регулярной армии как основы вооруженных сил государства, введение всеобщей воинской повинности для дворян, выработка и апробирование новых принципов тактики и комплектования войск, в частности, и военного искусства в целом стали основными объективными факторами стремительного развития воинской дисциплины, борьбы государства с преступностью в армии, а также изменения системы наказаний, применяемых к военнослужащим. Комплексный анализ одного из важных исторических сборников источников – Полного собрания законов Российской империи позволяет получить относительно подробную характеристику развития и примене-

ния в жизни военного законодательства и системы наказаний, специфики развития воинской дисциплины в XVIII веке.

Так, уже в 1699 г. Петр I приступил к созданию полностью регулярного войска⁴⁸¹. Регулярное войско формировалось по иноземному образцу и требовало соответствующего, нового, военного законодательства, которое разрабатывалось на основе уставов и законов, выработанных в государствах Западной Европы в XVII в., но адаптированных к русским национальным традициям. Ближайшими соратниками Петра I в этом деле были иноземцы: генерал-майор Александр Гордон, адмирал Франц Яковлевич Лефорт и генерал Адам Адамович Вейде. Можно утверждать, что именно на рубеже XVII–XVIII вв. получило свое конкретное начало правовое регулирование в вопросах воинской дисциплины и борьба с преступностью в русской армии.

Именно петровские реформы стали фундаментом становления и развития русской армии XVIII столетия. Правители же после Петра I дополняли и вносили коррективы в уже созданную великим самодержцем военную систему. В последующие исторические этапы, в эпоху дворцовых переворотов, заложенные первым императором России принципы организации и комплектования русской армии были несколько изменены. В первую очередь, это касается принципа общей обязательности воинской повинности, который был нарушен в годы правления Анны Иоанновны и закреплен в 1762 г. Петром III⁴⁸². В то же время, как и ранее для пополнения русской армии шел прием рекрутов. Так, например, Елизавета Петровна разрешила определять в рекруты людей в какое угодно время и в каком-либо количестве, несмотря на потребности, с возможностью зачета этих людей при последующих наборах⁴⁸³.

Вторая половина XVIII в. не внесла существенных перемен в принципы формирования, способы и методы комплектования армии. Они определялись

---

⁴⁸¹ Бобровский П. О. Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. Ч. 2. ... С. 151.

⁴⁸² Анисимов В. В. Деятельность государственных органов ... С. 15.

⁴⁸³ РГВИА Ф. 248. Д. 446. Оп.1. Л. 5-10.

Сенатом и Военной коллегией. В 1766 г. Сенат учредил Генеральное учреждение, которое занималось сбором рекрутов, а так же установлением норм и порядков при их комплектовании⁴⁸⁴. В этот же период был установлен 25-летний срок службы для военных людей. Государство необходимы были обученные, профессиональные кадры в русской армии, кроме того, всей системой подготовки оно стремилось обеспечить отрыв вооруженных сил от народа⁴⁸⁵.

Как отмечалось ранее, военно-законодательные акты петровской эпохи наряду с положениями о неукоснительном выполнении приказов пронизаны идеологией сознательной воинской дисциплины, осмысленного повиновения командирам и начальникам, поскольку офицерам царь вменял в обязанности заботиться о нуждах солдат⁴⁸⁶. «Таго ради сей пункт прилагается, дабы офицеры в таковых случаях накрепко рассуждения делали, без чего обойти невозможна для облегчения людям опасаясь жестокого наказания за нерассуждение»⁴⁸⁷.

Необходимо выделить труд генерала А. А. Вейде, а именно: «Как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении обходиться»⁴⁸⁸, в который входило восемь статей, разъяснявших нижним чинам мероприятия, связанные с дисциплинарной практикой «... для удержания порядка и дисциплины при обучении новоучрежденной пехоты»⁴⁸⁹. Обучение новых полков было поручено генералу Автоному Михайловичу (в некоторых источниках – Автономовичу. – К. К.) Головину⁴⁹⁰, который широко применял к солдатам карательные меры, предусмотренные данными статьями. Так, к карательным мерам относилось «взятие под караул» на одни или двое суток, ношение мушкетов по два часа, «шпицрутенами», батóги и др.

⁴⁸⁴ РГАДА. Ф. 20. Оп 153. Д. 118. Л. 103-110.

⁴⁸⁵ *Анисимов В. В.* Деятельность государственных органов ... С. 16.

⁴⁸⁶ *Бочков А. Ф.* Деятельность государственных и военных органов ... С. 15.

⁴⁸⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 409.

⁴⁸⁸ Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морской силы в России. Издание магистра философии Фридриха Шмидта, переведено с немецкого на русский язык коллежским асессором Василием Ивановым. М., 1798. С. 62–63.

⁴⁸⁹ *Бобровский П. О.* Вейде Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого и его военный устав 1698 года ... С. 31–32.

⁴⁹⁰ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915. Т. 8. С. 378–379.

Кроме того, генерал А.А. Вейде составил строевой устав и «Воинский устав», в который вошли некоторые военно-административные положения. Однако до наших дней сохранилась только часть этого устава, напечатанная по повелению императора Николая I в 1841 г.⁴⁹¹

Следующим документом, развивавшим деятельного по укреплению дисциплины в армии XVIII в., стало созданное в 1701 или 1702 г. фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым «Уложение, или право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам», изданное с непосредственного разрешения Петра I. Оно известно так же как Шереметевское «Уложение», которое предусматривало преимущественные наказания за воинские преступления. Так, например, в нем четко регламентированы наказания, связанные с лишением свободы:

1) арест, т.е. содержание под караулом и посажение в железа на время не более семи суток;

2) каторга, т.е. лишение свободы на более продолжительное время (без обозначения срока). Однако последнее наказание применялось лишь за вторую кражу и за татьбу (разбой) с насилием⁴⁹².

Действие Шереметевского «Уложения» распространялось не только на всех военнослужащих, «от полкового воеводы и до нижнего начального чело- века и солдата», но и на всех, кто был задействован для обеспечения армии.

Следующим документом, регламентировавшим систему наказаний за воинские преступления, стал «Артикул краткий», составленный путем вы- борки статей из различных нормативных документов предшествующих эпох. «Артикул...» был впервые издан в 1706 г. и являлся не только воин- ским, но и общеуголовным кодексом для военнослужащих, в том числе и иностранцев, служивших в русском войске⁴⁹³. Так, из 12-ти глав «Артику- ла...» (114 статей) четыре раскрывают воинские преступления. В целом, в

⁴⁹¹ Вейде А. А. Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде, в 1698 году. СПб., 1841.

⁴⁹² Розенгейм М. П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 69–70, 209–294.

⁴⁹³ Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. С. 93.

«Артикуле...» они были выделены в отдельную группу. Кроме того, в нем впервые разграничены дисциплинарные взыскания, назначаемые без суда властью офицера, и наказания, налагаемые исключительно судом. Так, «Артикул...» относит: к дисциплинарным взысканиям такие, как: батóги, арест в железзах, прикование к полу, ношение фузей или мушкетов (т.е. ружья – постановку под ружье) и посажение на деревянную кобылу (на козлы); к наказаниям, налагаемым по суду: лишение живота, чести и чина и «наказания на теле» (с некоторыми исключениями).

При этом в 1700–1704 гг. строго предписывалось отправлять в Адмиралтейский приказ для постройки кораблей всех подходящих специалистов, а «беглых солдат из даточных или вольных, которые из бегов придут сами и явятся в приказы или полки, бить кнутом и послать в Азов на каторгу на 5 лет; а по истечении 5 лет быть им по прежнему в тех же полках...»⁴⁹⁴. Но с изменением ситуации, уже в 1705 г., вышло новое требование: всех беглых осужденных отправлять на строительство будущей новой столицы государства – сначала крепости, а затем и самого города Санкт-Петербурга.

Необходимо отметить, что по «Артикулу...» офицеры телесному наказанию не подвергались, а на штаб-офицеров, помимо этого, не распространялся арест, кроме домашнего, т.е. не могли быть взяты «за караул». Некоторые послабления в наказаниях были установлены также для рядовых и для унтер-офицеров. Однако на практике эти мероприятия не соблюдались. Так, в одном из писем генерала А. М. Головина Петру I указывалось, что из Преображенского полка исключены прапорщики Хмелевский и Пухорта, так как они «дела своего не знают и гуляки <...> многожды сидели за караулом и в строю многожды тростями биты»⁴⁹⁵.

Особенностью «Артикула...» стало ограничение такого вида наказания, как лишение свободы. В нем не упоминается, в отличие от Шереметевского

⁴⁹⁴ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Вып. 2. ... С. 713.

⁴⁹⁵ История Преображенского полка / Составил Лейб-гвардии Преображенского полка Штабс-капитан Азанчевский 1-й. М., 1859. С. 29.

«Уложения», каторга, а единственным видом лишения свободы стал кратковременный арест:

1) простой;

2) «с посадением в железа» или «с прикованием к полу». Такое изменение в применении указанного вида наказания связано с тем, что оно применялось в основном к иностранцам, а правительство стремилось как можно более продуктивно использовать их в интересах службы⁴⁹⁶.

Порядки военно-карательного характера времен Петра I представлены не только в «Артикуле кратком», но и в других, более многочисленных, но гораздо менее известных исторических источниках. Всего с 1699 по 1725 г. было разработано около 30 военно-правовых документов и дано свыше 100 конкретных указов⁴⁹⁷.

Учитывая общее сложное финансовое положение государства, и, как следствие, для решения тех же экономических задач, при наказаниях к военным все шире начали применяться взыскания имущественные: конфискация имущества или его части, денежный штраф, вычет из денежного довольствия на определенное время, возмещение причиненных казне убытков (в том числе – в двойном, и даже в тройном размере). Так, например, по Указу 1713 г. за каждого беглого солдата проводился вычет шестой части денежного довольствия с его непосредственного начальника – офицера – за недосмотр⁴⁹⁸. Вычтенные из денежного довольствия штрафы, как и другие, взысканные таким способом средства обращались на содержание гошпиталей (госпиталей. – К. К.).

Наиболее законченным историческим памятником эпохи Петра I представляется «Воинский Устав» (1715 г.). В нем указаны и законы о преступлениях и наказаниях, которые изложены в «Воинском Артикуле», а также отчасти и в «патенте о поединках» (см.: часть I Устава). В XVIII в., т.е. от образования регулярной армии и до учреждения военного министерства в царство-

⁴⁹⁶ Столяров О. Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII века: проблема интеграции: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 73.

⁴⁹⁷ Кислицын М. К., Самойлов А. С. Очерк истории формирования и развития российского военно-уголовного законодательства. М., 2002. С. 12.

⁴⁹⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 2725.

вание императора Александра I, именно на основании данного документа производилось правосудие в русском войске. Устав в течение XVIII в. издавался, без существенных изменений, девять раз, а именно в 1716, 1719, 1735, 1748, 1754, 1777, 1780, 1785, 1796 гг.

В целом, Воинский Артикул являлся своего рода основным комплексным документом, регулировавшим военно-административную деятельность в России. Характерно, что после издания созданного исключительно для армии «Воинского артикула» Указом от 10 апреля 1716 г. его действие распространили и на другие государственные ведомства⁴⁹⁹.

Таким образом, «Воинский Артикул», как и другие законы XVIII в., значительно расширил область преследуемых преступных деяний, включив в их число, наряду с воинскими преступлениями и такие, как посягательство против веры, церкви и собственно государства⁵⁰⁰. Это можно объяснить ничем иным, как стремлением императора Петра I к более полному подчинению церкви и ее иерархов абсолютной власти самодержавного государства путем создания, с одной стороны, государственной церкви (как государственного учреждения), а с другой – путем назначения и приведения в исполнение государством наказаний церковных, а церковью – государственных. Таким способом была реализована политическая цель – объединить усилия в проведении строго унифицированной карательной линии и максимально подчинить все стороны жизни общества: экономические, военные, духовные – задачам и интересам самодержавного государства. В частности, церковное покаяние могло применяться к военным чинам в уголовном порядке – за деяния, имевшие греховный характер, и применялось на практике, как явное, так и публичное, а к священнослужителям применялись вполне мирские наказания, например, вплоть до отдачи их в солдаты.

---

⁴⁹⁹ Ковалев К. С. Военно-уголовное законодательство в России (конец XVII – начало XVIII веков) // Право и образование. 2014. № 5. С. 145–150.

⁵⁰⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 3006 (главы 1 «О страхе божьем», глава 2 «О службе божьей и о священниках»).

Однако одни только жестокие наказания и угроза не могли полностью обеспечить успех в ходе преобразований, и именно поэтому государственная власть вполне осознанно принимала себе на службу максимум из всех доступных и потенциально возможных средств и методов, включая политико-идеологические, в том числе и такие действенные и всеобъемлющие в то время, как религия, христианское обучение, воспитание народа. И такая политика нашла понимание в церковной среде. Церковь того периода, как никакой другой политико-воспитательный орган самодержавного государства в его карательной политике, четко обеспечивала сугубо индивидуальный и воспитательный подход к назначению и исполнению наказаний в зависимости от занимаемого служебного положения, звания и чина виновного, его статуса в обществе, имущественного состояния, наличия семьи и т.п. Этот процесс выразился в существовании в России смешанных форм церковно-светской пенитенциарной деятельности⁵⁰¹. Особенно широкое развитие монастырские (церковные) тюрьмы получили именно в царствование Петра I и продолжали свое существование вплоть до конца XIX в. (прил. 5). Что же касается простого народа, включая «нижних чинов» военного и морского ведомства, подвергавшихся наказанию посредством церковного суда, то их, так же как и ранее, содержали в жутких условиях. Как известно, монастырские (церковные) тюрьмы представляли собой наиболее ужасную часть в общей системе пенитенциарных заведений России того времени.

Уставом предусматривалось пять категорий наказаний:

1) обыкновенные телесные – ношение определеннй срок мушкетов (ружей) или седел (в кавалерии – К. К.), заключение, «закование рук и ног в железа», содержание на хлебе и воде, сидение на деревянных кобылах (козлах) и битье батóгами;

2) жестокие телесные наказания – тяжелое заключение, «прогнание сквозь строй (битье шомполами или шпицрутенами)», наказание кнутом по-

---

⁵⁰¹ *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV – XVIII веков. Архангельск, 2013. С. 131.

средством палача, клеймение железом, обрывание ушей, отсекаание пальцев или руки, ссылка на каторгу – вечно или срочно (на определенный срок);

3) смертные наказания – «застрелением, мечом, виселицей, колесованием, четвертованием и огнем»;

4) «легкие чести рушения» – когда «начальный человек из чину извержен или без заслуженного жалованья и без пасу от полка отослан или из государства выслан»;

5) «тяжелое чести рушение» – «которого имя на виселице прибито или шпага его от палача преломлена и вором (шельмом) объявлен будет» или шельмование⁵⁰².

Необходимо отметить, что в «Воинском Артикуле» меняется отношение к назначению наказаний. Наказание назначается независимо от служебного положения, устраняя разницу в наказании офицеров и нижних чинов⁵⁰³. Так, «Воинский Артикул» возобновил телесные наказания офицеров, и лишь с дарованием императрицей Екатериной II в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству офицеры вновь перестают подвергаться этому виду наказаний. Необходимо отметить, что военные суды применяли телесное наказание к офицерскому составу лишь в крайних случаях.

В «Воинском Артикуле» система наказаний, с одной стороны, была построена как система устрашения и борьбы таким способом с преступностью, а с другой – имела ярко выраженный характер специального воинского наказания⁵⁰⁴. Отсюда и проявлявшаяся жестокость, изощренность в изыскании мучительных физических наказаний, широкое применение изувечивавших и членовредительных мер.

Кроме того, система воинской дисциплины и сама борьба государства с преступностью, по «Воинскому Артикулу», не придавала лишению

⁵⁰² Гавришук В. В. Строительство российской армии в XVIII в. ... С. 65.

⁵⁰³ Сергеевский Н. Телесное наказание в России в XVII веке // Журнал гражданского и уголовного права: Январь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 1. СПб., 1886. С. 1-36.

⁵⁰⁴ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России в России до кончины Петра Великого ... С. 69-70.

свободы статуса самостоятельного рода наказания для военнослужащих, а рассматривала наказание лишением свободы лишь как меру ужесточения телесной кары.

В системе наказаний «Воинского Артикула» предусматривались следующие виды лишения свободы: 1) «жестокое (тяжелое) заключение, всегда отягченное закованием в железа», 2) «сносное заключение», 3) «простое заключение»⁵⁰⁵. В артикулах встречаются указания на «тюрьму» и «арест у профоса», однако, они относились в большей мере к дисциплинарным наказаниям. «Арест у профоса» был особым видом унижительного, «нечестного» ареста, назначаемого преимущественно офицерам и чиновникам (табл. 2).

Таблица 2 – Наказание лишением свободы по различным воинским кодексам Петра I

Воинские статьи А. Вейде	Уложение Шереметева	Артикул Краткий	Артикул Воинский
Ношение мушкетов	–	Ношение ружей (фузей)	Ношение мушкетов / седел
–	–	Посаждение на кобылу	–
–	Посаждение в железа	Посаждение в железа	Закование в железа
Взятие за караул	Содержание за караулом	Взятие за караул	Арест у профоса
–	–	–	Содержание на хлебе и воде
–	–	–	Тюремное заключение
–	–	–	Каторга или галеры
–	Каторга	–	Ссылка
–	–	–	Прикование к полу

Проведенный анализ позволяет утверждать, что наиболее распространенными дисциплинарными взысканиями по законодательству Петра I были «посаждение на деревянную кобылу», «ношение мушкетов или фузей» и «ношение седел». Это объясняется их удобством отбывания, т.е. краткосрочно-

⁵⁰⁵ Алексеев В. И. Период возмездия и устрашения в истории тюремного заключения (XVI – XVIII вв.) // История государства и права. 2007. № 21. С. 28–29.

стью, делимостью, индивидуальностью и простотой. «Посаждение на деревянную кобылу», т.е. на укрепленное на козлах деревянное бревно для гимнастических упражнений, носило скорее позорящий характер. Однако оно прижилось в русском войске, и поэтому была предпринята попытка придать этому виду характер физического или телесного наказания, в этих целях сажали на кобылу с заостренным сверху бревном. В самом же «Воинском Артикуле» «посаждение на кобылу» как наказание не встречается. «Ношение мушкетов или фузей» как наказание применялось к военным во внеслужебное время или в часы отдыха. Оно назначалось на довольно продолжительные сроки и заключалось в длительном ношении личного оружия солдата: ружей, фузей, мушкетов и т.д., в кавалерии солдат заставляли держать седло. Так, например, за пьянство и другие провинности по службе: «за первую провинность» назначалось в течение двух суток попеременно два часа держать мушкет и три часа отдыхать, за повторную провинность – неделя⁵⁰⁶. В целом данное наказание можно отнести к телесным.

Петровское военное законодательство впервые создало наказание, объектом которого стала личная свобода. Таким наказанием было «взятие за караул», или, по «Артикулу Краткому» – «арест»⁵⁰⁷. Но по системе Воинского Устава это наказание также относилось к телесным. Это было связано с тем, что, ограничивая свободу военнослужащего, государство применяло к нему и различные физические наказания, среди которых взятие за караул с посажением в железа, закованием в железа и прикованием к полу и др.

«Посаждение в железа», как воинское наказание, устанавливалось впервые Шереметевским «Уложением», которое относило его к числу легких дисциплинарных, например, «за вторую провинность в пьянстве – в железа на неделю». В «Артикуле Кратком» «посаждение в железа» также рассматри-

⁵⁰⁶ Уложение или право воинского поведения генералов средних и меньших чинов и рядовых солдат. СПб., 1701 (1702). Ст. 4; По «Воинским статьям» Вейде полагалось ношение мушкетов ..., по два часа, с двухчасовыми промежутками (См.: Кузьмин-Караваев В. Д. Характеристика общей части уложения и воинского устава о наказаниях. Диссертация на тему, предложенную конференцией Военно-Юридической Академии. СПб., 1890. С. 94).

⁵⁰⁷ Фалеев Н. И. Цели военного наказания ... С. 191.

вается как дисциплинарное взыскание и назначается, например, за самовольное оставление поста⁵⁰⁸. Правом наложения этого вида наказания пользовались офицеры, которые «вышнюю команду на месте имеют». Однако, «посажению в железа» подвергались нижние чины, офицеры подвергались этому наказанию только по решению суда⁵⁰⁹. «Закование в железа» практиковалось по «Артикулу Краткому» в походе и применялось к тем, кто отставал или отлучался от своего подразделения: «В походах никто б не оставался назади, накрепко при роте своей держался, а ежели уйдет или останется назади, то его, яко беглеца, в железо сковать»⁵¹⁰. Следовательно, «посажение в железа» было особым краткосрочным видом лишения свободы. По Шереметевскому «Уложению» «содержание за караулом» и «посажение в железа» назначались на срок не более семи суток⁵¹¹.

Следует отметить, что «посажение в железа» применялось и как мера пресечения способов уклониться от суда и наказания. Приговоренного, например, к смертной казни предписывалось заковывать в оковы, кто бы он ни был, чтобы не сбежал. В таких случаях срок «посажения в железа» определялся с момента осуждения военнослужащего до приведения приговора в действие⁵¹².

Известный исследователь петровских реформ А. Н. Филиппов в своем труде приводит несколько примеров применения ареста в виде меры пресечения. Так, предварительный арест применялся к пойманным беглым гвардейским солдатам. Была посвящена этому и одна из ведомостей подрядной канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка, представленная командиру батальона князю В. В. Долгорукому: «Лейб-гвардии Преображенского и

⁵⁰⁸ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. С приложением снимков подлинной рукописи Артикула воинского, с поправками Петра ... С. 35.

⁵⁰⁹ Бобровский П. О. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: Историческое исследование П.О. Бобровского. СПб., 1881. С. 41.

⁵¹⁰ Гавришук В. В. Русская армия в XVIII в.: историографический обзор. М., 2003. С. 45.

⁵¹¹ Уложение, или право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам. СПб., 1701 (1702). Ст. 3, 59, 74.

⁵¹² Сергеевский Н. Д. Смертная казнь в России в XVII и первой половине XVIII века // Журнал гражданского и уголовного права: Ноябрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 9. СПб., 1884. С. 1-56.

Семеновского полков солдаты и другие чины, которые в небытность его Сиятельства князя Василия Володимировича Долгорукого в Санкт Петербурге пойманы из бегов и держатся под караулом...»⁵¹³. Содержали этих военнослужащих под караулом, в оковах. Как мера пресечения арест в гарнизонных частях применялся не только к военнослужащим, но и к колодникам, проходившим по важным и секретным делам и содержавшимся в первой четверти XVIII в. в Петербургском гарнизоне.

Кроме того, видоизменялось значение самого ареста в общей системе воинских наказаний. Первоначально арест подразумевал лишь «взятие за караул», но с развитием государственной политики по предотвращению преступлений среди военных выделяются и другие его виды. Так, в Уставе воинском (1716 г.) были установлены: 1) содержание за караулом; 2) содержание на хлебе и воде; 3) содержание в оковах; 4) особый вид ареста офицерских чинов – арест у профоса. В сущности, все эти разновидности заключения отличались только условиями самого отбывания наказания.

Кроме того, арест военнослужащих стал производиться в специальных арестных помещениях, а не в общих местах заключения, как в московский период. С этими изменениями потребовалось устройство соответствующих «гарнизонных мест» заключения, либо при караульных помещениях, либо отдельно. В первом случае арест отбывался при воинских частях. «Артикул краткий» (1706 г.) в ст. 1 главы VII впервые установил для русской армии правила организации караула арестованных. Так, либо караул специально назначался для «стеречения» арестантов, либо, наоборот, арестованные сопровождалась для отбывания наказания к караулам⁵¹⁴. Кроме «гарнизонных» мест заключения существовали и различного рода общие места заключения при полиции и при иных учреждениях: коллегиях, канцеляриях и приказах.

⁵¹³ Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891. С. 361.

⁵¹⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения. ... С. 45–47.

Однако они не подчинялись военному начальству, и поэтому, если военнослужащие и содержались в них, то это было мерой вынужденной.

Характеризуя содержание заключенных, из категории нижних чинов, можно процитировать донесение в Военную коллегию от 28 ноября 1716 г.: «При Московской Военной коллегии под арестом содержатся колодники, которые с немалою нуждою и от тесноты, духоты и голоду помирают»⁵¹⁵. В «гарнизонных» местах заключения в ожидании приговоров по кригсрехтам содержалось такое множество военнослужащих, что Военная коллегия вынуждена была вести особый учет, требуя статейные списки заключенных каждые четыре месяца в целях ускорения судебного процедур⁵¹⁶.

О длительности судебных процессов можно судить по следующим примерам. Так, рассмотрение по делу солдата Михайлова за подделку подписи майора Юсупова-Княжева на «хлебную дачу», в ходе которого нужно было допросить трех свидетелей, длилось с 31 июля 1716 г. по 22 апреля 1719 г.⁵¹⁷ Более наглядным примером является то, что в 1727 г. императрица Екатерина I случайно обнаружила в статейных списках, что майор Воеводский содержится под караулом десятый год⁵¹⁸.

Необходимо отметить, что при Петре I тюремное заключение как карательная мера не рассматривалось, при этом оно практиковалось довольно широко как мера предварительного содержания под стражей. В отношении военнослужащих тюремное заключение применялось редко, однако военнослужащих, подвергшихся тюремному заключению, на общих основаниях принуждали к обязательным работам. Как отмечается в источниках, в 1705 г. солдат, явившихся добровольно «из бегов» предписывалось высылать на ра-

---

⁵¹⁵ *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 254.

⁵¹⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. VIII. № 5966.

⁵¹⁷ *Ратникова Н. Д.* Условия содержания заключенных под стражу в тюрьмах России в XVIII – XIX веках // Всероссийская науч.-практ. конф. от 15-16 мая 2002 г.: сб. матер. Воронеж, 2004. С. 126–127.

⁵¹⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. VIII. № 5059.

боту в «новостроющийся город Петербург»⁵¹⁹. И именно при Петре I стали использовать преступный элемент как даровую рабочую силу⁵²⁰.

Первоначально Петр I ограничивал наказание ссылкой, которая имела широкое использование в Московской Руси XVII века. Однако возможность эксплуатации в качестве бесплатной рабочей силы преступного элемента изменила взгляд Петра I на ссылку. В дальнейшем, с одной стороны, ссылка продолжает функционировать в прежнем виде, т.е. продолжается «приверстывание ссыльных в службу в местах ссылки»⁵²¹. С другой стороны – имеется стремление преобразовать ее так, что ссыльные осуществляли самые тяжелые работы. Кроме того, труд для ссыльных, пользовавшихся денежным и хлебным жалованьем, к 1731 г. стал обязательным⁵²².

Сама организация ссылки сохранилась без существенных изменений. В исторических документах XVIII в. упоминаются ссылки на поселение и на житие. Однако нигде нет их регламентации, а потому они не различались и при назначении. Так, «для поминания блаженной памяти Императрицы Анны Иоанновны» повелено было от каторжной работы освободить беглых драгун, солдат, матросов и рекрутов и отправить их «в дальние Сибирские города на житие и вольное пропитание»⁵²³. В другом указе 1740 г. значилось: «послать их в Сибирь и тамо Сибирскому Губернатору определить и разослать их на житие в тамошние дальнее города, где им дать волю, кто чем может про питание иметь»⁵²⁴.

В первой четверти XVIII в. ссылки не были сведены в какую-нибудь определенную систему наказаний. Военных, ссылаемых на поселение в Сибирь во второй четверти XVIII в., необходимо было записывать в подушный

⁵¹⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. IV. № 2062.

⁵²⁰ *Детков М. Г.* Тюремь, лагеря и колонии России. Исторический очерк. М., 2009. С. 24.

⁵²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV ... С. 437.

⁵²² *Шабанов М. П.* Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. С. 54.

⁵²³ 1-е ПСЗ РИ. Т. XI. № 8263.

⁵²⁴ Там же. № 8278, № 8292.

оклад в целях извлечения материальной выгоды для государства⁵²⁵. Однако еще в 40-х годах XVIII в. ссылка не сопровождалась «правопоражением», а лишь телесным наказанием. Причем военнотружущих, ссылаемых на время, было определено наказывать шпицрутенами, а осужденных к «вечной» ссылке – кнутом⁵²⁶. Почти до середины XVIII в. сохранилась и старая система распределения ссыльных на служебные должности. Так, например, «инженерных офицеров, сосланных в Оренбург, предписывалось определять к строению крепостей по Оренбургской линии»⁵²⁷. Кроме того, даже в середине XVIII в. в ссылку в Сибирь направлялись военнопленные, которым предоставлялись льготы при их переходе в русское подданство⁵²⁸.

Именно середина XVIII столетия становится периодом массовой сибирской ссылки. 13 декабря 1760 г. был принят указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». С 1761 г. по 1782 г. в Сибирь, согласно этому указу, было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола. Если учесть, что в партиях таких ссыльных женщины составляли 75–80 % от числа мужчин, то можно полагать, что за двадцать лет в регион прибыло около 60 тыс. ссыльных и членов их семей⁵²⁹.

Каторга для военнотружущих в эпоху Петра I стала применяться довольно часто, подменив собой ссылку. Так, уже в «Уложении» Шереметева каторга применяется в виде наказания для военнотружущих. «А буде кто вломлением или силою с каким орудием оное татьбу учинит без повреждения для людей, – отмечается в ст. 58, – тот за первую вину всем полком шпицрутен наказан быть имеет, а за другую паки вяще тоже наказание учинить быти имеет и на каторгу; равенственно же наказаны быть имеют и те,

⁵²⁵ 1-е ПСЗ РИ. Т. VIII. № 5555.

⁵²⁶ Там же. Т. VI. № 3760.

⁵²⁷ Семенова Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000. С. 62.

⁵²⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. VI. № 3798; № 3814.

⁵²⁹ Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь ... С. 44; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 354–355.

которые в принятии, таеции и продаже обрящутся, а которые вышеписанным оружием какой вред учинят, тем за первую (вину), учиня наказание, послать на каторгу»⁵³⁰.

Воинский устав различал всего два вида каторжных работ: на «берегу» и на «галерах». Из них первый вид упоминается в Воинском уставе восемь раз, а ссылка на галеры – в четырех случаях⁵³¹. При этом срок самих наказаний не был определен в артикулах. Ссылка на галеры была самостоятельным наказанием. Ссылка же на каторгу (на «берегу») в пяти случаях предусматривала разного вида телесные увечья: рвание ноздрей, отсечение носа, ушей, пальцев или другое жестокое наказание, без определения какое именно (прил. 6). Осужденные военнослужащие не всегда отправлялись в Сибирь на каторжные работы. Как показало проведенное исследование, в Сибирь ссылали знатных и важных военных преступников⁵³². Остальных использовали на работах в Петербурге, Рогервике, Кронштадте, Азове и др.

В конце XVII – начале XVIII в. получает распространение ссылка на галеры и каторгу. По утверждению И. П. Елагина, стрелецкий бунт 1698 г. положил начало ссылке на галеры, когда 269 стрельцов были отправлены на них и на каторжные работы⁵³³. С 1700 г. применение ссылки на галерные и каторжные работы становятся регулярными. Анализ исторических источников, а именно Полного собрания законов Российской империи, охватывающем период времени с 1700 по 1712 г. (IV том), позволяет выявить значительное количество примеров применения наказания каторгой. Следовательно, в начале XVIII в. уже достаточно прочно утвердилась эта разновидность наказаний для военных. Так, в начале 1704 г. из разных приказов на каторгу было отправлено 295 чел., в ссылку были отправлены военнослужащие раз-

⁵³⁰ Уложение или право воинского поведения генералов средних и меньших чинов и рядовых солдат. СПб., 1701 (1702). Ст. 58.

⁵³¹ *Бобровский П. О.* Беседа начальника Военно-юридической академии о значении военных законов Петра Великого для устроенной им регулярной армии: В день 170 лет со времени подписания манифеста об Уставе воинском 1716 г. СПб., 1886. С. 15.

⁵³² *Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 124-123.

⁵³³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 56.

ного звания и чина за взяточничество, недосмотр за лесами, воровство и т.д. В 1704 г. на галеры направлялись солдаты за кражу казенных денег, матросы – за буйство и произнесение в пьяном виде «государева слова»⁵³⁴. С 1706 г. на каторгу направлялись солдаты «на 10 лет за побег из службы», оставшиеся в живых, после поимки и повешения одного из четверых. Ранее за побег солдат отправляли «вечно на каторгу», при чем по жребию казнили одного из трех, а двух ссылали⁵³⁵. На каторгу также отправляли добровольно вернувшихся солдат с нее же, каторги, сбежавших, а их укрывателей ссылали на галеры⁵³⁶. Кроме того, по Воинскому артикулу и Морскому уставу на каторгу полагалось отправлять, отрезав ноздри, и за лживую присягу, а также военнопленных и др.

Следует отметить, что постепенно государство смягчает наказания за некоторые воинские преступления, связано это было с потребностью в рабочих руках. Так, по указу от 3 августа 1712 г., рекрутов казнили за 2 побега, а по указу от 7 апреля 1715 г. за 3 побега полагалась лишь ссылка «вовсе (вечно) на галеру».

Срок каторжных работ определялся таким образом: или вечный, или урочный, т.е. назначался «в определенной цифре». Сроки каторжных работ для военнослужащих определялись:

1) «до указа» – «за похищение Его Царского Величества казны», «за обмен паруса с чухонской лодки», за побег, «за фальшивую подпись под руку генерала», за принятие краденого, за «продажу мундира и за брошение государственного палаша»;

2) вечно – «за отрубление у руки своей двух перстов, хотя отбыть службы», за разбой, за побег и воровство, за «ложное сказывание за собою Государева слова» и др.;

3) на 10 лет – за грабеж, за «отрубление пальца», за разбой, за кражу, за побег и др.;

⁵³⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 59.

⁵³⁵ 1-е ПСЗ РИ. IV. № 2019.

⁵³⁶ Там же. Т. IV, № 2467; Т. V, № 2876.

4) на 5 лет – «за воровское пропускное письмо», за приезд к капитану «в неуказанные часы», за фальшивую подпись и др.;

5) на 3 года – за побеги, за снос государственных денег и др.⁵³⁷.

Назначение сроков из Указа Военной Коллегии имело случайный характер. Кроме того, судами каторга назначалась и на другие сроки (например – на 15 лет) и даже допускались сроки в дробных числах (например, 4 года 5 месяцев и 12 дней)⁵³⁸.

О составе каторжного населения из военнослужащих можно судить по справке в канцелярию Полицмейстерских дел: «ныне 8 марта 1720 года на одной работе в Питербурх обретается: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 3, капралов 4, драгун 2, солдат 64, рекрут 16, пушкарей 2, матросов 4, профосов 3, да на Котлине острове унтер-офицер 1, капралов 2, солдат 20, драгун 1, рекрут 1, матросов 2»⁵³⁹. Как можно видеть, в этой записке военнослужащие, сосланные в каторжную работу (на галеры), именуются по чинам и званиям: «полковник», «капитан», «аудитор» и др.

Высшее управление каторжными пунктами было разделено между органами управления, в распоряжении которых фактически находились каторжные невольники в конкретный момент времени. Так, высшее управление каторжными невольниками, отбывавшими наказание на галерном флоте и всех видах морских сооружений (верфи и др.), сосредоточивалось в Адмиралтейств-коллегии (приказе); осужденными, приговоренными к каторжным работам в интересах армии, а также каторжниками из военнослужащих управляла Военная коллегия. Военной коллегии, по ее требованию, Адмиралтейств-коллегия и другие органы управления присылали ведомости и статейные списки о приговоренных к ссылке «штаб- и обер-офицерах и нижних чинах». В целом же Адмиралтейств-коллегия имела широкие полномочия, в ее состав входили: президент – сподвижник Петра I генерал-адмирал

⁵³⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 81.

⁵³⁸ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 212.

⁵³⁹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 83.

Ф. М. Апраксин, вице-президент – вице-адмирал К. И. Крюйс и два ассессора – генерал-майор Г. П. Чернышев и полковник Норов. В ведении коллегии находилось несколько контор и канцелярий: контролерская (контроль за приходом и расходом материальных и денежных средств); обер-сарваерская (судостроение), адмиралтейская (заведование верфями, складами, снабжением и оснащением кораблей); цейхмейстерская (артиллерийская); вальдемейстерская (заведование заповедными лесами), московская адмиралтейская⁵⁴⁰.

Необходимо отметить, что лишение военнослужащих чина специально оговаривалось в сопроводительных документах, направляемых к месту его ссылки, но это происходило редко. Лишенный чина не мог вновь быть принят на службу и отсылался по отбытии наказания в Сибирь. Кроме того, офицеров и солдат дозволялось пытать только «в великих преступлениях», причем «неверно пытаных» предписывалось «не почитать за бесчестных в удостоверение сопричтения их к честным» на них возлагалось знамя или военно-морской флаг (на моряков)⁵⁴¹.

Однако, исходя из общего правила, что «ошельмованный в войске оставаться не может», вскоре было сделано исключение: «офицеров и солдат, прощенных в преступлениях, за которые они были осуждены в каторгу, ничем не укорять; знамя возлагать на них в [Военной] Коллегии; указы о прощении давать им за подписанием Сената», т.е. не требовалось Высочайшей подписи, и они восстанавливались в правах наравне с оправданными⁵⁴².

В указе Военной коллегии от 16 марта 1721 г. отмечалось: «которые офицеры и рядовые по кривсрехтам и конфирмациям подлежать будут телесному наказанию и ссылке на каторгу, таковым чинам наказание такое: которые приговорены будут на каторгу в вечную работу с наказанием, тех бить кнутом, а которые в урочные годы, тех гнать шпицрутенами, а кнутом не бить, чего и по кривсрехтам их не приговаривать для того, что, ежели по

⁵⁴⁰ Каранетян Г. К. Становление и развитие адмиралтейств-коллегии // Научный журнал «Апробация». 2013. № 11. С. 58-59.

⁵⁴¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. V. № 3006; Т. IV. № 3485; Т. VI. № 3890.

⁵⁴² Там же. Т. V. № 3006.

прошествии урочных лет оные свободятся, то за таким пороком, что были в кацких руках, невозможно их в прежнюю службу употреблять»⁵⁴³. Вскоре было дано разъяснение, что наказанные кнутом без отрезания ноздрей могут находиться на военной службе, а затем на военную службу стали допускать даже наказанных плетью, и также – без всяких ограничений.

Следует отметить, что ссылка на каторгу (на галеры) того времени не влекла за собой полного поражения всех служебных или сословных прав. «В делах Военной Коллегии петровского времени сохранилось множество документов, из которых видно, что осужденные на каторгу или галеры, по окончании срока, возвращались в армию (флот) и это не только нижние чины, но и даже и офицеры, и теми же чинами, в каких постигло их осуждение»⁵⁴⁴. Так, указом Военной Коллегии от 5 декабря 1720 г. после отбытия срока каторжной работы аудитор Иван Орлов был отправлен «для отсылки их в прежнюю команду». В указе Адмиралтейств-коллегии от 18 августа 1722 г. указано, что Вятского драгунского полка капитан Василий Дашков и ротный квартирмейстер Назар Хомяков были сосланы на каторгу, затем освобождены и Дашков назначен в том же чине в Воронежский гарнизонный полк⁵⁴⁵.

Следовательно, осужденные на каторгу военнослужащие возвращались затем к прежним званиям и правам на службу. Так, в 1711 г. было дано распоряжение о пополнении армии рекрутами, старыми солдатами и освобожденными каторжниками. Кроме того, в этом же году каторжники, которые исполняли военную службу до осуждения, были освобождены в Азове с целью пополнения полковых рядов. Известно, что во время отбывания наказания положение военнослужащих, даже имевших обер-и штаб-офицерские чины, ничем не отличалось от положения каторжников, и они наравне с другими узниками подвергались в дисциплинарном порядке телесному наказанию. Вместе с тем, не существовало и отдельных помещений для военнослу-

---

⁵⁴³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения .... С. 91.

⁵⁴⁴ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого ... С. 125.

⁵⁴⁵ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 93-94.

жащих на каторге, и офицеры наравне с нижними чинами отбывали наказание в общих казармах с прочими каторжными невольниками.

Солдатским трудом правительство пользовалось так же охотно, как и каторжным. Так, например, когда в 1746 г. было велено продолжать Рогервицкое строение, то есть возобновить работы по устройству там пристани, то Военной коллегии приказано было командировать туда четыре полка, которые и «на работы употреблять». В следующем году предполагалось «туда же направить на работы 2000 колодников, для окарауливания которых было определено послать в это место два полка, кроме находившихся уже там четырех полков, которые и должны были выполнять там весь труд по сооружению мола, пока «все колодники из всех губерний не присланы будут»⁵⁴⁶.

Пользование воинским трудом как даровой рабочей силой наравне с преступным элементом государства, естественно, умаляло значение воина и военной службы, обращая последнюю в наказание. Насколько каторжный труд был легче солдатского видно из Указа от 31 июля 1799 г.⁵⁴⁷ Так, если раньше за кражу свыше 20-ти рублей полагалась каторжная работа, то затем, за это же преступление, виновных стали подвергать наказанию плетьюми с отдачей годных «в рекруты с зачетом». Вот почему многие предпочитали каторжную работу рекрутчине. Кража стала «служить предлогом к отбывательству от рекрутства»⁵⁴⁸.

Целесообразно отметить, что каторга, представляя высшее наказание в армии за воинские и общие преступления, не влекла за собой точно определенных последствий. При этом ссылка в каторжную работу, применявшаяся даже без суда, влекла за собой самые разнообразные последствия, а именно: в десяти случаях она сопровождалась только лишением чинов; в одиннадцати случаях, сверх того, и лишением дворянства; в двух случаях – лишением чинов и «выключкой» из военного звания; иногда к

⁵⁴⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. XIII. № 9872.

⁵⁴⁷ Там же. Т. XXV. № 19059.

⁵⁴⁸ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 121.

этому присовокупляли наказание кнутом или проставление «указных знаков» В. О. Р. (прил. 7); наконец, иногда к каторге присоединяли только телесное наказание (кнут). Кроме того, предписывалось осужденных преступников, имевших ордена, «исключать из числа кавалеров и отбирать у них орденские знаки»⁵⁴⁹.

В целом, само положение военнослужащих, приговоренных к каторге, в течение всего XVIII в. оставалось крайне неопределенным, что объясняется отсутствием правильной организации каторги и тем, что государство не могло еще отказаться от эксплуатации каторжного населения.

Установившаяся при Петре I карательная система наказания военнослужащих просуществовала без серьезных изменений почти весь XVIII век. Тем не менее, наказания в виде лишения свободы, установленные петровским законодательством, в течение XVIII в. продолжали меняться, приобретая те типичные черты, которыми они характеризуются и в наши дни. Необходимо отметить, что такая эволюция происходила, главным образом, практическим путем, и лишь впоследствии закрепляется в качестве самостоятельной инстанции. Так, например, постепенно развивалось наказание военнослужащих арестом. В 1764 г. этот вид наказания по отношению к офицерам определялся «Инструкцией полковнику». В ней были установлены следующие виды ареста для офицеров:

- 1) выговор при собрании других офицеров;
- 2) командирование на караул, или в другую службу не в очередь;
- 3) арест с исправлением должности;
- 4) арест в квартире или палатке, без всякого должности исправления (домашний арест. – К. К.);
- 5) арест за профоса и содержание на палочном карауле;
- 6) хождение пешком за фрунтом во время похода⁵⁵⁰.

⁵⁴⁹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 131.

⁵⁵⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. XVI. № 12289. Ст. 7.

Назначались наказания властью командира полка в качестве дисциплинарного взыскания за служебные проступки и нарушения порядка на службе для тех офицеров, «которые беспокойства в полку заводят»⁵⁵¹, как было указано в инструкции.

В 1796 г. император Павел I издал «Воинский устав, о полевой пехотной службе»⁵⁵², в котором официально узаконил и регламентировал все те виды ареста, которые установились до того практическим образом. Кроме этого, Павловский устав устанавливал для офицеров новый вид ареста – «заключение в крепости». В этом случае арест отбывался при крепостной гауптвахте. Однако этот вид ареста налагался в редких случаях, например, за опоздание офицера из отпуска⁵⁵³. Офицеры подвергались аресту не только за служебные проступки, но и за «нерадение, неприлежание, за долги и прочее». Павловский устав позволял применять арест как дисциплинарное взыскание и к унтер-офицерам. Унтер-офицеры подвергались аресту за те же проступки, но сверх того к ним применялось это наказание и за нанесение ударов и побоев крестьянам.

Широкое применение ареста в царствование Павла I, в особенности к офицерам, вызвало ослабление режима данного вида наказания. Это повлекло за собой самовольные отлучки из-под ареста. Император Павел I в целях борьбы с этим явлением 28 июля 1799 г. издал приказ, которым повелел назначать при арестованных офицерах часового и не выпускать их без конвоя из караульного помещения⁵⁵⁴. Помимо этого, другой приказ предписывал у всех арестованных офицеров отбирать шпаги⁵⁵⁵.

Одновременно регламентировалось и применение предварительного ареста как меры для пресечения уклонения от суда, а также ареста как меры побуждения к исполнению обязательств. Так, указом 1738 г. предписывалось

---

⁵⁵¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XVI. № 12289, ст. 7.

⁵⁵² Там же. Т. XXIV. № 17588.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Там же. Т. XXV. 19056.

⁵⁵⁵ Там же. № 18320.

«без явного о воровстве доказательства под стражу никого не брать»⁵⁵⁶. Правительство стремилось сократить количество военнослужащих, содержащихся под стражей до самого суда. Вместе с тем, другими указами предписывалось «до окончания розысков о злодеях, какого бы звания они не были, содержать их под крепким караулом»⁵⁵⁷. Затем, в 60-х гг. XVIII в. последовал указ, который определял, что воров и разбойников более месяца не держать караулом⁵⁵⁸. Наконец, в 1768 г. был издан наказ, который подробно регламентировал правила о взятии обвиняемых под стражу и их содержании⁵⁵⁹. Однако уже в 1769 г. последовало новое разъяснение, в соответствии с которым нельзя было подвергать подсудимых аресту, не проведя с ними предварительного допроса⁵⁶⁰.

Параллельно с этим были попытки упорядочить предварительный арест. Так, со второй половины XVIII в. к подсудимым стало применяться одиночное заключение. «Приводных» указывалось содержать, «всех разсадя порознь за караул» во избежание сговора для облегчения следствия⁵⁶¹.

В изучаемый период остро стоял вопрос о необходимости обособления военных карательных органов и учреждений от общих. В начале 40-х гг. XVIII столетия последовал указ о том, чтобы солдат, «учинивших преступления, непременно отсылать для наказания к их командам, а не наказывать при полиции»⁵⁶². Затем было приказано присылать в Военную контору из губернских, провинциальных и воеводских канцелярий беглых «военного чина людей»⁵⁶³. Содержание осужденных военного ведомства, а также и прогонные деньги для их пересылки выдавались особо из Комиссариата, казакам – из Войскового скарба. В 1768 г. порядок довольствия арестантов военного ве-

⁵⁵⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. X. № 7219.

⁵⁵⁷ Там же. Т. XIV. № 10650; Т. XXIII. № 17179.

⁵⁵⁸ Там же. Т. XVI. № 11750; Т. XVIII. 12919.

⁵⁵⁹ Там же. Т. XVIII. № 12949.

⁵⁶⁰ Там же. Т. XIX. № 13776.

⁵⁶¹ Там же. Т. XVI. № 11750.

⁵⁶² Там же. Т. IX. № 6438.

⁵⁶³ Там же. Т. X. № 7845.

домства рациональными и прогонами деньгами, жалованьем было окончательно установлено документально.

В последней четверти XVIII в. начинается отдельная регистрация воинских арестантов. Так, все военные команды были обязаны присылать в Военную коллегию ведомости об арестованных воинских чинах, составленные по особой форме. Такие же ведомости, или статейные списки об арестантах были обязаны составлять и судные воинские комиссии, которые имели право требовать для этого справки от всех присутственных мест Российской империи. К концу XVIII в. все сведения о военных арестантах были сосредоточены в Генерал-Аудиториате⁵⁶⁴, куда и высылались воинскими частями ежемесячные статейные списки, вместо того, чтобы посылать их в Военную коллегию.

Большое количество осужденных военнослужащих, особенности их содержания и организации караулов в целях охраны военных арестантов в частях, сложности их сопровождения к местам отбытия наказания и пересылка поставили вопрос о необходимости создания особых военно-тюремных учреждений. Так, к концу XVIII в. начинают создаваться Ордонансгаузы⁵⁶⁵, как специальные места для содержания арестованных военнослужащих и организации их пересылки.

Положение о Петербургской Ордонансгаузе было Высочайше утверждено 14 февраля 1797 года⁵⁶⁶. В его штат входили:

- комендант,
- плац-майор,
- десять плац-адъютантов,

⁵⁶⁴ Генерал-Аудиториат – высший военно-юридический орган в России в 1797–1867 гг. Имел коллегиальное устройство, возглавлялся президентом – Генерал-Аудитором.

⁵⁶⁵ Ордонансгауз (от фр., *ordonnance* приказание, и нем. *Haus* дом). – Комендантские управление и военно-административные здания в городах дореволюционной России.

⁵⁶⁶ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXIV. № 17805.

- два бау-адъютанта из артиллерийских и инженерных офицеров, в обязанности которых входило и осмотр всех казенных зданий и сооружений в гарнизоне,
- один гарнизонный обер-аудитор,
- необходимое число нижних чинов, для несения караульной и административно-хозяйственной службы⁵⁶⁷.

При Ордонансгаузе производился и военный суд над арестантами. При нем положено было иметь унтер-офицерский караул, одного казачьего унтер-офицера и четырех казаков – для разводов.

«Плац-майор, – указывалось в Положении, – имеет в своем ведении всех арестантов, как своего гарнизона полков, так и для пересылки в другие гарнизоны; всех присылаемых рекрут рассылает в назначенные полки, и всех оных содержит в Ордонансгаузе, где и должно иметь лазарет для арестантов и рекрут; в публичные собрания, как-то святки, в масленицу и прочее таковы и наряжает караул и становится в должных местах, также и в театры публичные, и иметь одного в помощь себе плац-адъютанта, 3-х унтер-офицеров и 1-го рядового в ординарцах»⁵⁶⁸.

30 декабря 1799 г. был издан Именной указ, объявленный Генерал-Прокурором, о том, что «Ордонансгаузы необходимо учредить и построить во всех крепостях и городах, где положено быть комендантам»⁵⁶⁹. Однако и такое количество Ордонансгаузов оказалось недостаточным из-за большого количества арестованных военных, которые содержались в тюрьмах, в связи с чем 27 мая 1800 г. последовал указ о создании особых Ордонансгаузов для пересылочных арестантов даже при земских судах⁵⁷⁰. Впрочем, менее чем через год (17 марта 1801 г.) последовал указ об отмене в уездных городах Ордонансгаузов, как было отмечено в указе, «жители городов отягощены

⁵⁶⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 111.

⁵⁶⁸ Там же. С. 112.

⁵⁶⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXV. №19235.

⁵⁷⁰ Там же. Т. XXVI. № 19433.

стали разными несуществовавшими прежде повинностями <...> и нуждались в облегчении»⁵⁷¹.

Так же в XVIII в. была упорядочена внешняя охрана тюрем, т.е. получила развитие караульная военная служба, установленная Воинским уставом Петра I. 2 сентября 1747 г. были регламентированы права и обязанности караулов. Наблюдение за тюремными караулами было возложено на губернские канцелярии⁵⁷².

Бытовые условия содержания осужденных военнослужащих в XVIII в. не подвергались существенным изменениям, но с каждым годом становились все более и более тяжелыми. Быт осужденных военнослужащих был неустроен, наблюдались частые злоупотребления администрации, которые вызывали сутяжничество и склонность к доносам («сказыванию государева слова и дела»). Участились побегі осужденных военнослужащих, вызвавшие усиление мер охраны и «окарауливания» мест заключения, а также увеличение ответственности за побегі⁵⁷³. Все это являлось симптомами той внутренней неурядицы, которая царила в местах заключения.

Таким образом, с формированием регулярной профессиональной русской армии в XVIII в., основанной на новых принципах комплектования с упрочением организации и тактики ведения боевых действий, происходит кардинальное обновление содержания работы по укреплению воинской дисциплины, повышается ее эффективность. Кардинальные изменения в комплектовании армии, создании закрепленной нормативной документации, в борьбе с преступностью среди военных в исследуемый исторический период связаны, в первую очередь, с именем Петра I. Именно петровские реформы стали фундаментом становления и развития русской армии XVIII столетия. Последующие же правители дополняли и вносили коррективы в уже созданную великим самодержцем военную систему. В названный период повышается статус армии в системе государственного управления, солдат становится

---

⁵⁷¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 19797.

⁵⁷² Там же. Т. XII. № 9437; Т. XIX. № 14092.

⁵⁷³ Там же. Т. XXV. № 18978.

профессионалом, а дисциплина – важнейшим элементом ее повседневной работы. Военнослужащим в продвижении по службе представляются равные возможности независимо от происхождения, появляется система воспитания и обучения офицеров через гвардейские части и специальные образовательные учреждения, что способствовало утверждению в офицерской среде воинской чести и этических норм поведения⁵⁷⁴.

В целом, значение XVIII в. в становлении и реализации воинской дисциплины и системы военных преступлений и наказаний в русской армии не ограничивается только вышеприведенными положениями военно-карательного характера. Но именно они в своей основе и составили прочную концептуальную основу для последующего развития, совершенствования и непрерывного реформирования в Российской империи военно-пенитенциарных отношений.

Безусловно, реализация государственной политики в области борьбы с преступностью в армии в XVIII в. имела свои особенности. Так, петровское военное законодательство впервые создало наказание, объектом которого стала личная свобода – это «взятие за караул» и арест. Кроме того, видоизменялось значение самого ареста в общей системе воинских наказаний. Он стал производиться в специальных арестных помещениях, а не в общих местах заключения, как в предыдущий период. Необходимо особо отметить, что середина XVIII столетия становится периодом массовых ссылок на каторгу, а также в Сибирь; в это время была упорядочена внешняя охрана тюрем, получила развитие караульная военная служба, установленная Воинским уставом Петра I. Таким образом, XVIII в. начинается с Петра I, оказавшего существенное влияние на проблему укрепления воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии, фактически именно он создал фундамент государственной политики России в указанном направлении на протяжении всего изучаемого столетия.

---

⁵⁷⁴ Бочков А. Ф. Деятельность государственных и военных органов ... С. 15, 18-19.

§ 2.3. Специфика государственной политики в военно-дисциплинарном обеспечении русской армии в период правления Александра I

Изучение государственной политики России по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в армии в первой четверти XIX в. делает возможным говорить о том, что этот процесс был систематизирован и включал в себя следующие компоненты: теорию воинской дисциплины и ее укрепления, идеологические основы дисциплинарной практики военнослужащих, военно-правовое законодательство, государственные и военные органы, обеспечивавшие дисциплину в войсках, основные направления деятельности по поддержанию порядка и организованности в армейских частях⁵⁷⁵.

Воспитанию военнослужащих в обозначенный период, в отличие от эпохи Павла I, уделялось особое внимание. В первую очередь, это было связано с реформами в самой армии и непростой внешнеполитической ситуацией, кульминационным этапом которой стала Отечественная война 1812 года. В первом десятилетии XIX в. произошло почти двойное увеличение количества подразделений русской армии, в связи с участием России в наполеоновских войнах, что потребовало соответствующего пополнения армии офицерами. Поэтому особое значение государство уделяло подготовке военных. Еще в 1801 г. шефом 1-го кадетского корпуса графом П. А. Зубовым был представлен план создания кадетских корпусов в 17 губерниях Российской империи. Так, в 1805 г. Александр I утвердил «План военного воспитания», по которому предполагалось развернуть 10 военных училищ в городах: Санкт-Петербург, Москва, Киев, Смоленск, Воронеж, Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Казань и Тобольск, а также учредить приготовительные военные школы для дворян⁵⁷⁶. Подготовка молодых военнослужащих позволяла не только узнавать умения и навыки

---

⁵⁷⁵ Мартынов В. Ф. Воинская дисциплина в русской армии и особенности ее функционирования ... С. 120.

⁵⁷⁶ Бибииков В. Н. Подготовка офицеров русской армии в первой половине XIX века // Вестник Военного университета. 2007. № 2 (10). С. 68.

армейского дела, но и знакомиться со спецификой военного воспитания и выработкой дисциплины на службе.

К началу XIX в. Артикул воинский 1715 г. начал отставать от уровня развития армейского дела, перестал соответствовать общественным отношениям, существовавшим в сфере военного управления и повседневной деятельности войск. Вступление на престол императора Александра I характеризуется очередной попыткой изменить военное устройство и управление войсками, усовершенствовать военное законодательство, просуществовавшее без заметных изменений более ста лет⁵⁷⁷.

Многочисленные законодательные комиссии, учреждаемые в течение всего XVIII в., не разработали необходимых законопроектов. Кроме того, не справилась с данной задачей и комиссия, учрежденная в 1801 г. для разработки законопроекта, касавшегося устройства и административного управления армией. Несколько более успешно шла работа над созданием нормативных документов по реализации воинской дисциплины, которую выполняла комиссия под председательством М. Л. Магницкого (1811 г.)⁵⁷⁸.

В 1810 г. М. Л. Магницкий получил должность статс-секретаря только что созданного Государственного совета⁵⁷⁹ и чин действительного статского советника, а в качестве директора Комиссии составления уставов и уложений он имел личные доклады у императора. И.И. Лажечников вспоминал: «Я слышал о Магницком, как о человеке острого, высокого ума, с необыкновенно увлекательным даром слова, изустным и письменным... Чарующая известность дружеского расположения к нему Сперанского придавала еще больше блеска его имени»⁵⁸⁰.

⁵⁷⁷ Подосенов О. П. Царское уголовное законодательство дореформенной России (1800-1861 гг.) // Доклады итоговой научн. конф. юридических факультетов (декабрь 1970 г.). Томск, 1971. С. 195-202.

⁵⁷⁸ Феоктистов Е. М. М. Л. Магницкий. СПб., 1865. С. 121.

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 1148 Оп. 1. Д. 1Б. Л. 2-4.

⁵⁸⁰ Долгов Е. «Не сопутствуемый ничьею любовью» (Судьба М. Л. Магницкого) // Гасырлар авазы. 2011. № 3-4. С. 134.

Комиссией было разработано «Учреждение для управления большой действующей армией», из «Полевого уложения» и «Устава полевого судопроизводства»⁵⁸¹. Тем не менее, эта комиссия не выполнила всех задач по переработке военного законодательства, которые на нее были возложены. Это было связано с тем, что комиссия М. Л. Магницкого взяла за основу своих изысканий Французский военный кодекс, адаптировав его к условиям русской армии. Данное заключение можно сделать, сравнив «Полевое уложение» (1811 г.) с законом 21 брюмера года V и с «Code penal» (1810 г.). Таким образом, в условиях стремительно надвигавшейся войны, комиссия М.Л. Магницкого переработала эти нормативные акты за несколько месяцев⁵⁸².

Несмотря на то, что общая система построения армейского дела комиссией была позаимствована из Французского военного кодекса, вместе с тем карательные санкции были серьезно переработаны, так как в XVIII в. в русской армии начала создаваться особая система воинских наказаний, а система общеуголовных наказаний уже в принципе не соответствовала требованиям военной службы и интересам армии. Данное несоответствие отмечалось и Александром I в его конфирмациях по военным делам⁵⁸³.

Полевое уголовное уложение предусматривало рассмотрение только преступлений военного времени⁵⁸⁴. В отличие от сложного и многостатейного Артикула воинского Полевое уголовное уложение отличалось краткостью, лаконичностью и ясностью. Система рассматриваемых преступлений Полевого уголовного уложения включала в себя:

- 1) военную измену;
- 2) переход к неприятелю;
- 3) дезертирство и отлучку с места сражения;
- 4) дезертирство и отлучку из армии;

⁵⁸¹ Учреждение о большой действующей армии. М., 2012.

⁵⁸² Французский военно-уголовный кодекс о преступлениях и наказаниях: пер. с доп. и пояснениями Н. Максимова // Журнал Министерства юстиции. 1865. № 12. С. 1–52.

⁵⁸³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 148.

⁵⁸⁴ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXII. № 24975.

5) неповиновение (неисполнение приказа, применение насилия к начальнику, бунт, применение насилия к подчиненному);

б) преступления против военного имущества (кража, излишняя выдача военного имущества, расточение полковых и армейских сумм, продажа продовольствия, допущение порчи припасов, обмер и обвес, продажа испорченного мяса, лихоимство);

7) разбой, грабеж и насилие (в том числе поджигательство, нападение на местных жителей, изнасилование, оскорбление местных жителей, ограбление раненых, убийство раненого для последующего обобраяния)⁵⁸⁵.

В качестве квалифицированных составов указывались: совершение преступления группой лиц, командой, воинской частью, офицером, в целях совершения другого преступления или сокрытия оно, склонение других лиц к совершению преступления, попустительство. Особенно детально были проработаны объективные признаки измены⁵⁸⁶.

Система наказаний была указана в 78 параграфе Полевого уголовного уложения и предусматривала:

- 1) смертную казнь;
- 2) гражданскую смерть;
- 3) лишение чинов и увольнение из армии;
- 4) разжалование в солдаты;
- 5) заточение;
- 6) ссылку;
- 7) прогнание сквозь строй.

Помимо этого, в «особенной части» Полевого уголовного уложения указывались и дополнительные наказания: телесные, исключение из службы, конфискация, денежные взыскания. Вместе с тем, появились и коллективные наказания (децимация). И, если при этом смертная казнь применялась в 21 случае, то децимация – в двух случаях. Для офицеров были предусмотре-

⁵⁸⁵ Преступления против военной службы / под общ. ред. Н. А. Петухова. СПб., 2002. С. 38.

⁵⁸⁶ Бобровский П. О. Уклонение от военной службы по иностранным и русским законам // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 6. С. 33–110.

ны более тяжкие наказания, чем для нижних чинов, что являлось нехарактерным для русского военного дела. Полевое уголовное уложение действовало до 1839 г., т.е. до принятия «Устава военно-уголовного».

Необходимо отметить, что Полевое уголовное уложение устанавливало лишь два вида наказания лишением свободы: заточение и ссылку. Однако различными отдельными нормативными актами, изданными в период правления Александра I, были определены и другие виды наказания при помощи ограничения свободы.

Переходя к подробному рассмотрению реализации государственной политики в военно-дисциплинарном обеспечении русской армии, необходимо раскрыть изменения в законодательстве, способствовавшие этому. Так, 2 апреля 1801 г. Александр I восстановил в прежнем виде «Жалованную грамоту» дворянству, затем он расформировал Тайную экспедицию и Сенатским указом от 15 марта 1801 г. освободил всех содержащихся в заключении по распоряжению Тайной экспедиции, которых было около 700 чел., из них 64 военнослужащих⁵⁸⁷.

В том же году, 2 апреля, общим Всемиловитвейшим манифестом было возвращено из ссылки и принято на службу с восстановлением в прежних правах до 15 тыс. чел.⁵⁸⁸ Кроме того, 27 сентября 1801 г. был издан указ об отмене пыток, в котором выражалось желание, «чтобы, наконец, самое название пытка, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»⁵⁸⁹.

Весь период царствования Александра I характеризуется смягчением воинских наказаний, и, прежде всего, сопряженных с телесным наказанием. Так, указом от 18 января 1802 г. запрещалось военным судам в приговорах о телесном наказании прибавлять выражение «нешадно»⁵⁹⁰. Кроме того, в

---

⁵⁸⁷ Столетие военного министерства. 1802-1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 150.

⁵⁸⁸ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897–1898. Т. II. С. 15, 36.

⁵⁸⁹ Телесные наказания в России в настоящее время / сост.: Д. Н. Жбанков, В. И. Яковенко. М., 1899. С. 15.

⁵⁹⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVII. № 20115; Т. XXX. № 23279.

1825 г. было отменено для военнослужащих наказание плетьюми, было указано заменить их шпицрутенами⁵⁹¹.

18 июня 1802 г. был утвержден доклад Генерал-Аудитора, князя Салогова, относительно отмены «заковывания в железа» офицеров и нижних чинов из дворян⁵⁹². В данном докладе отмена «заковывания в железа» мотивировалась тем, что по Краткому изображению процессов оно принадлежало к числу телесных наказаний, а по Жалованной Грамоте 1785 г. все дворяне были освобождены от такого наказания. Таким образом, даже осужденных к смертной казни, которых по «Воинскому Уставу» Петра I полагалось «тотчас же сковать, какого бы рангу не был, дабы не ушел», с этих пор, если они были дворянами, предписывалось содержать «под строгим караулом», но без «заковывания в железа»⁵⁹³. Однако, это требование не распространялось на военное время, тогда по усмотрению Главнокомандующего армией могло применяться и заковывание.

Важное значение в развитии вооруженных сил России имело Военное министерство, созданное 8 сентября 1802 г.⁵⁹⁴ Были разработаны штат и структура министерства, всеми вопросами ведал министр: «Всякий министр должен иметь непрерывное сношение со всеми местами под управлением его состоящими, и быть сведущ о всех делах которые в них происходят. Посему каждое место обязано посылать к своему министру еженедельные мемории о всех текущих делах, о делах же затруднительных, или скоро решения требующих особенных представления»⁵⁹⁵.

Уже 27 января 1802 г. Военное министерство получило новое устройство, согласованное с «Учреждением о большой действующей армии». В этот период

⁵⁹¹ Клуген Л. Несколько слов о телесном в русских войсках наказании по правилам военной дисциплины // Воен. сборник. 1859. № 9. С. 191–210.

⁵⁹² 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVII. № 20335.

⁵⁹³ Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1862. С. 43; Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1896. С. 52.

⁵⁹⁴ Паршин В. В., Чеботарев А. В. Система военного управления в России (XVIII – начало XX в.). М., 2002; Чеботарев А. В. Военное Министерство России в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 36.

⁵⁹⁵ РГИА Ф. 1329. Оп. 1. Д. 252. Л. 81-81 (об.).

армия России получила вполне законченную функциональную организацию. Это потребовало упорядочения и военного законодательства, что, в свою очередь, обуславливало необходимость создания особой системы воинских наказаний, а следовательно, и специальной структуры, обеспечивавшей их исполнение, – военно-тюремной части⁵⁹⁶. Интересы армии требовали коренной очистки ее от «порочного элемента», которым она до тех пор комплектовалась⁵⁹⁷.

Это, в свою очередь, привело к изменению утилитарного взгляда на войско, как на дешевую рабочую силу, и, как следствие, к изменению цели воинского наказания. Приоритетная задача воинского наказания в российском государстве начала XIX в. состояла в использовании дарового труда осужденных военнослужащих при фортификационных и других работах.

Следует отметить, что в то время среди крепостных арестантов основной контингент состоял из военнослужащих, так как в XVIII в. осуждение к крепостным работам нижних чинов и офицеров было преобладающим видом лишения свободы в карательной практике, а количество крепостных арестантов в первой четверти XIX в. оставалось практически неизменным. Так, в 1802 г. их насчитывалось 3 тыс. 770 чел., а в 1820 г. – 4 тыс. чел.⁵⁹⁸ Организация арестантского труда с XVIII в. по первую четверть XIX в. оставалась без существенных изменений. Кроме арестантов на этих работах использовались и солдаты регулярных частей.

Однако 29 июля 1801 г. было издано Высочайшее повеление, которое воспрещало привлекать нижних чинов регулярной армии не только на крепостные работы, но и для присмотра за этими работами, производства съемок, ведения дел и др.⁵⁹⁹ В то же время, данное распоряжение не было категоричным, так как оно имело оговорку, что с согласия военного начальства дозволялось все-таки нанимать нижних чинов для производства земляных работ с тем условием, чтобы этот труд не шел в ущерб военной службе. Тем не менее,

⁵⁹⁶ Друцкой С. А. Воинские наказания // Тюремный вестник. 1904. № 12. С. 696–697.

⁵⁹⁷ Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы: в 2 ч. СПб., 1913–1914. Т. 2. С. 37; *Его же*. Устройство и комплектование вооруженных сил. СПб., 1900. С. 76–77.

⁵⁹⁸ Никитин В. Н. Быт военных арестантов в крепостях ... С. 315.

⁵⁹⁹ Савельев А. И. Исторический очерк Инженерного управления: в 3 ч. Ч. II. СПб., 1887. С. 36.

настоящий указ сыграл важную роль в военно-тюремном вопросе. В результате его принятия инженерное ведомство лишилось значительного количества дешевой рабочей силы. Окружные инженерные командиры настойчиво ходатайствовали о назначении солдат в крепости, так как крепостных осужденных было недостаточно для производства текущих работ. Как отмечал Финляндский окружной командир генерал-майор Шрейтерфелт, в Кюменгородской крепости было в наличии всего 218 арестантов. Вследствие этого, ко времени открытия военных действий в Финляндии в начале 1808 г. крепости не были готовы и пришлось наспех возводить временные батареи⁶⁰⁰.

В таких условиях пришлось нарушить требования указа от 29 июля 1801 года. Так, в 1810 г. по строящимся крепостям – в Киев, Ригу, Бобруйск, Динабург, Борисов и к другим местам Западного края, в которых производились фортификационные работы, были разосланы строевые войска, преимущественно резервные и линейные батальоны⁶⁰¹.

Кроме того, в целях устранения нехватки рабочих рук на крепостных работах 25 ноября 1807 г. было утверждено «Положение», которым устанавливалась новая военная повинность для податных сословий – отправка на работу в крепости под названием «милиционных ратников» тех из рекрутов общего набора, которые окажутся неспособными служить в полках, батальонах, губернских ротах и штатных воинских командах⁶⁰². По «Положению» рекруты этой категории использовались на крепостных строительных работах и назывались «военными рабочими»⁶⁰³. Эти «милиционеры» состояли в непосредственном подчинении комендантов крепостей или начальников гарнизонов. Им выдавалось довольствие и обмундирование по нормам строевых частей, а инженерный департамент выплачивал им «заработанные деньги» за

---

⁶⁰⁰ *Анненский А. Н.* Очерк главнейших военных соображений, с кратким военно-географическим взглядом на западные границы России и в особенности Финляндии. СПб., 1845. С. 55.

⁶⁰¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 155.

⁶⁰² *Габаев Г. С.* Опыт краткой хроники-родословной русских инженерных войск. СПб., 1907. С. 15.

⁶⁰³ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXIX. № 22696.

отработанные дни на фортификационных или «цивильных» работах. В 1808 г. 14 тыс. 550 милиционных ратников были расквартированы в 51 крепости⁶⁰⁴. За их размещение и содержание отвечала Инженерная экспедиция.

После начала Отечественной войны 1812 г. военно-рабочие были сведены в нестроевые войсковые части, вошедшие в состав действующей армии. На них возлагались самостоятельные поручения по созданию полевых укреплений (Бородино, Тарутино и др.). Все это привело к тому, что в заграничном походе в составе действующей армии находился и сформированный военно-рабочий батальон⁶⁰⁵.

К 1816 г. военно-рабочие команды и вошедшие в их состав крепостные невольники получили военную организацию. Эти особые административно-строевые единицы восстанавливали казенные и общественные здания в Москве, разрушенные во время пожара 1812 года. 2 мая 1816 г. было утверждено положение о формировании из малоспособных к строю нижних чинов полков, расположенных в Москве, при ведомстве комиссии строений двух военно-рабочих батальонов. Один батальон предстояло сформировать из рекрутов, а другой – из излишних людей, бывших при парках. Оба батальона были объединены в бригаду под командованием инженер-полковника Грамбурга, которая подчинялась непосредственно Московскому главнокомандующему. Первоначально планировалось создать эти батальоны сроком на 10 лет (на время действия комиссии строений)⁶⁰⁶.

В октябре 1817 г. было предписано отправлять неспособных к военной службе на крепостные работы, по распоряжению Инспекторского департамента, в Кронштадт, Свеаборг, Динабург, Бобруйск, Ахткр и в Георгиевск, причем в сопроводительных документах надлежало отмечать, что они не являлись арестантами⁶⁰⁷. Вскоре опытным путем выяснилось, что батальонная

⁶⁰⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 156.

⁶⁰⁵ Ракин В. А. Исторический очерк столетней службы и быта гренадерских сапер и их предшественников – пионер, 1797–1897, в связи с общим ходом развития инженерных войск в России. СПб., 1898. С. 22-23.

⁶⁰⁶ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 158.

⁶⁰⁷ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXII. № 27095.

организация военно-рабочих не удовлетворяла требованиям инженерного ведомства, и потому за административную единицу была принята рота. Однако окончательную организацию военно-рабочие роты получили после назначения Великого Князя Николая Павловича Генерал-Инспектором инженерной части. 21 августа 1818 г. был утвержден Всеподданнейший доклад относительно образования военно-рабочих рот инженерного корпуса, которыми предполагалось заменить прежние команды военно-рабочих, мастеровых и фурлейтов. В этом же году было издано и «Положение о военно-рабочих ротах для Инженерного корпуса»⁶⁰⁸.

Первоначально планировалось сформировать 22 военно-рабочие роты, по одной роте в 14 крепостях 1 класса и 8 рот – в остальных крепостях. Начало формирования было положено переименованием двух пионерных рот в Новой Финляндии, расположенных на Аланде⁶⁰⁹. Следующие роты создавались из военно-рабочих и мастеровых крепостных команд, нестроевых пионеров. Также к ним прикомандировывались крепостные арестанты, которым вменялось:

- а) «быть благонадежными в поведении»;
- б) иметь «нестарые годы»;
- в) находиться в крепости не по суду.

Это было связано с решением трех задач:

- 1) утилитарной (отсюда требование трудоспособности, возрастного ценза, знания ремесла и др.);
- 2) разведения наказаний крепостных арестантов за дисциплинарные нарушения (побег в первый раз, пьянство, самовольные отлучки и др.) и тяжкие преступления;
- 3) поощрения тех, кто встал на путь исправления.

⁶⁰⁸ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXX. № 22879; № 23490; № 23506; № 23670; № 24032; № 24176; №26730.

⁶⁰⁹ Савельев А. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853. С. 77.

Последняя задача указывает на постепенное изменение отношения к военному преступнику и к цели его наказания⁶¹⁰.

Необходимо отметить, что к началу формирования военно-рабочих частей в 1816 г. было издано Высочайшее повеление именовать крепостных невольников военного ведомства «арестантами», что соответствовало их положению⁶¹¹. Следовательно, в военно-рабочих ротах постепенно стали сосредотачиваться преступники из военнослужащих, отбывшие наказание и еще не возвращенные обратно в части войск. При этом назначение арестантов в роты производилось по решению командиров инженерных команд или окружных командиров, с учетом мнения медицинских работников и комендантов.

Однако, количество первоначально сформированных рот оказалось недостаточным, и его постепенно стали увеличивать. Так, сначала их количество возросло до 38, а в 1821 г. были созданы еще четыре роты. Указанное количество рот с конца 1822 г. оставалось без изменений до окончания царствования императора Александра I. 1 января 1826 г. в штате военно-рабочих рот значилось 100 офицеров и 4789 нижних чинов⁶¹². Инженерное ведомство обеспечивало содержание военно-рабочих рот, а в строевом отношении военно-рабочие роты подчинялись инженерным окружным командирам.

Как отмечалось ранее, состав военно-рабочих рот был довольно разным. Значительный их процент комплектовался из крепостных арестантов, и с каждым годом он увеличивался. Соответственно, ежегодно снижался даже тот нравственный ценз, который по закону 1818 г. предъявлялся к арестантам, переводимым в военно-рабочие роты. Кроме того, уже с 1818 г. Августейший Генерал-Инспектор Инженерного корпуса стал разрешать, по особым докладам начальствующих лиц, принимать в военно-арестантские роты

---

⁶¹⁰ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 160.

⁶¹¹ *Никитин В. Н.* Тюрма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных изпод стражи, со времени возникновения русской тюрмы, до наших дней: 1560–1880 г. СПб., 1880. С. 8–9.

⁶¹² Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1896. С. 410.

крепостных арестантов без ценза, а также бродяг⁶¹³. Командный состав крепостных военно-рабочих рот комплектовался из офицеров «низшего разряда», так как служба в них считалась ниже уровнем, чем в других родах войск.

В приказах Генерал-Инспектора проявляется стремление установить железную дисциплину в военно-рабочих ротах. Так, в 1822 г. по приговорам военного суда 46 военно-рабочих были наказаны шпицрутенами, которые стали одним из наиболее часто применявшихся в военно-рабочих ротах наказаний. Постепенно, с увеличением процента поступавших в эти роты крепостных арестантов военного ведомства, они постепенно становятся военно-арестантскими ротами, закладывая основу всей военно-тюремной организации Российской империи.

В 1823 г. Великий Князь Николай Павлович как Августейший Генерал-Инспектор по инженерной части решил реформировать крепостную работу. По его представлению, 3 июня 1823 г. было утверждено новое «Положение для образования крепостных арестантов в Динабурге и Выборге в арестантские роты»⁶¹⁴. Согласно этому Положению, одновременно было образовано 15 «крепостных арестантских рот» (семь – в Динабурге; восемь – в Бобруйске). Вслед за этим были сформированы «крепостные арестантские роты»: две – в Ревеле, две – в Риге, три – в Кронштадте. Всего в царствование Александра I государство создало 22 «крепостные арестантские роты», которые подразделялись на военно-арестантские, комплектуемые за счет военного ведомства, и арестантские роты гражданского ведомства⁶¹⁵.

Штат роты включал чины постоянного и переменного состава. К первым относились: командир роты в штаб- или обер-офицерском чине, 4 младших офицера, фельдфебель, 16 унтер-офицеров и барабанщик. В количественном отношении постоянный состав мог изменяться. Переменный состав по штату составлял 120 арестантов в каждой роте. Однако, в действительности количе-

---

⁶¹³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 163.

⁶¹⁴ *Мурашова С. А.* Уголовное наказание в России XVIII-XIX вв. и проблемы его совершенствования в современный период ... С. 87.

⁶¹⁵ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 173.

ство арестантов в роте в продолжение царствования императора Александра I никогда не достигало штатного количества. К 1 января 1826 г. всего числилось сведенных в роты арестантов 390 чел., при 88 офицерах (в 15 ротах), тогда как по штату их должно было состоять 1 тыс. 800 чел.⁶¹⁶ Арестантская рота состояла из отделений (8–12 чел.), подчиненных унтер-офицерам.

Следует также отметить, что порядок распределения арестантов в военно-арестантских ротах и в ротах гражданского ведомства различался. Так, в военно-арестантских ротах арестанты делились на два разряда: первый – военно-срочные арестанты, к ним относились осужденные к крепостной работе на конкретный срок, и ими комплектовались первые отделения по старшинству; второй разряд – бродяги или беглые военного ведомства, «кои за справками остаются в крепостных арестантах», которые также разделялись на отделения⁶¹⁷.

Арестантские роты гражданского ведомства также подразделялись на отделения. Однако все «присужденные к вечному заточению», или так называемые «вечные» арестанты, поступали в одну роту. Отделения комплектовались на основании знания какого-либо мастерства, «к коим (они) приучены или приучаются», а потому «вечный» арестант мог попасть и в любое отделение роты. Кроме того, в роте могло быть несколько одинаковых отделений. Приговоренные к срочному заключению арестанты гражданского ведомства поступали в другую роту и, равным образом, делились на отделения «по возможности» по ремеслам. Из бродяг формировалось столько рот, «сколько по числу придется, имея от 100 до 140 человек в роте»⁶¹⁸. Бродяги в ротах разделялись на отделения: 1) по возрасту – бродяги приблизительно одних лет сводились в одно отделение; 2) «от подозрений, на них лежащих». Кроме того, при разбивке бродяг по ротам вновь учитывался их возраст, так что «са-

---

⁶¹⁶ *Жиркевич А. В.* Пасынки военной службы. (Материалы по истории мест заключения военного ведомства в России). Вильна, 1913. С. 103.

⁶¹⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 174.

⁶¹⁸ *Савинков В.* Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869. С. 173.

мые молодые, то есть моложе 30 лет», составляли одну роту, «старее же сего» поступали в другую роту⁶¹⁹.

Согласно «Положению...», арестанты всех отделений должны были соблюдать «строжайшую военную дисциплину», носить одежду установленного образца, а также быть подстриженными, вымытыми и выбритыми, «как бы находились на службе». Офицерам, осужденным к заключению в роты, не делали никаких поблажек, и они подчинялись установленному порядку наравне с другими арестантами.

«Положение...» 1823 г. предписывало строгое соблюдение порядка арестантами вне мест заключения, и поэтому из тюрьмы их выпускали только на работу, с соблюдением при этом правил, гарантировавших внешний порядок. Так, перед выходом арестантов из тюрьмы барабанщик должен был бить сбор. По этому сигналу арестанты выходили и строились «в своих отделениях, шеренгах и рядах», т.е. по строевому уставу⁶²⁰. Производилась перекличка, после которой арестантов, соблюдая строевой порядок, вели на работу. По окончании работ вторично били сбор и арестанты, построившись в том же порядке, возвращались в тюрьму. На работы они отводились под командованием одного из младших офицеров роты, которые по очереди оставались на целый день с арестантами, контролируя порядок во время работ. «Сие разуметь должно – указывается в «Положении...», – про те роты, кои состоят из людей, не знающих особого мастерства и водимых целой ротой на работу»⁶²¹.

Арестантские роты, состоявшие из мастеровых, дробились «на участки» под начальством и наблюдением унтер-офицеров, но один из офицеров обязан был присутствовать при выходе и возвращении этих отдельных команд и лично контролировать, «достаточно ли за ними присматривают». В помощь ротной администрации от крепостного гарнизона

---

⁶¹⁹ Савинков В. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869. С. 173.

⁶²⁰ Жиркевич А. В. Пасынки военной службы ... С. 105.

⁶²¹ Савинков В. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства ... С. 176.

назначался конвой, причем в обязанность коменданту вменялось наблюдение за тем, чтобы наряд был достаточным для охраны. В целом, были приняты все возможные меры к предупреждению побега или нарушения порядка арестантами, а также, чтобы гарантировать невозможность подкупа конвоя. «Положением...» предписывалось: «по рукам денег арестантам никогда не раздавать и строго смотреть, чтобы они оных не получали со стороны»⁶²².

Таким образом, можно утверждать, что «Положение...» 1823 г. стало первой попыткой обособить военно-тюремную часть от общей и дать ей более рациональную в военном отношении организацию. Однако, это «Положение...» не вносило значимых изменений в устаревший утилитарный подход к целям воинского наказания. При этом осужденные, хотя и стали называться «арестантами», но по сути оставались теми же крепостными невольниками, т.е. простой рабочей силой. Тем не менее, принцип устрашения уступил место принципу ограждения общества от военных преступников, отсюда и более частое применение наказаний, направленных на лишение свободы.

С изданием «Положения...» 1823 г. военные арестанты четко отделяются от колодников гражданского ведомства и, сохраняя возможность по отбытии наказания вернуться в свою часть, продолжали и во время срока рассматриваться как военнослужащие. В военно-арестантских ротах их приучали к строгой воинской дисциплине. Следовательно, несмотря на то, что первая попытка организации военно-тюремной части, хотя и не была достаточно удачной, но она стала значительным шагом вперед. Именно с этого момента можно говорить о возникновении в России специальной организации военно-тюремного заключения.

Необходимо отметить, что тюремное заключение, в прямом смысле, отбывалось в первой четверти XIX столетия военнослужащими по-прежнему в общих местах заключения в одинаковых условиях с заключенными. Однако, в царствование императора Александра I предпринимается

---

⁶²² *Никитин В. Н.* Быт военных арестантов в крепостях ... С. 223.

попытка упорядочить тюремное заключение военных преступников, отбывавших срок в гражданских тюрьмах, сохранить их связь с войсковыми частями, из которых они попадали в тюрьму, установить над ними надзор военного начальства в местах их заключения. Одной из наиболее важных мер, принятых при Александре I для упорядочения тюремного заключения, стало издание в 1802 и 1803 гг. правил о содержании в тюрьмах колодников, с разделением на три разряда по роду их преступлений, причем каждый из разрядов содержался отдельно⁶²³.

В качестве особенности периода следует отметить, что общая численность заключенных в царствование Александра I значительно возросла вследствие указа 1809 г., ограничивавшего ссылку крепостных людей «для исправления» на каторгу, и повелевавшего отсылать их в смирительные дома⁶²⁴. Снижая издержки казны на содержание колодников, правительство старалось использовать труд арестантов на городских работах, причем военные арестанты не освобождались от этих работ⁶²⁵. Улучшая городские тюрьмы, правительство, с одной стороны, привлекало прокурорский надзор в качестве наблюдательного органа, а с другой – отдельный корпус внутренней стражи (1811 г.), на который была возложена обязанность охраны тюрем как снаружи, так и внутри⁶²⁶. Для военных арестантов наблюдательным органом по указу 1824 г. стали корпусные, дивизионные командиры и начальники Главных штабов⁶²⁷.

С 1816 г. было изменено наименование военных невольников на арестантов. Однако, это не улучшило положения содержащихся в острогах военных арестантов. Начальник Главного штаба генерал-адъютант барон Дибич даже в 1824 г. нашел это положение «жалким», так что Высочайшим повелением была «со всей строгостью» подтверждена необходимость точного исполнения Положения Правительствующего Сената от 26 мая 1821 г., кото-

⁶²³ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVII. №№ 20465. 20728 21292.

⁶²⁴ Там же. Т. XXX. № 23530.

⁶²⁵ Там же. Т. XXXIII. № 26570; Т. XXX. № 26450; Т. XXXIV. № 28015.

⁶²⁶ Там же. Т. XXXI. № 24086, 24704; Т. XXXIV. № 27181, 27662.

⁶²⁷ Там же. Т. XXXIX. № 29807.

рым был установлен порядок довольствия и содержания военных арестантов в городских острогах⁶²⁸. Указом от 13 декабря 1824 г. ежедневный осмотр военных арестантов, содержащихся в городских острогах, был возложен на губернских прокуроров⁶²⁹. Таким образом, к улучшению положения военных арестантов в общей тюрьме были направлены усилия всех структурных элементов правительства.

Вторым по значимости наказанием, применявшимся к военнослужащим в первой четверти XIX в., являлась ссылка. Только за период с 1807 по 1818 гг. число ссыльных увеличилось с 2 тыс. 35 до 11 тыс. 116 чел. в год, в 1812–1821 гг. насчитывалось 39 тыс. 761, в следующем десятилетии – 91 тыс. 709 чел.⁶³⁰ Этому способствовало применение ссылки за административные правонарушения. Так, в 1824 г., после указа от 23 февраля 1823 г., в Сибирь было сослано около 12 тыс. чел. Кроме того, указом от 23 февраля 1823 г. было запрещено призывать на военную службу «маловажных преступников», их следовало отправлять в Сибирь⁶³¹. Еще в 1818 г. вышел указ о распределении на военную службу преступников и бродяг, согласно особому расписанию, в котором указывалось, из каких губерний и в какие части войск их следовало отсылать.

В Сибири же в 1806 г. было решено приступить к водворению ссыльных в Нижнеудинском округе. Сюда было отправлено 2769 чел. По прибытии поселенцы получили все нужное для хозяйства, они рубили лес, строили жилища для себя и вновь прибывавших, занимались полевыми работами. За 1807–1817 гг. в округе было построено 18 поселков, включавших 936 жилых домов, 29 магазинов, 19 кузниц, 11 мельниц и 8 часовен⁶³². В XIX в. государство так же активно использовало Сибирь в качестве средства разрежения населения в Европейской России. Общее число ссыльных здесь неуклонно

⁶²⁸ Савинков В. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства ... С. 191.

⁶²⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXIX. № 30154.

⁶³⁰ Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь ... С. 44-45.

⁶³¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXII. № 25170.

⁶³² Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь ... С. 44-45.

возрастало, что можно объяснить реформой М. М. Сперанского, упорядочившей «ссылное дело»⁶³³.

В начале XIX в. военнoслужаших, наказанных за воровство и аналогичные преступления, предписывалось ссылать в дальние гарнизоны и полки⁶³⁴. В 1817 г. было велено распределять «нижние чины, впавшие в пороки, и военных дезертиров в прежние их команды», а не подававших надежды на исправление, – ссылать в рудники, с зачетом за рекрута⁶³⁵. В 1820 г. появилось расписание с указанием, откуда и в какие войска отсылать нижние чины, осужденные за преступления и бродяжничество. Кроме того, в том же году было предписано распределить нижние чины Лейб-Гвардии Семеновского полка по разным полкам армии за буйство и ослушание против начальства, а также разъяснялось, за какие тяжкие преступления воинские чины подлежали отстранению со службы и наказывались на месте преступления⁶³⁶.

Действие вышеупомянутого указа 1823 г. не распространялось на преступников из дворян, чиновников и канцелярских служителей, которые продолжали служить в рядах армии, нарушая в ней нравственный порядок еще долгое время⁶³⁷. При этом в 1825 г. последовало окончательное разъяснение указа 23 февраля 1823 г.⁶³⁸, по которому вновь было разрешено принимать на военную службу бродяг и тех преступников, которые не имели телесных повреждений, полученных от палача.

Увеличение значения ссылки в первой четверти XIX в. связано с недостатком тюрем в Российской империи, а также с тем, что в ссылку отправлялись и бродяги. Переход на поселение путем бродяжничества представлял обыденное явление в изучаемый исторический период. Н. М. Ядринцев указывает: «поселения добивались особенно беглые солдаты <...> Рядом с крепостным правом тяжкие условия прежней военной службы, долгие сроки ея,

⁶³³ Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь ... С. 44-45.

⁶³⁴ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 20061; Т. XXXVII. № 28323.

⁶³⁵ Там же. Т. XXXIV. № 27091.

⁶³⁶ Там же. № 28687.

⁶³⁷ Там же. Т. XL. № 30236.

⁶³⁸ Там же. № 30372.

строгая дисциплина, формалистика и суровые дисциплинарные наказания сильно действовали на крестьян и вызывали дезертирство. Потому-то бродяжество и давало самую большую цифру ссыльных в сравнении с другими преступлениями»⁶³⁹.

Во время царствования императора Александра I ссылка разделялась на следующие виды: 1) ссылка в каторжную работу; 2) ссылка в Сибирь на поселение; 3) ссылка в отдаленные места империи; 4) высылка за границу⁶⁴⁰. С издания в 1822 г. «Устава о ссыльных», составленного М. М. Сперанским, ссылка получила более определенное устройство и регламентацию⁶⁴¹. Так, например, «Устав...» проводил некоторое различие между ссыльными из войска и из общества. Документ выделял особый разряд каторжных – дорожных рабочих, к которым относились здоровые военнослужащие и те, которые были сосланы на каторгу за «неважные» вины. Входя в этот разряд, преступник переставал быть «на ряду с прочими ссыльными», и получал название «нестроевого военно-рабочего», а вместе с тем право быть водворенным в звании государственного крестьянина, по истечении пяти лет пребывания в этом разряде, при условии хорошего поведения и добросовестного труда. Кроме того, по отношению к тем из военнослужащих, которых отправляли на каторгу без исключения из военного ведомства, «Устав...» 1822 г. предписывал направлять их, по окончании срока каторги, к военному начальству, которое и распоряжалось ими по своему усмотрению⁶⁴². В соответствии с «Уставом...» обо всех военнослужащих, осужденных к ссылке, предписывалось посылать от корпусных дежурств, Ордонансгаузов или начальников, исполнявших приговор, уведомления в Тобольский приказ о ссыльных⁶⁴³.

⁶³⁹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 530.

⁶⁴⁰ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXVI. № 19736

⁶⁴¹ Там же. Т. XXXVIII. № 29128.

⁶⁴² Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения. С. 215–216.

⁶⁴³ Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 69-70.

Необходимо отметить, что старое Петровское правило о дополнительном наказании ссылаемых военных преступников реализовывалось на практике и в эпоху Александра I. Так, по отношению к штаб- и обер-офицерам, ссылавшимся на каторгу, закон разрешал, «смотря по важности содеянных ими по службе или против начальства преступлений», сопровождать наказание шельмованием. К военнослужащим, ссылаемым в Сибирь, рвание ноздрей было отменено указом 1817 г., но в 1818 г. подтверждалось клеймение, а в 1825 г. ссыльным военнослужащим было велено брить половину головы наголо⁶⁴⁴.

Ссылка на каторжные работы как высшее наказание лишением свободы применялась к офицерам и нижним чинам только по судебному приговору. Установленная «Полевым уголовным уложением» «гражданская смерть» всегда сопровождалась ссылкой на каторжные работы⁶⁴⁵. К военнослужащим по суду применялась и такая карательная мера, как ссылка на поселение. В 1807 г. была применена еще одна мера, касавшаяся преимущественно поселенцев из военнослужащих: годных из них предписывалось распределять в полки, расположенные в Сибири. Однако через год эта мера была отменена⁶⁴⁶.

В военное время осужденные в ссылку на поселение отправлялись из армий к пограничному начальству, а в мирное время они передавались из военного ведомства гражданскому начальству на общем основании для ссылки в Сибирь⁶⁴⁷. Военное начальство было обязано передавать осужденных к ссылке военнослужащих в гражданское ведомство для отправления их по назначению, направляя в губернские правления статейные списки и сведения о времени отправления уведомлений в Тобольский приказ, в остальном ссыльные из военнослужащих не отличались уже от других ссыльных.

В царствование Александра I была регламентирована и высылка за границу. Это наказание назначалось исключительно для иностранцев, состоявших на русской военной службе, и по закону определялось только по суду.

---

⁶⁴⁴ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXV. № 27300; Т. XXXIV. № 27197; Т. II. № 30419.

⁶⁴⁵ Там же. Т. XXXI. № 24975.

⁶⁴⁶ Там же. Т. XXIX. № 22556; Т. XXX. № 22786.

⁶⁴⁷ Там же. № 24975.

Однако фактически высылка за границу практиковалась гораздо шире и применялась в административном порядке. У лиц, осужденных к высылке за границу, отбирались патенты и грамоты на чины и ордена, приобретенные на русской службе⁶⁴⁸.

Подводя итог изменениям, которые произошли в военно-карательной системе в царствование императора Александра I, следует отметить, что государство уделяло особое внимание содержанию воинских чинов под арестом. Сам император, как видно из опубликованных источников, обращал внимание на царивший в армии произвол с наказанием в виде ареста, указывая случаи неправильного применения содержания под стражей вообще, и как меры пресечения уклонения от следствия и суда, в частности. 1 ноября 1803 г. были изданы Правила ареста офицеров, «под воинский суд или под следствие отдаваемых»⁶⁴⁹. При этом было установлено, что арест как мера пресечения мог быть применен в отношении подсудимых офицеров лишь по Высочайшему повелению, «чтоб судить арестованного»⁶⁵⁰.

Необходимо отметить и то, что с 1806 г. арест в отношении офицеров стал применяться и как мера принуждения к скорейшему началу исполнения должностных обязанностей во вновь назначенной им должности⁶⁵¹. Это обстоятельство указывает, насколько трудно было в то время бороться с укоренившейся среди офицерства традицией проходить свою служебную карьеру, фактически не исполняя никаких служебных обязанностей и даже вдали от своих частей войск, зачастую в вотчинах или крупных центрах общественной жизни⁶⁵².

При аресте офицеров у них обязательно отбирались шпаги, причем в 1808 г. последовало разъяснение, по которому это правило было распростране-

⁶⁴⁸ 1-е ПСЗ РИ. XXIX. № 22425.

⁶⁴⁹ Там же. Т. XXVII. № 21024.

⁶⁵⁰ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения. С. 248.

⁶⁵¹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXIX. № 22317.

⁶⁵² *Аурова Н. Н.* От кадета до генерала: повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2010. С. 327; *Морихин В. Е.* Традиции офицерского корпуса русской армии XIX – начала XX веков: Исторический анализ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 61.

но не только на штаб-офицеров, но и обер-офицеров, имевших ордена⁶⁵³. Кроме того, были установлены разграничения видов лишения свободы для офицеров и нижних чинов. Как уже отмечалось ранее, прежнее наименование содержащихся под стражей «невольниками» в 1816 г. было отменено в отношении военнослужащих, которых впредь предписывалось именовать «арестантами»⁶⁵⁴.

В целях установления контроля за применением ареста к военнослужащим и по возможности устранения случаев длительного содержания под арестом, в 1809 г. было велено ежемесячно представлять Военному министру ведомости о содержании под арестом воинских чинов по городам и крепостям, включая сведения и о нижних разрядах военных⁶⁵⁵. В данных ведомостях необходимо было указывать, содержатся ли воинские чины под арестом по суду или по дисциплинарному наказанию. Следовательно, была предпринята попытка изменить существовавший ранее порядок, по которому войсковые части об арестованных рапортовали лишь комендантам⁶⁵⁶. С 1824 г. непосредственный надзор и контроль за военными арестантами, в том числе и над арестованными в военных местах заточения, был возложен на военное начальство, в лице корпусных и дивизионных командиров и начальников Главных штабов⁶⁵⁷.

«По сведениям, дошедшим сюда (т.е. в Главный штаб. – К. К.), – значится в указе от 23 февраля 1824 г., – известно, что в некоторых губерниях военные арестанты, находящиеся временно в городских острогах, содержатся в оных без должного призрения», а посему Высочайше повелено: «поручить г.г. Корпусным и Дивизионным Командирам, равно и Начальникам Главных Штабов, чтобы они, при осмотре войск, осматривали равномерно военных арестантов, содержащихся временно в городских острогах, так и тех, кои, находясь под судом состоящих при Ордонансгаузах или Военных комиссиях, кои учреждены при внутренних гарнизонных батальонах, состоят

⁶⁵³ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXX. № 23814.

⁶⁵⁴ Там же. Т. XXXIII. № 26371.

⁶⁵⁵ Там же. Т. XXX. № 24063.

⁶⁵⁶ Там же. Т. XXXI. № 24254, п. 3.

⁶⁵⁷ Там же. Т. XXXIX. № 29807.

в особых кордегардиях, и о всех замечаниях доносили бы по команде» с изложением своего мнения, «... в городах же, где нет армейских войск, а военные арестанты находятся, возложить обязанность сию на Окружных генералов и Бригадных Внутренней стражи начальников»⁶⁵⁸.

В царствование Александра I значительных изменений в порядок содержания арестованных военнослужащих проведено не было. В то же время, можно назвать некоторые незначительные особенности. Так, например, документы говорят о том, что в этот период от казны устанавливались суточные, в размере 25 коп. в сутки, находящимся под военным судом арестантам, отставным и выключенным из военного ведомства чиновникам, которые содержались под стражей в местах заключения не только в военном ведомстве, но и в «ведомстве гражданского правительства»⁶⁵⁹.

Следует отметить также, что с 1824 г. в приговорах военных судов обязательно следовало указывать, кого из подсудимых содержать в крепости в казематах, а кого – на гауптвахте⁶⁶⁰. В отношении офицеров Высочайшим повелением 1824 г. лишение свободы по степени тяжести подразделялось на три группы: 1) содержание в крепости; 2) содержание в казематах; 3) содержание на гауптвахте⁶⁶¹. Первый вид применялся к разжалованным офицерам, которым вместе с тем присуждались крепостные работы. Вторым видом было алогичное заточение, о котором упоминалось в «Полевом уголовном положении». Заключение по данному виду не подвергался работам и не лишался чинов и орденов, отбывал в каземате назначенный ему срок наказания. Последний вид лишения свободы, наиболее часто применяемый, сводился к отбыванию ареста при кордегардии в крепостях и не предусматривал никаких ограничений в служебных правах⁶⁶².

⁶⁵⁸ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 249–250.

⁶⁵⁹ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXII. № 25609; Т. XL. № 30536.

⁶⁶⁰ Там же. Т. XXXIX. № 29795.

⁶⁶¹ Жиркевич А. В. Пасынки военной службы ... С. 111.

⁶⁶² Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 250.

Содержание военных арестантов в гражданских местах заключения регламентировалось Высочайше утвержденным Положением Комитета министров от 30 сентября 1824 года⁶⁶³. Комитет нашел, «что военных арестантов есть два рода: одни собственно военные, по распоряжению воинского начальства отдаваемые под арест; сего рода арестанты никогда не поступают в градские тюрьмы и содержатся всегда при гауптвахтах; другие, также хотя и военные, но принадлежат в один разряд с гражданскими, как-то: беглые, бродяги, преступники и прочие, кои доставляются Земскими судами и внутреннею стражею или отдаются для наказания»⁶⁶⁴. Таких арестантов не должны были отделять от прочих гражданских и их следовало содержать в городских тюрьмах с разделением по родам преступления. «Основываясь на сем рассуждении, Комитет не находит никакой надобности для арестантов сего рода строить особые помещения, но полагает, что тюремные замки в тех местах, где они слишком тесны, должны быть по мере необходимости только расширяемы на счет казны»⁶⁶⁵.

Таким образом, в первой четверти XIX в. уже совершенно отчетливо обособилась категория военных арестантов, а из нее выделились отбывавшие арест в дисциплинарном порядке и военные арестанты, проходившие наказание по суду, которые практически не отличались от гражданских арестантов, хотя и были осуждены за воинские преступления. Следовательно, благодаря условиям военного быта, в военно-тюремных учреждениях не было необходимости.

Однако, уже в последующий период, время царствования императора Николая I, остро встал вопрос о создании специальных военных мест заключения. Прообразом их стали созданные при Александре I крепостные арестантские роты, в которых отбывали наказание две главные категории арестантов: военные и гражданские. В то же время, цель воинского наказания в интересах перевоспитания наказанных еще не вышла в то время на первый план, и законодательство следовало по пути реформ в этом

⁶⁶³ 1-е ПСЗ РИ. Т. XXXIX. № 30075.

⁶⁶⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения ... С. 251.

⁶⁶⁵ Там же.

направлении лишь по соображениям практической целесообразности, руководствуясь по-прежнему только утилитарным взглядом на наказание лишением свободы.

Следовательно, если в конце XVIII – самом начале XIX в. в вопросах борьбы за дисциплину в русской армии преобладали прусские тенденции, то государственная политика в период Александра I характеризуется попыткой изменить военное устройство и управление войсками, совершенствовать военное законодательство. В период его правления наблюдается тенденция к смягчению воинских наказаний. В это время армия получила самостоятельную организационную структуру, управлением которой ведало Военное министерство. Так же была создана самостоятельная система воинских наказаний и дисциплинарной практики. Основопологающей задачей воинского наказания в Российском государстве начала XIX в. стало использование дарового труда осужденных военнослужащих при фортификационных и других работах. В это время появляются военно-рабочие роты, в которых была установлена железная дисциплина. В исследуемый период государство в большей степени волновало не надлежащая организация тюремной системы, а извлечение максимальной выгоды из эксплуатации осужденных.

Необходимо отметить, что число заключенных в царствование Александра I по сравнению с предыдущими историческими этапами значительно возросло. К особенностям периода следует также отнести выплаты от казны суточных для арестованных военнослужащих. Среди наказаний для военных главными являлись шпицрутены, ссылка в Сибирь, на каторжные работы, в дальние гарнизоны и полки. Увеличение значения ссылки в первой четверти XIX в. связано с недостатком тюрем в Российской империи. В царствование Александра I была регламентирована и высылка за границу. Это наказание назначалось исключительно для иностранцев, состоявших на русской военной службе, и по закону определялось только по суду.

Изученные источники и исследовательская литература позволяют сделать ряд выводов по вопросам практической реализации государственной политики по укреплению воинской дисциплины и искоренения преступности в русской армии XVII – первой четверти XIX века. Так, следует заметить, что в XVII в. в России происходил процесс становления государственной системы по борьбе с преступностью в русской армии. В этот период уже было предусмотрено большое количество наказаний за преступления, совершаемые военнослужащими, хотя особых военно-карательных учреждений в данный период еще не существовало. Центральная власть была еще недостаточно окрепшей, кроме того, она не имела достаточных средств для осуществления более сложной карательной политики. Сама государственная политика в России в отношении укрепления воинской дисциплины и искоренения преступности в русской армии была довольно примитивной, что задерживало развитие тюремного дела в Российском государстве в целом, и в особенности в войсках, расширяя возможности применения ссылки. Отсутствие полноценной регулярной армии с правильной и установившейся военной организацией явилось основной причиной, по которой в рассматриваемый исторический период не получила развития специальная военно-карательная система.

В конце XVII – начале XVIII в. государственная политика в сфере военного дела изменяется, значение русской армии существенно возрастает, солдат теперь превращается в профессионального воина, в результате чего большое внимание уделяется воинской дисциплине и борьбе с преступностью в армейских формированиях. Дисциплина становится предметом пристального внимания как со стороны самого самодержца, так и подконтрольных ему органов власти. В петровскую эпоху военнослужащие получили одинаковые условия в деле продвижения по службе, была сформирована особая система воспитания и обучения не только через гвардейские полки, но и за счет прохождения учебного курса в образовательных отечественных и зарубежных учреждениях.

Реализация государственной политики в области борьбы с преступностью в армии XVIII в. имела свои особенности. Так, петровское военное законодательство впервые создало наказание, объектом которого стала личная свобода – это «взятие за караул» и арест. Кроме того, видоизменялось значение самого ареста в общей системе воинских наказаний. Он стал производиться в специальных арестных помещениях, а не в общих местах заключения, как в предыдущий период. Необходимо особо отметить, что середина XVIII столетия становится периодом массовых ссылок на каторгу, а так же в Сибирь; в это время была упорядочена внешняя охрана тюрем, получила развитие караульная военная служба, установленная Воинским уставом Петра I.

В первой четверти XIX в. уже совершенно четко определилась категория военных арестантов, а из нее выделились отбывавшие арест в дисциплинарном порядке и военные арестанты, проходившие наказание по суду, которые практически не отличались от гражданских арестантов. Во время правления императора Александра I появляются крепостные арестантские роты, в которых отбывали наказание две главные категории арестантов: военные и гражданские. Кроме того, наблюдается тенденция к смягчению воинских наказаний. Армия получила самостоятельную организационную структуру, управлением которой ведало Военное министерство. Так же была создана самостоятельная система воинских наказаний и дисциплинарной практики. Основопологающей задачей воинского наказания стало использование дарового труда осужденных военнослужащих при фортификационных и других работах. В это время появляются военно-рабочие роты. Число заключенных в царствование Александра I по сравнению с предыдущими историческими этапами значительно возросло. К особенностям периода следует также отнести выплаты от казны суточных для арестованных военнослужащих. Среди реализации наказаний для военных главными являлись шпицрутены, ссылка в Сибирь, на каторжные работы, в дальние гарнизоны и полки. Увеличение значения ссылки в первой четверти XIX в. связано с недостатком тюрем в Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVII – начале XIX в. происходило формирование и развитие государственной политики России по укреплению воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии. Безусловно, данный процесс неразрывно связан с реформированием и комплектованием самой армии. В XVII в. в России начинает оформляться самостоятельная государственная политика, реализовывавшая военную деятельность страны. В этот период армия еще состояла из дворянской конницы, а также стрелецких и пушкарских полков, в то же время шел процесс ее преобразования в войска, обученные по западному образцу. Так появились полки солдат, рейтар и драгун, получивших название войск иноземного строя. В XVII столетии создаются отдельные органы власти, регулировавшие вопросы военной службы, а также уставы, определявшие законодательные основы государства.

В названный период появляются отдельные нормативные документы, в которых указываются военные преступления, а также устанавливаются меры по их преодолению. Наиболее распространенными наказаниями за воинские преступления в это время стали: телесные (кну́т и бато́ги), лишавшие или ограничивавшие свободу (заключение в тюрьму или ссылка в украинские крепости (городки) и Сибирь); «правопоражающие» (снижение в служебном разряде, «выдача обиженному головой», «написание в разрядных книгах порочным»); денежные взыскания и начёты (отобрание поместий, дач и вотчин, конфискация всякого рода имущества, уменьшение выдаваемого жалованья и денежного взыскания).

Основную власть имели военачальники, поскольку именно им было дано практически полное право решать вопрос о преступности деяния, совершенного подчиненным, о степени его вины, о виде и мере его наказания. Вместе с тем в исследуемый период особых военно-карательных учреждений еще не существовало. В этой связи ссылка стала приобретать массовый характер. На тот период времени для государственной политики в отношении

укрепления воинской дисциплины и борьбы с преступностью в русской армии было характерным рассматривать наказание преступника как меру устрашения и предупреждения. При этом центральная власть являлась еще недостаточно окрепшей, и у нее отсутствовали средства для осуществления более сложной карательной политики.

Административное управление еще не разделялось от судебного. Наиболее важные государственные дела рассматривались Боярской Думой, специально создаваемыми комиссиями или московскими приказами, количество которых к середине XVII в. значительно возрастает. Уголовный и политический розыск являлись одними из многочисленных функций системы приказов.

В целом, отсутствие полноценной регулярной армии с правильной и установившейся военной организацией стало основной причиной, по которой в рассматриваемый исторический период не получила развития специальная военно-карательная система. Воинские преступления еще не отделялись от общих; не существовало военно-судебной организации; цели и значение воинского наказания были практически однородны с общеуголовными и др. В то же время, изучаемая историческая эпоха стала важным и первоочередным этапом по борьбе с военной преступностью и укреплению дисциплины среди военнослужащих.

Изучение проблемы исследования, касающейся государственной политики в XVII в., позволило выявить следующие закономерности: основополагающую роль в становлении законодательства по определению военных преступлений и наказаний за них в России сыграли нормативные документы зарубежных стран; военное законодательство этого времени отличалось значительным объемом отдельных документов по различным сегментам ратной службы: «наказов» воеводам, полковникам, стрелецким головам и прочим должностным лицам; введением ответственности должностных лиц за организацию службы подчиненных; зарождением единой системы военных преступлений и наказаний за них и др.

В конце XVII – начале XVIII в. в период правления Петра I было положено начало формирования единой системы, которая включала в себя четкую структуру, комплектование и деятельность в армии, жесткую воинскую дисциплину, определяла военные преступления и наказания за них, а также позволила создать колоссальный и детально сформулированный пласт нормативных документов, ставших в дальнейшем важными первоисточниками для освещения военного дела в русской армии. В это время существовали следующие проступки и преступления военнослужащих: убийство, побег из армии, драка, пьянство и др. Видами наказания за них могли служить: штрафы, телесные повреждения, лишение свободы, смертная казнь (по принятым документам теперь полагалась более чем за 200 видов преступлений).

Укрепление воинской дисциплины в период правления Петра I основывалось посредством влияния государства, военных командиров на поведение офицерского корпуса и нижних чинов. Это стало возможным за счет принятия и требовательного соблюдения военно-правовых документов, а также через сознание военнослужащих, обращение к их морально-нравственным началам. Под руководством Петра I в России была впервые создана основательная законодательная база воинской службы. Управление войсками, кроме артиллерии и казаков, было сосредоточено в Приказе Военных дел, затем данными вопросами ведала Военная коллегия, которая сосредоточила свое внимание на вопросах военно-правовой сферы, комплектования армии, распределения бюджета военного ведомства, прохождения службы чинами русской армии. В петровских войсках несоблюдение воинских уставов, законов, наставлений стало рассматриваться как преступление против государства и его армии. Именно петровские реформы стали фундаментом становления и развития русской армии и государственной политики в сфере укрепления в ней воинской дисциплины, борьбы с преступностью в XVIII столетии.

Безусловно, в каждый период истории в данном вопросе имеются свои характерные особенности. Так, в XVIII в. военное законодательство впервые создало наказание, объектом которого стала личная свобода – это «взятие за ка-

раул» и арест. Кроме того, видоизменялось значение самого ареста в общей системе воинских наказаний. Он стал производиться в специальных арестных помещениях, а не в общих местах заключения, как в предыдущий период. Середина столетия становится периодом массовых ссылок на каторгу, а также в Сибирь; в это время была упорядочена внешняя охрана тюрем, получила развитие караульная военная служба, установленная еще Воинским уставом Петра I.

Реформы в армии закономерно накладывали отпечаток на самую воинскую дисциплину и борьбу государства с преступностью в войсках, основывавшихся на розыске, а также на формальных доказательствах, важнейшим из которых считалось признание. Основной целью системы как и в предыдущие эпохи было устрашение, что является общей тенденцией деятельности государства. Претерпевали изменения суды, а также те виды дел, которые они могли рассматривать. Так, военный суд уже в 1726 г. мог рассматривать только собственно воинские преступления, за совершение общеуголовных преступлений военнослужащие подлежали ведению общих уголовных судов.

Чрезмерная строгость уголовных законов того исторического периода стала причиной их смягчения. В 1754 г. императрица Елизавета Петровна принимает указ, заменявший смертную казнь. Следующая попытка изменить систему в области искоренения преступности в армии и военного законодательства была предпринята в 1762 году. В период правления Екатерины II отменяются пытка и пристрастный допрос. Можно утверждать, что в царствование Екатерины II строгая дисциплина сохранялась только в войсковых соединениях, ведущих боевые действия, в остальной же, т.е. большей части армии положение было иным. Дезертирство стало обыденным явлением того времени. В целом, начиная со второй трети XVIII в., политика Российского государства по развитию армии, созданию документации по внутренней деятельности в войсках, утверждению воинской дисциплины носила бессистемный характер.

В конце XVIII – начале XIX в. в дисциплинарной практике войск наблюдалось доминирование прусской тенденции поддержания правопорядка и дисциплины в войсках. В то же время, дисциплинарные порядки в армии

начала XIX столетия не только сохраняли лучшие традиции екатерининской эпохи, но и продолжали развиваться, подтверждая их эффективность в период Отечественной войны 1812 года. Происходило официальное оформление идеологической основы воинской дисциплины, которая приобрела лаконичный вид в формулировке «За Веру, Царя и Отечество!».

В указанный период сохраняется и реализуется рекрутская повинность, хотя к этому времени данная система уже исчерпала себя и не могла полноценно обеспечивать комплектование армейских рядов. Император Павел I приступил к реформированию армии, ясно видя многие ее недостатки и имея определенный план по их устранению. Более того, на базе своих Гатчинских войск он сумел подготовить целую плеяду военных и отработать ряд новшеств на практике, начиная от формы одежды и заканчивая организацией артиллерии. Уставной порядок, вводимый в армии, строгое и неотвратимое наказание за нарушение малейших регламентаций, а главное – обязанность постоянно находиться на службе являлись основными нововведениями в армейской жизни павловского периода. Дворяне, несогласные с армейскими установками, начинали предпочитать уход в отставку и поступление на службу в гражданские учреждения. Порядок службы в эпоху Павла I давал командиру любого ранга практически неограниченные возможности в оценке как поведения военнослужащего, так и его служебной деятельности. При нем постоянно дополнялись новые виды проступков и преступлений: запрет носить круглые шляпы, сапоги с отворотами и длинные панталоны, высокие воротники, приходить на маскарад без маскарадного костюма и т.д. При абсолютной власти императора в то же время в вопросе классификации воинских преступлений все же царил произвол: никто, кроме высшей власти, не мог определить, что будет применено к виновному.

В период правления Александра I в борьбе с преступностью наиболее часто применялись наказания, связанные со служебной деятельностью военных людей. К ним относились: отрешение от должности, разжалование, «исключение из службы», высылка в имения. Частое применение наказаний,

связанных со служебной деятельностью, вызвано, в первую очередь, оперативностью их приведения в исполнение. Кроме того, они имели наглядный воспитательный эффект и не несли нагрузку для казны. Большинство наказаний военнослужащих, как правило, было комплексным и включало также лишение чина. Самостоятельной военно-карательной мерой по отношению к офицерам и военным чиновникам являлось изгнание из армии. В качестве самостоятельного вида устанавливались коллективные наказания, за совершение преступлений командой, подразделением или даже воинской частью. С 1812 г. в России на законодательном уровне происходит разделение совершенных военных преступлений в мирное и военное время.

В первой четверти XIX в. при Александре I происходило смягчение воинских наказаний. Армия получила самостоятельную организационную структуру, управлением которой занималось Военное министерство. В этот период появляется самостоятельная система воинских наказаний и дисциплинарной практики. Ключевой задачей воинского наказания стало использование бесплатного труда осужденных военнослужащих для пользы государства. В это время появляются военно-рабочие роты. Число заключенных в период правления Александра I значительно возросло по сравнению с другими хронологическими этапами. Особенности данного времени являлись выплаты государством суточных для арестованных военнослужащих. Среди реализации наказаний для военных главными являлись шпицрутены, ссылка в Сибирь, на каторжные работы, в дальние гарнизоны и полки. Увеличение значения ссылки в первой четверти XIX в. связано с недостатком тюрем в Российской империи.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить общее и особенное в военно-правовом направлении и практическом претворении в жизнь государственной политики России по укреплению воинской дисциплины и борьбе с преступностью в русской армии XVII – первой четверти XIX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение. – Отд. 1. – Оп. 1. – Д. 4, 37.
2. РГАДА. Ф. 20. Дела военные – (коллекция) Государственного архива Российской империи. – Оп 153. – Д. 118.
3. РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. – Оп 1. – Отд. V. – Рубр. I. – № 4.
4. РГАДА. Ф. 196. Рукописное собрание Федора Федоровича Мазурина (1845-1898), московского почетного гражданина, собирателя русских рукописей и старопечатных книг. – Оп. 1. – Д. 1661.
5. РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. – Оп. 3. – Кн. 119, 120.
6. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент. – Кн. 5125/90.
7. РГАДА. Ф. 1451. Именные приказы Петра I Сенату и другим учреждениям. – Оп. 1. Кн. 13, 15.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. РГВИА. Ф. 24. Кабинет Его Императорского Величества. – Оп. 1/119. Д. 62.
2. РГВИА Ф. 248. П. М. Михайлов. – Оп.1. – Д. 446.
3. РГВИА. Ф. 801. Главное военно-судное управление. – Оп. 121. – Д. 19.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. РГИА. Ф. 1148. Общее собрание Государственного Совета. – Оп. 1. – Д. 1Б.
2. РГИА. Ф. 1164. Особый комитет председателей департаментов Государственного Совета. – Оп. 1. – Т. XVI.
3. РГИА. Ф. 1260. Комиссия составления законов при Государственном Совете. – Оп. 1. – Д. 362.

4. РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. – Оп. 2. – Д. 252.

5. РГИА. Ф. 1329. Именные указы и "Высочайшие" повеления Сенату. – Оп. 1 – Д. 191, 252.

1.2. Нормативно-правовые акты и сборники документов

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т. V. – 580 с.

2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. – СПб., 1857. – Т. VI. – 518 с.

3. Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / под ред. Н. А. Попова. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890. – 802 с.

4. Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. – СПб.: Тип. при Имп. Академии наук, 1780. – 146 с.

5. Воинские артикулы Петра I. – М.: Просвещение, 1950. – 515 с.

6. Военные уставы Петра Великого. Сборник документов / под ред. проф. И. Л. Рубинштейна. Вступ. ст. и комментарии П. П. Епифанова. – М., 1946. – 79 с.

7. Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому Генералом Вейде в 1698 г. – СПб.: Военная типография, 1841. – 189 с.

8. Грот, Я. К. Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера, впоследствии генерал-майора и губернатора / Я. К. Грот // Труды Я. К. Грота. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1862. – Т.4. – С. 122–156.

9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12-ти томах. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии. – 1846. – Т. 1. – 446 с.

10. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: сб. док. в 2 ч. – Л.: Наука, 1986. – 264 с.

11. Законодательство Екатерины II: Государственный механизм. Организация государственного единства. Сборник документов: в 2 т. / отв. ред.: Т. Е. Новицкая, О. И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 2000. – Т. 1. – 1056 с.

12. Мышлаевский, А. З. Петр Великий, военные законы и инструкции / А. З. Мышлаевский // Сб. военно-исторических материалов. Вып. IX. – СПб.: Воен. учен. ком. Главного штаба, 1894. – 122 с.

13. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина // Памятники русского законодательства. 1649–1832 гг., издаваемые Императорской академией наук. – СПб.: Императорская академия наук, 1907. – 334 с.

14. Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морской силы в России. Издание магистра философии Фридриха Шмидта, переведено с немецкого на русский язык коллежским ассессором Василием Ивановым. – М.: Изд-во: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1798. – 179 с.

15. Повесть временных лет / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – Ч. 2. – 564 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1-45. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1. – 1830. – 1072 с.; Т. 3. – 1830. – 694 с.; Т. 4. – 1830. – 890 с.; Т. 8. – 1830. – 1004 с.; Т. 9. – 1830. – 1016 с.; Т. 10. – 1830. – 990 с.; Т. 16. – 1120 с.; Т. 19. – 1830. – 1083 с.; Т. 26. – 1830. – 880 с.; Т. 27. – 1830. – 1196 с.; Т. 32. – 1830. – 1135 с.

17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1-55. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1884. – Т. 1. – 1830. – 1527 с.; Т. 2. – 1830. – 1561 с.

18. Правда Русская / Под общей редакцией Б. Д. Грекова. Т. III. – М.: Институт истории АН СССР, 1963. – 471 с.

19. Правда Русская. Тексты / Под ред. Б. Д. Грекова; подгот. к печ. В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 506 с.

20. Радишевский, О. М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки: Состоящий в 663 указах, или статьях / В государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйскаго и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым: в 2 ч. / О. М. Радишевский. – М.: Мастерская и Оружейная палата, 1777–1781. – Ч. 1. 1777. – 236 с.; Ч. 2. – 1781. – 231 с.

21. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. // Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4 / Отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – 511 с.

22. Сборник Императорского русского исторического общества / Под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб.: [Б. и.], 1896. – № 98. – 702 с.

23. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Г. В. Абрамович, Л. И. Ивина, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов и др. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.

24. Старинный военный Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки: в 2 ч. Ч. 1. – СПб., 1777. – 236 с.; Ч. 2. – СПб., 1781. – 231 с.

25. Строев, В. Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году / В. Строев. – СПб.: Академия наук, 1833. – 158 с.

26. Судебники XV – XVI веков / Под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 619 с.

27. Толстой, Л. Н. Проект реформирования армии / Л. Н. Толстой / Полн. собр. соч.: в 90 т. Т.4. – М.: Издательство «Художественная литература», 1935. – 459 с.

28. Три века: Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник: в 6 т. / под ред. В. В. Каллаша. – М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1912–1913. – Т. 3. – 1912. – 239 с.

29. Указы императора Павла // Русская старина. – 1884. – № 8. – С. 232.

30. Уложение или право воинского поведения генералов средних и меньших чинов и рядовых солдат. – СПб., 1701 (1702). – 174 с.

31. Устав ратных, пушечных и других дел. – СПб.: Изд-во. Гос. Воен. Коллегии, 1777. – 236 с.

32. Французский военно-уголовный кодекс о преступлениях и наказаниях: пер. с доп. и пояснениями Н. Максимова // Журнал Министерства юстиции. – 1865. – № 12. – С. 1–52.

33. Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // Сообщ. соревнователем О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те Ф. Зайцевым. – М.: Унив. тип., 1859. – 254 с.

1.3. Мемуары, записки, воспоминания

1. Греч, Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. – 588 с.

2. Записки графа С. Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. – 1876. – № 11. – С. 347–348.

3. Котошихин, Г. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. Котошихин. – СПб.: Издание археографической комиссии, 1884. – 260 с.

4. Суворов, А. В. Наука побеждать. 2-е изд. / А. В. Суворов. – СПб.: При Сенатской типографии, 1809. – 248 с.

5. Богданов, М. Мое воспоминание / М. Богданов // Воспоминание воинов русской армии. – М.: Мысль, 1991. – 475 с.

1.4. Словари, справочники, энциклопедии

1. Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. – СПб.: Т-во И.В. Сытина, 1912. – Т. 8. – 642 с.

2. Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 987 с.

3. Военный энциклопедический словарь / Ред. А.Э. Сердюков. – М.: Военное изд-во, 2007. – 831 с.

4. Российская гвардия. 1700-1918. Справочник / Отв. сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. – М.: Новый хронограф, 2005. – 448 с.

5. Справочная книжка для русских офицеров. – СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. – 1318 с.

6. Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель / Науч. рук., ред. и вступ. ст. П. А. Зайончковского. 2-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Книга, 1978. – 640 с.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

1. Алексеев, В. И. Период возмездия и устрашения в истории тюремного заключения (XVI–XVIII вв.) / В. И. Алексеев // История государства и права. – 2007. – № 21. – С. 28–29.
2. Андреевский, И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах / И. Е. Андреевский. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1864. – 156 с.
3. Андресс, В. О тюрьмах / В. Андресс // Журнал Министерства юстиции. – 1864. – № 1. – С. 43–68.
4. Андриевич, В. К. История Сибири / В. К. Андриевич. – СПб.: [Б. и.], 1889. – Ч. 2. – 487 с.
5. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989. – 495 с.
6. Анисимов, Е. В. Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века / Е. В. Анисимов. – М: Норинт, 2004. – 216 с.
7. Анисимов, Н. В. История русской армии. Эпоха Петра Великого / Н. В. Анисимов. – СПб.: Тип. И. А. Лубенцова, 1911. – 86 с.
8. Анисимов, Н. В., История русской армии. Эпоха Петра Великого. 1699–1762 гг. / Н. В. Анисимов, А. К. Зиневич. – Чугуев: [Б. и.], 1911. – 87 с.
9. Анненков, И. В. История Лейб-Гвардии Конного полка, 1731–1848: в 4 ч. / И. В. Анненков. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. 1849. – 217 с.
10. Анненский, А. Н. Очерк главнейших военных соображений, с кратким военно-географическим взглядом на западные границы России и в особенности Финляндии / А. Н. Анненский. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1846. – 158 с.

11. Арзамаскин, Ю. Н., Воинская дисциплина в Вооруженных силах России (XVIII–XX вв.) / Ю. Н. Арзамаскин, Л. А. Бублик, В. Д. Петров. – М.: ВУ, 2000. 391 с.

12. Архипов, С. В. Факты свидетельствуют: из истории царской тюрьмы / С. В. Архипов, Н. Н. Шустова // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: материалы V всерос. науч.-практ. конф. 18–19 апреля 2009 г. – Рязань: Академия ФСИН России, 2009. – 276 с.

13. Аурова, Н. Н. От кадета до генерала: повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века / Н. Н. Аурова. М.: Новый хронограф, 2010. – 464 с.

14. Барабанщиков, А. В., История отечественной и зарубежной педагогики / А. В. Барабанщиков, В. Н. Иванов – М.: Голицынский военный институт ПВ РФ, 1994. – Т. 3. – 359 с.

15. Баршев, С. И. О влиянии народных предрассудков на определение наказания // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным / С. И. Баршев. – Т. 2. – 1842. – С. 78–82.

16. Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев. – М.: Тип. А. А. Карцева, 1901. – 584 с.

17. Беляев, И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований, сделанных Петром Великим / И. Д. Беляев. – М.: Университет. тип., 1846. – 120 с.

18. Березина, О. Б. Нерчинская каторга в России в конце XVIII – начале XX вв. / О. Б. Березина. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – 222 с.

19. Бескровный, Л. Г. Система обучения и воспитания армии Петра I / Л. Г. Бескровный // Агитатор и пропагандист Красной армии. – 1946. – № 3. – С. 44–52.

20. Бибиков, В. Н. Подготовка офицеров русской армии в первой половине XIX века / В. Н. Бибиков // Вестник Военного университета. – 2007. – № 2 (10). – С. 68–74.

21. Бобровский, П.О. Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. – Ч. 2. – 808 с.

22. Бобровский, П. О. Беседа начальника Военно-юридической академии о значении военных законов Петра Великого для устроенной им регулярной армии: В день 170 лет со времени подписания манифеста об Уставе воинском 1716 г. / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. – 28 с.

23. Бобровский, П. О. Вейде Адам Адамович. Один из главных сотрудников Петра Великого и его военный устав 1698 г. / П. О. Бобровский. – Казань: Тип. Императорского университета, 1887. – 31 с.

24. Бобровский, П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. Правит-го Сената, 1887. – 305 с.

25. Бобровский, П. О. Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский. В 2-х ч. / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. – Ч. 2. – 772 с.

26. Бобровский, П. О. Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве в России / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. штаба гвардии, 1882. – 210 с.

27. Бобровский, П. О. К характеристике военного искусства и дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1891. – 44 с.

28. Бобровский, П. О. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г. / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. – 46 с.

29. Бобровский, П. О. Уклонение от военной службы по иностранным и русским законам / П. О. Бобровский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1886. – Кн. 6. – С. 33–110.

30. Бобровский, П. О. Старошведское военное право / П. О. Бобровский. – М.: Тип. Генеральн. Штаба, 1881. – 460 с.

31. Бобровский, П. О. Уклонение от военной службы: по законам древнеримским, французским, германским, шведским, а также и русским с XVII века / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1886. – 78 с.
32. Богданов, В. Я. Ссылка и ее применение / В. Я. Богданов. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1980. – 65 с.
33. Богданович, П. Н. Аракчеев. Граф и барон Российской Империи (1769–1834) / П. Н. Богданов. – Буэнос-Айрес: [Б.и.], 1956. – 138 с.
34. Богоявленский, С. К. О Пушкарском приказе: сб. ст. в честь М. К. Любавского / С. К. Богоявленский. – Пг., 1917. – 788 с.
35. Буцинский, П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников / П. И. Буцинский. – Харьков: [Б.и.], 1889. – 345 с.
36. Вейде, А. А. Военный устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде, в 1698 году / А. А. Вейде. – СПб.: Военная типография, 1841. – 190 с.
37. Верховский, А. И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. / А. И. Верховский. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 254 с.
38. Викторский, С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние / С. И. Викторский. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. – 396 с.
39. Габаев, Г. С. Опыт краткой хроники-родословной русских инженерных войск / Г. С. Габаев. – СПб.: Тип. штаба ОКПС, 1907. – 110 с.
40. Гаврищук, В. В. Русская армия в XVIII в.: историографический обзор / В. В. Гаврищук. – М.: СГИ, 2003. – 246 с.
41. Гаврищук, В. В. Военное законодательство Петра I / В. В. Гаврищук, А. А. Кукар. – М.: СГУ, 2004. – 246 с.
42. Генкин, Н. О тюремном заключении / Н. Генкин // Московские университетские известия. – 1870. – № 4. – С. 224–304.
43. Гернет, М. Н. Царская тюрьма / М. Н. Гернет // Тюрьма капиталистических стран: сб. ст. – М.: Советское законодательство, 1937. – С. 45–94.
44. Гессен, Ю. Жизнь пленных в Московском государстве / Ю. Гессен // Русское прошлое. – 1923. – № 2. – С. 55–73.

45. Глаголева, А. П. «Денные записки» военно-походной канцелярии Б.П. Шереметева как исторический источник / А. П. Глаголева // Проблемы источниковедения. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 10. – С. 208–225.

46. Голиков, И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. – М.: В Университетской тип., у Н. Новикова, 1788–1789. – 241 с.

47. Готьев, Ю. В. Замосковский край в XVII веке. 2-е издание / Ю. В. Готьев. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 412 с.

48. Градовский, А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры / А. Д. Градовский. – СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1866. – 284 с.

49. Градовский, А. Д. История местного управления в России. Собр. соч. / А. Д. Градовский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. – 492 с.

50. Градовский, А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский. – СПб.: Печ. В. Головина, 1868. – Т. 1. – 529 с.

51. Демидов, А. В. Артикул воинский Петра I об этике российского офицера в XVIII веке / А. В. Демидов. – М.: ВУ, 2000. – 36 с.

52. Детков, М. Г. Наказание в царской России / М. Г. Детков. – М.: Интерправо, 1994. – 120 с.

53. Детков, М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. Исторический очерк / М. Г. Детков. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.

54. Долгов, Е. «Не сопутствуемый ничьею любовью» (Судьба М. Л. Магницкого) / Е. Долгов // Гасырлар авазы. – 2011. – № 3-4. – С. 134–140.

55. Друцкой, С.А. Воинские наказания / С. А. Друцкой // Тюремный вестник. – 1904. – № 12. – С. 696–697.

56. Дубровин, Н. А. А. В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. / Н. А. Дубровин. – СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1886. – 196 с.

57. Дуров, И. Г. «Иметь старание о платье своём, и быть всегда чисту, как в платье, так и в белье...». Вещевое обеспечение военных и морских чинов в XVIII веке / И. Г. Дуров // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 6. – С. 45–50.

58. Дуэль и честь в истинном освещении: Сообщение в офицерском кругу. – СПб.: Тип. Э. Пороховщиковой, 1902. – 64 с.

59. Епанчин, Н. Е. Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828–1829 гг. / Н. Е. Епанчин. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1904. – 66 с.

60. Елифанов, П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / П. П. Елифанов // Под ред. Н.Л. Рубинштейна. – М.: Изд-во Государственной Библиотеки СССР, 1946. – 80 с.

61. Елифанов, П. П. Воинский Устав Петра Великого / П. П. Елифанов // Петр Великий: сб. ст. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – Т. 1. – С. 167–213.

62. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.

63. Есипович, Г. Я. Литературная разработка и общая характеристика Уложения 1649 г. / Г. Я. Есипович // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – Октябрь. – Ч. II. – С. 1–34.

64. Жиркевич, А. В. Пасынки военной службы (материалы по истории мест заключения военного ведомства в России) / А. В. Жиркевич. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1913. – 503 с.

65. Загоскин, Н. П. Очерк истории смертной казни в России / Н. П. Загоскин. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1862. – 103 с.

66. Законодательство Петра I / Отв. редакторы А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1997. – 880 с.

67. Заозерский, А. И. Царская вотчина XVII в. 2-е изд. / А. И. Заозерский. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 307 с.

68. Зуев, А. И. «В русскую службу шел волею» (шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири) / А. И. Зуев // Историческое, культурное и природное наследие. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1997. – Вып. 2. – С. 7–17.

69. Иванов, А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII-XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона / А. А. Иванов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1(27). – С. 42–53.

70. Исаев, М. М. Наказание по артикулу воинскому (глава из неопубликованной монографии) / М. М. Исаев // Вестник Московского университета. – 1995. – № 1. – С. 51–57.

71. История государственного управления России / отв. ред. В. Г. Игнатов. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 608 с.

72. История отечественной военно-энциклопедической литературы / Авторский коллектив: А. И. Бабин, Д. И. Винокуров и др. – М.: Наука, 1980. – 172 с.

73. История Преображенского полка / Составил Лейб-гвардии Преображенского полка Штабс-капитан Азанчевский. – М.: Тип. Каткова и Ко, 1859. – 232 с.

74. История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. – М.: Полигон, 2003. – 638 с.

75. Калашников, И. А. Обучение и воспитание в российской армии (XVII–XIX вв.) / И. А. Калашников // Сборник лекций Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. – М.: ВИА, 1993. – 76 с.

76. Калинин, П. Дуэли в офицерской среде / П. Калинин // Воен. сборник. – 1894. – № 8. – С. 329–552.

77. Каменский, П. Честь и наскоки / П. Каменский // Варшавский воен. журнал. – 1904. – № 12. – С. 871–894.

78. Карапетян, Г. К. Становление и развитие адмиралтейств-коллегии / Г. К. Карапетян // Научный журнал «Апробация». – 2013. – № 11. – С. 58–61.

79. Карханина, Л. В. К вопросу о понятии телесных наказаний и истории их применения / Л. В. Карханина // Материалы междунар. науч. конф. – Самара: СГУ, 2013. – С. 92–95.

80. Керсновский, А. А. История русской армии. В 4 т. / А. А. Керсновский. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – 304 с.

81. Керсновский, А. А. История русской армии. 1700–1881 / А. А. Керсновский. – М.: Воениздат, 2004. – 464 с.

82. Кистяковский, А. Ф. Исследование о смертной казни / А. Ф. Кистяковский. – Киев: А. Ф. Пантелеев, 1896. – 353 с.

83. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Л.: Наука, 1976. – 138 с.

84. Кислицын, М. К. Очерк истории формирования и развития российского военно-уголовного законодательства / М. К. Кислицын, А. С. Самойлов. – М.: Формула права, 2002. – 32 с.

85. Клуген, Л. Несколько слов о телесном в русских войсках наказании по правилам военной дисциплины / Л. Клуген // Воен. сборник. – 1859. – № 9. – С. 191–210.

86. Ключевский, В. О. О русской истории / В. О. Ключевский // Сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов. – М.: Просвещение, 1993. – 576 с.

87. Ковалев, К. С. Военно-уголовное законодательство в России (конец XVII – начало XVIII веков) / К. С. Ковалев // Право и образование. – 2014. – № 5. – С. 145–150.

88. Копылов, А. Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. / А. Н. Копылов // Сибирь XVII–XVIII вв. – Новосибирск: Новосибирск. изд-во, 1962. – С. 30–61.

89. Короленко, В. Честь мундира и нравы военной среды / В. Короленко. – СПб.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1914. – Т. 4. – 464 с.

90. Кочетков, Л. Из истории уставов русской армии (XVI – XVIII веков) / Л. Кочетков // Военная мысль. – 1954. – № 3. – С. 42–57.

91. Кравцова, Е. А. Возникновение и развитие органов государственной власти в дореволюционной России / Е. А. Кравцова // Наука. Теория. Практика. – 2015. – № 2. – С. 46–51.

92. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства / Сост. В. Савинков. – СПб.: А.Ф. Базунов, 1869. – 217 с.

93. Лебедев, П. С. Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича / П. С. Лебедев // Русская старина. – 1877. – Т. 18. – С. 227–260.

94. Лихачёв, Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачев // Лихачёв Д. С. Избранные работы в трех томах. – Л.: Худож. лит-ра, 1987. – Т. 2. – С. 133–154.

95. Лохвицкий, А. В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века) / А. В. Лохвицкий. – М., 1855. – 115 с.

96. Лушников, А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.) / А. М. Лушников. – Ярославль: Ярослав. гос. тех. ун-т, 1996. – 151 с.

97. Малов, А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. / А. В. Малов. – М.: Древлехранилище, 2006. – 624 с.

98. Марголис, А. Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки / А. Д. Марголис. – М.: Изд-во «Лантерна», 1995. – 207 с.

99. Маркевич, А. И. История местничества в Московском государстве в XV – XVII веке / А. И. Маркевич. – Одесса: Тип. «Одесский вестник», 1888. – 776 с.

100. Мартынов, В. Ф. Воинская дисциплина в русской армии и особенности ее функционирования на различных этапах ее строительства в XVIII – начале XX вв. / В. Ф. Мартынов // Вестник Екатерининского института. – 2015. – № 2(30). – С. 120-123.

101. Махов, М. Дуэль, ее происхождение и современный характер. – СПб.: Тип. И. А. Богельман, 1902. – 51 с.

102. Мацуленко, С. А. Военные реформы Петра I / С. А. Мацуленко // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 5. – С. 83–86.

103. Мелентьев, Ф. И. Проблемы русской армии начала XVIII века по Уставу Воинскому / Ф. И. Мелентьев // Макариевские чтения. Воинство земное – воинство небесное: материалы XVIII всерос. науч. конф., посвящ. памяти святителя Макария. Посвящается 65-летию великой Победы. – Можайск: Можайск-Терра, 2011. – Вып. 18. – С. 159–167.

104. Мещеряков, Г. П. О военных реформах Петра I / Г. П. Мещеряков // Военная мысль. – 1946. – № 5. – С. 60–66.

105. Миронов, Б. Кому на Руси жилось хорошо / Б. Миронов // Родина. – 2003. – № 7. – С. 12–16.

106. Никитин, В. Н. Быт военных арестантов в крепостях / В. Н. Никитин. – СПб.: Изд. Колесова и Михина, 1873. – 456 с.

107. Никитин, В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных изпод стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней: 1560–1880 г. / В. Н. Никитин. – СПб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. – 674 с.

108. О долге и чести воинской в Российской армии / Под. ред. В. Н. Лобова. – М.: Воениздат, 1991. – 368 с.

109. Оболонский, А. В. На государевой службе: бюрократия в старой и новой России: очерк / А. В. Оболонский. – М.: ИГПАН, 1997. – 67 с.

110. Палюмбецкий, А. О происхождении и распространении пенитенциарной системы. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1854 года / А. Палюмбецкий. – Харьков: Университетская типография, 1854. – 120 с.

111. Парамонов, А. С. О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения / А. С. Парамонов. – СПб.: Тип. «Север» А. М. Лесмана, 1904. – 172 с.

112. Паршин, В. В. Система военного управления в России (XVIII – начало XX в.) / В. В. Паршин, А. В. Чеботарев. – М.: ВУ, 2002. – 232 с.

113. Пекарский, П. П. Наука и литература при Петре Великом / П. П. Пекарский. – СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1862. – Т. 1. – 578 с.
114. Перетерский, И. С. Дигесты Юстиниана / И. С. Перетерский. – М.: Госюриздат, 1956. – 131 с.
115. Петр великий в его изречениях. – М.: Изд-во: Художественная литература, 1994. – 112 с.
116. Петров, К. В. Приказная система управления в России в конце XV – XVII веков: формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности / К. В. Петров. – СПб.: Альянс-Архео, 2005. – 144 с.
117. Петрова, Н. А. Судебник 1497 года об основаниях уголовной ответственности / Н. А. Петрова // 500 лет первому общероссийскому кодексу (Судебник 1497 года): материалы науч.-практ. конф., 22–23.09.1997 г. – Иваново: Изд-во ун-та, 1997. – С. 59–61.
118. Петрухинцев, Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота / Н. Н. Петрухинцев. – СПб.: Алтейя, 2001. – 451 с.
119. Петухов, Н. А. История военных судов России / Н. А. Петухов. – М.: Изд-во «Норма», 2003. – 352 с.
120. Подосенов, О. П. Царское уголовное законодательство дореформенной России (1800–1861 гг.) / О. П. Подосенов // Доклады итоговой научн. конф. (декабрь 1970 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. – С. 195–202.
121. Познышев, С. В. Очерки тюрьмоведения / С. В. Познышев. – М.: Тип. Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. – 302 с.
122. Попов, П. С. Яса Чингисхана / П. С. Попов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – М.: Советская энциклопедия. – 1907. – Т. 17. – С. 150–164;
123. Порфирьев, Е. И. Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота / Е. И. Порфирьев. – М.: Воен. Изд-во, 1952. – 288 с.

124. Послания Иоганна Таубе и Эперта Крузе // Русский исторический журнал. – 1922. – Кн. 8. – С. 39.

125. Преступления против военной службы / под общ. ред. Н. А. Петухова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с.

126. Пузыревский, А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого / А. К. Пузыревский. – СПб.: тип. В. Балашева, 1889. – 348 с.

127. Ракинт, В. А. Исторический очерк столетней службы и быта гренадерских сапер и их предшественников – пионер, 1797–1897, в связи с общим ходом развития инженерных войск в России / В. А. Ракинт. – СПб.: Тип. и литогр. В. А. Тиханова, 1898. – 228 с.

128. Рассказов, Л. П. Законодательное регулирование организационных основ и полномочий приказов как органов централизованного управления в Московском государстве XVI – середине XVII вв. / Л. П. Рассказов, Н. С. Чебанова // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 4. – С. 98–102.

129. Ратникова, Н. Д. Условия содержания заключенных под стражу в тюрьмах России в XVIII – XIX веках // Всерос. науч.-практ. конф. от 15–16 мая 2002 г.: сб. материалов / Н. Д. Ратникова. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 2004. – С. 126–127.

130. РГАДА. Путеводитель: в 4 т. / Сост. Е. Ф. Желоховцева, М. В. Бабич, Ю. М. Эскин. – М.: Госархив СССР, 1991. – Т. 3. – Ч. 1. – 720 с.

131. Редигер, А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы / А. Ф. Редигер. – СПб.: Тип. Имп. Ник. воен. акад., 1913. – 126 с.

132. Редигер, А. Ф. Устройство и комплектование вооруженных сил / А. Ф. Редигер. – СПб.: Воен. тип., 1900. – 576 с.

133. Рогов, В. А. Тюрьмы и лишение свободы в средневековой России (конец XV – середина XVII вв.) / В. А. Рогов // Вопросы истории органов борьбы с преступностью. – М.: РИО ВЮЗИ, 1987. – С. 4–34.

134. Рогулин, Н. Г. Полковое учреждение А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени / Н. Г. Рогулин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 248 с.
135. Рожнов, А. А. Преступления и наказания в Московском государстве XV – XVII вв. по свидетельствам современников-иностранцев / А. А. Рожнов. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. – 122 с.
136. Рожнов, А. А. Членовредительские наказания в Московском государстве XVI–XVII вв. по свидетельствам современников-европейцев / А. А. Рожнов // Вестник института. – 2010. – № 11. – С. 78–83.
137. Розенгейм, М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого / М. П. Розенгейм. – СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. – 386 с.
138. Рыбак, М. С. Жестокость и произвол царской тюремной системы М. С. Рыбак // Советская юстиция. – 1983. – № 4. – С. 23–25.
139. Рыженков, М. Р. Армия не место для преступников и бродяг / М. Р. Рыженков // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 1. – С. 93–95.
140. Савельев, А. Материалы к истории инженерного искусства в России / А. Савельев. – СПб.: Тип. Департамента Воен. Поселений, 1853. – 201 с.
141. Савельев, А. И. Исторический очерк Инженерного управления: в 3 ч. / А. И. Савельев – СПб.: Тип. Голике, 1887. – Ч. II. – 433 с.
142. Савинков, В. М. Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства / В. М. Савинков. – СПб.: Изд-во А.Ф. Базунова, 1869. – 226 с.
143. Свечин, А. А. Эволюция военного искусства А. А. Свечин. – М.-Л.: Военгиз, 1927. – Т. 1 – 387 с.
144. Селиванов, В. В. Из давних воспоминаний / В. В. Селиванов // РА. – 1869. – Вып. 1. – С. 153–174.
145. Сергеевский, Н. Д. Телесное наказание в России в XVII веке / Н. Д. Сергеевский // Журнал гражданского и уголовного права: Январь. – 1886. – Кн. 1. – С. 1–36.

146. Сергеевский, Н. Д. Наказание в русском праве XVII века / Н. Д. Сергеевский. – СПб.: Изд-во А.Ф. Цинзерлинг, 1888. – 300 с.

147. Сергеевский, Н. Д. Смертная казнь в России в XVII и первой половине XVIII века / Н. Д. Сергеевский // Журнал гражданского и уголовного права: Ноябрь. – 1884. – Кн. 9. – С. 1–56.

148. Сергеевский, Н. Д. Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне / Н. Д. Сергеевский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1879. – Кн. 7. – С. 51–60.

149. Сергеевский, Н. Д. Ссылка в России в XVII веке / Н. Д. Сергеевский // Журнал гражданского и уголовного права: Март. – 1887. – Кн. 3. – С. 1–34.

150. Сергеевский, Н. Д. Телесное наказание в России в XVII веке / Н. Д. Сергеевский // Журнал гражданского и уголовного права: Январь. – 1886. – Кн. 1. – С. 1–36.

151. Сидоркин, А. И. Военские наказания в Российской империи (1725–1855 гг.) / А. И. Сидоркин // Lex russica. – 2013. – № 5. – С. 542–559.

152. Сидоркин, А. И. Определение наказания за преступления против жизни и здоровья в Соборном Уложении 1649 года / А. И. Сидоркин // Российский юридический журнал. – 2005. – № 3. – С. 137–143.

153. Соловьев, Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII стол. (1700–1761). Вып. 1 / Н. И. Соловьев. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1900. – 39 с.

154. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. / С. М. Соловьев. – СПб.: Общественная польза, 1851–1879 гг. – Кн. 3. – Т. XI. – 811 с.

155. Стеллецкий, Н. С. Дуэль, ее история и критическая оценка с научно-богословской точки зрения / Н. С. Стеллецкий. – Харьков: Тир. «Мирн. Труд», 1911. – 40 с.

156. Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. – СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. – Т. 1. – 812 с.

157. Столетие Военного министерства. 1802–1902: Конспекты исторических очерков столетия Военного министерства (Конспект исторического очерка тюремной части) / под ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1906. – 1202 с.

158. Ступин, М. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени / М. Ступин. – Владикавказ: Тип. Тер. обл. правл., 1887. – 962 с.

159. Таганцев, Н. С. Смертная казнь / Н. С. Таганцев. – СПб.: Гос. Тип., 1913. – 184 с.

160. Таннберг, Т. Комплектование российской армии в первой половине XIX в. / Т. Таннберг // Французский ежегодник. – 2012. – Т. 44. – С. 148–173.

161. Телесные наказания в России в настоящее время / сост.: Д. Н. Жбанков, В. И. Яковенко. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1899. – 220 с.

162. Тельберг, Г. Г. Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича / Г. Г. Тельберг // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 6. – С. 121–147.

163. Тимофеев, А. Г. История телесных наказаний в русском праве. 2-е изд., перераб. и доп. / А. Г. Тимофеев. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1904. – 320 с.

164. Тимофеев, А. Г. История телесных наказаний в русском праве / А. Г. Тимофеев. – СПб.: Тип. СПб. тюрьмы, 1897. – 228 с.

165. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.

166. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.

167. Толмачев, Е. П. Александр II и его время / Е. П. Толмачев. – М.: Terra-Книжный клуб, 1998. – 720 с.

168. Томсинов, В. А. История русской юриспруденции X–XVII века / В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2014. – 168 с.

169. Томсинов, В. А. Соборное уложение 1649 г. Законодательство царя Алексея Михайловича / В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. – 440 с.

170. Тонков, Е. Н. Истории одной тюрьмы / Е. Н. Тонков. – СПб.: Ле-ма, 2006. – 758 с.

171. Туркин, А. А. Воинские преступления в «Артикуле воинском» Петра Великого / А. А. Туркин // Ученые записки ДЮИ. – 2005. – Т. 28. – С. 145–149.

172. Упоров, П. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. / П. Упоров. – СПб.: Юридический центр, 2004. – 608 с.

173. Учреждение о большой действующей армии. – М.: «Книга по требованию», 2012. – 610 с.

174. Феокистов, Е. М. М. Л. Магницкий / Е. М. Феокистов. – СПб.: Тип. Кесневиля, 1865. – 227 с.

175. Филиппов, А. Н. О наказании по законодательству Петра Велико-го, в связи с реформою / А. Н. Филиппов. – М.: Университетская типография, 1891. – 457 с.

176. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведени-ем / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Тип. М-ва пут.сообщ. (А. Бенке), 1889. – 514 с.

177. Чернов, А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV – XVII веков / А. В. Чернов. – М.: Воениздат, 1954. – 224 с.

178. Честь мундира и дуэль // Воен. альманах. – 1902. – С. 70–72.

179. Чудинов, А. В. Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Рос-сия и Франция XVIII – XX веков / А. В. Чудинов. – М.: Наука, 2000. – Вып. 3. – С. 88–115.

180. Шаляпин, С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV – XVIII веков: монография / С. О. Шаляпин. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 240 с.

181. Швейковский, П. А. Суд чести и дуэль в войсках российской ар-мии / П. А. Швейковский. – СПб.: Издатель В. Березовский, 1912. – 216 с.

182. Шворина, Т. Воинские артикулы Петра I / Т. Шворина. – М.: [Б. и.], 1940. – 177 с.
183. Шендзиковский, И. А. Конспект лекций о материальных военно-уголовных законах иностранных государств / И. А. Шендзиковский. – СПб.: Изд. лейт. Шидловский, 1886. – 80 с.
184. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. / Н. К. Шильдер. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. – Т. II. – 408 с.
185. Шильдер, Н. К. Император Павел I: Историко-биографический очерк / Н. К. Шильдер. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1901. – 606 с.
186. Шумигорский, Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование / Е. С. Шумигорский. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1907. – 264 с.
187. Шунков, В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков / В. И. Шунков. – М.: Наука, 1946. – 228 с.
188. Щеглова, Е. Н. Воинские наказания в России в XVII веке / Е. Н. Щеглова // "Черные дыры" в Российском Законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 31–33.
189. Эвельсон, Е. А. Происхождение Соборного уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича / Е. А. Эвельсон // Ученые записки. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – Вып. 3. – С. 21–24.
190. Эскин, Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. / Ю. М. Эскин. – М.: Квадрига, 2009. – 512 с.
191. Юшков, С. В. Русская правда / С. В. Юшков. – М.: Госюриздат, 1950. – 380 с.
192. Ядринцев, Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Типография А. Моригеровскаго, 1872. – 719 с.
193. Flocken, J. von. Katharina II. Zarin von Russland / J. Flocken. – В., 1991. – 340 p.
194. Keep, J. The Russian Army's Response to the French Revolutsion / J. Keep // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 28. – 1980. – Heff 4. – P. 521–522;

195. Vernadsky, G. The scope and contents of Ching is Khan's Jasa / G. Vernadsky // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1938. – V. 3.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Азамов, О. В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской армии (конец XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Азамов Олег Владимирович. – М., 2009. – 218 с.

2. Анисимов, В. В. Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России в XVIII веке.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Анисимов Владимир Викторович. – М., 2010. – 28 с.

3. Бочков, А. Ф. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской Армии (конец XVII – первая четверть XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бочков Александр Федорович. – М., 2009. – 24 с.

4. Гаврищук, В. В. Строительство российской армии в XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.09 / Гаврищук Владимир Владимирович. – М., 1999. – 45 с.

5. Гриценко, Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гриценко Надежда Викторовна. – Омск, 2005. – 275 с.

6. Денисенко, С. И. Развитие педагогической теории и практики поддержания воинской дисциплины в частях (на кораблях): дис... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Денисенко Сергей Иванович. – М., 1998. – 396 с.

7. Елифанов, П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: / Елифанов Петр Павлович. – М., 1969. – 571 с.

8. Иванов, Е. С. Воспитание воинской чести у офицеров Российской Армии XVIII – начала XX века: Историко-педагогический анализ: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Иванов Евгений Сергеевич. – М., 1994. – 26 с.

9. Козлова, А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Козлова Анна Александровна. – Омск, 2003. – 219 с.

10. Кузьмин-Караваев, В. Д. Характеристика общей части уложения и воинского устава о наказаниях. Диссертация на тему, предложенную конференцией Военно-Юридической Академии / Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич. – СПб., 1890. – 196 с.

11. Левин, Л. З. Чинопроизводство в России XV – начала XX вв.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Левин Лев Залманович. – СПб., 2004. – 161 с.

12. Лобин, А. Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Лобин Алексей Николаевич. – СПб., 2004. – 183 с.

13. Макаров, А. Я. Развитие русской военно-теоретической мысли в первой четверти XVIII столетия: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1950. – 203 с.

14. Манойленко, Ю. Е. Русская артиллерия в первой трети XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Манойленко Юрий Евгеньевич. – СПб., 2010. – 27 с.

15. Морихин, В. Е. Традиции офицерского корпуса русской армии XIX – начала XX веков: исторический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Морихин Владимир Егорович. – М., 2003. – 182 с.

16. Семенова, Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Семенова Наталия Леонидовна. – Оренбург, 2000. – 217 с.

17. Столяров, О. Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII века: проблема интеграции: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Столяров Олег Дмитриевич. – Саратов, 2014. – 226 с.

18. Толкаченко, А. А. Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военным служащим.: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 20.02.03 / Толкаченко Анатолий Анатольевич. – М., 1997. – 43 с.

19. Фалеев, Н. И. Цели военного наказания: дис. ... на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровской Военно-Юридической Академии / Фалеев Николай Иванович. – СПб., 1902. – 525 с.

20. Чеботарев, А. В. Военное Министерство России в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чеботарев Андрей Викторович. – М., 1999. – 236 с.

21. Шабанов, М. П. Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шабанов Максим Петрович. – Кемерово, 1998. – 227 с.

2.3. Интернет-ресурсы

1. Веремеев, Ю. Анатомия армии. Русское войско в XVII в. / Ю. Веремеев [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://army.armor.kiev.ua/titul/rus_2.shtml [Дата обращения 08.11.2015].

2. Волков, В. А. Русская армия в XVIII столетии / В. А. Волков, С. В. Перевезенцев // Образовательный портал «Слово» [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35339.php> [Дата обращения 16.12.2015].

3. Мосин, О. В. Возникновение правоохранительных органов на Руси / О. В. Мосин // Самиздат: Электронный журнал. 2006. Октябрь [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/o/oleg_w_m/cdocumentsandsettings/olegmoidokumentyistorijaobrazowanijaprawoohranitelxnyhorganowrossijskojferf.shtml [Дата обращения 12.03.2015].

4. Соборное Уложение 1649 г. Глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» // Исторические источники по истории России XVIII – начала XX в.: Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/7.htm> [Дата обращения 15.11.2015].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица 1. Национальный состав Российской империи (%) в XVIII столетии.....	111
Таблица 2. Наказание лишением свободы по различным воинским кодексам Петра I.....	185

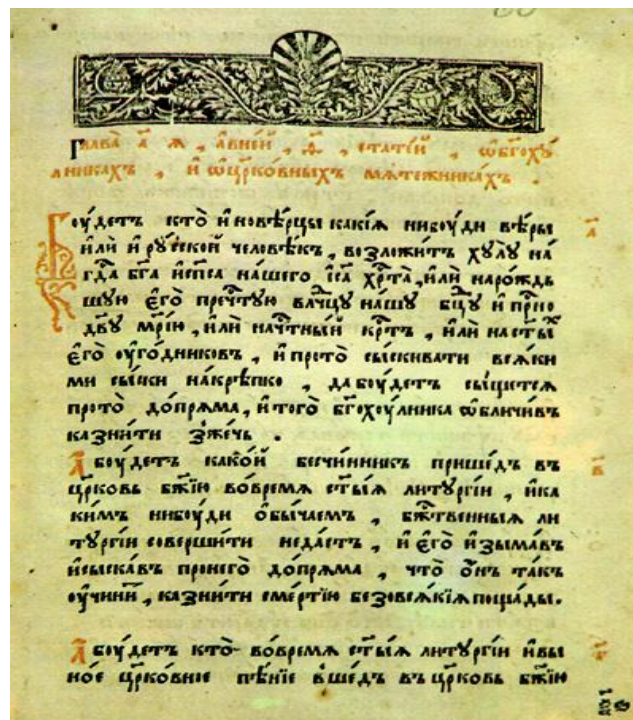
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Чины частей иноземного строя с 1670 г.⁶⁶⁶

	Категория	Чин воинский иноземного строя
1	Рядовые	Солдат (рейтар, драгун)
3	Урядники нижнего ранга	Капрал
7	Урядники среднего ранга	Прапорщик
8		Поручик
9		Капитан (ротмистр)
10	Урядники высокого ранга	Майор
11		Подполковник (полуполковник)
12		Полковник
14	Генералы	Генерал-майор
15		Генерал-поручик

Приложение 2

Соборное Уложение 1649 г.⁶⁶⁷

⁶⁶⁶ Веремеев Ю. Анатомия армии. Русское войско в XVII в. URL: http://army.armor.kiev.ua/titul/rus_2.shtml (дата обращения: 08.11.2015).

⁶⁶⁷ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 78.

Питание военнослужащих Русской армии⁶⁶⁸

	Порции	Рационы
Генерал фельт маршал	200	200
Генерал фельт маршал лейтенант	150	100
Генерал фельцейх мейстер	100	80
Генерал от кавалерии	100	80
Генерал от инфантерии	100	80
Генерал крикс комисарии	180	100
Генерал лейтенант	70	50
Генерал маеор	60	40
Брегадир	55	30
Обер штер крикс комисариус	50	36
Генерал квартирмейстер	50	30
Генерал аудитор	26	18
Вышней полевой священник	26	16
Генерал квартирмейстер лейтенант	26	17
Генерал аудитор лейтенант	26	17
Генерал штап квартирмейстер	24	16
Фельт крикс цальмейстер	26	18
Генерал ваген мейстер	20	14
Обер инженер	26	16
Обер комисариус	26	18
Обер квартирмейстер	12	8
Обер аудитор	12	8
Фельт медикус	16	10
Капитан над вожами	10	8

⁶⁶⁸ Законодательство Петра I / Отв. редакторы А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. С. 230–231.

Полевой аптекарь	10	6
Аптекарским гезелям	2	2
Полевой почт мейстер с принадлежащими ево людьми	21	12
Штап фуриер	6	2
Штап лекарь	4	4
Полевой куриер	6	2
Генерал гевалдигер	10	8
Генерал фискал	10	8
Генерал профос	10	16
Обер фискал	5	6
У комисариата секретарь	16	5
Принадлежащая к генералитету		
3. Секретаря генерала фельтмаршала по	16	5
5. Писарей по	3	2
2. Секретаря генерала фельтмаршала лейтенанта по	14	4
3. Писарей по	2	1
2. Секретаря генеральских по	12	3
2. Писаря по	2	1
2. Писаря генерала лейтенанта по	2	1
1. Писарь генерала маеора по	2	1
1. Писарь бригадирской по	2	1
На лошадей под канцелярию генеральскую		2
Полковой штаб от кавалерии		
Полковник	50	22
Подполковник	25	15
Премиир маеор	19	13
Секунд маеор	17	12
Полковой квартирмейстер	5	5
Полковой аудитор	3	3

Полковой комиссар	4	4
Полковой адъютант	4	4
Полковой поп	3	3
Полковой обозной	2	3
Полковой правивант мейстер	2	3
Полковой лекарь	3	3
Полковой писарь	2	2
Полковой фискал	2	3
Полковой профос	2	2
Рота драгунская		
Капитан	15	7
Порутчик	9	6
Подпорутчик	7	5
Прапорщик	5	4
Вахмейстер	3	3
Фуриер	2	2
Ротной писарь	2	1
Ротной фелшар	2	1
Ротной кузнец	1	1
Ротной седелник	1	1
Полковой штап от инфантерии		
Полковник	50	17
Подполковник	25	11
Примиир маеор	19	11
Секунд маеор	17	8
Полковой квартирмейстер	5	4
Полковой аудитор	3	3
Полковой поп	3	3
Полковой камисар	4	4

Полковой адъютант	4	4
Полковой провиант мейстер	2	2
Полковой лекарь	3	3
Полковой обозной	2	2
Полковой писарь	2	2
Полковой фискал	2	2
Полковой профос	2	2
В пехотной роте		
Капитан	15	5
Порутчик	9	4
Подпорутчик	7	3
Прапорщик	5	3
Сержант	3	
Подпрапорщик	2	
Каптенармус	2	
Фуриер	2	
Карпорал	2	
Ротной писарь	2	
Ротной фелшар	2	
Фейфору или флейщику или габоисту	1	
Салдату	1	

<i>Один порцион в день составляет:</i>	<i>Порцион на месяц:</i>	<i>Один рацион на сутки:</i>
Хлеба 2 фунта. Мяса 1 фунт. Вина 2 чарки. Пива 1 гарнец.	Соли 2 фунта. Круп 1½ гарца.	Овса 2 гарца. Сена 16 фунтов. Сечки 2 гарца. Соломы 1 сноп.

Табель о рангах 1722 г.⁶⁶⁹

Генералы	Дирекционно Канцлеръ	Адмиралы прот-хъ флота	
	Штаб-капитанъ Дирекционно-советникъ		
Генералы Кавказскыя		Вице-адмиралы	Обер-маршалы
Генералы Инженеры	Президентъ Дирекционъ		
Генералы Магистры	Оберъ-секретарь Галлей-Бригаденци Штаб-капитанъ Советникъ Оберъ-президентъ Национальнаго Дирекционъ	Штаб-капитанъ Инженерный	Обер-маршалъ Генералъ
Бригадиръ	Генералъ Дирекционъ Общественно- вице-президентъ Вице-президентъ президентъ Вице-президентъ Канцлеръ такия Советникъ Странной Канцлеръ Оберъ-Генералъ Мехстеръ	Канцлеръ Канцлеръ Мехстеръ	Обер-маршалъ Обер-маршалъ Мехстеръ
Полковникъ	Генералъ-полковникъ Дирекционъ Генералъ-полковникъ Мехстеръ Генералъ-полковникъ Мехстеръ Советникъ-полковникъ	Канцлеръ 1-го ранга Обер-маршалъ Мехстеръ	Обер-маршалъ Мехстеръ Обер-маршалъ
Подполковникъ	Секретарь Канцлеръ Мехстеръ	Канцлеръ 2-го ранга	Обер-маршалъ Мехстеръ Обер-маршалъ
Магистры	Вице-президентъ Вице-президентъ Президентъ Секретарь Галлей-Бригаденци Оберъ-президентъ Национальнаго Дирекционъ	Канцлеръ 3-го ранга	

Табель о рангах (сведения)⁶⁷⁰

Классы	Воинские				Статския	Придворныя
	Сухопутныя	Гвардия	Артиллерийския	Морския		
1:	Генерал фельд- маршал			Генерал адмирал	Канцлер	
2:	Генералы		Генерал	Адмиралы прот-	Действител-	Обер маршал

⁶⁶⁹ Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. // Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. Т. 4. С. 62.

⁶⁷⁰ Там же. С. 56-61.

	от кавалерии и инфантерии, штат галтер		фелцеих мейстер	чих флагов	няя тайныя советники	
3:	Генералы лейтенанты, кавалеры [ордена] с[вятого] Андрея [Первозванного], генерал крикс комисар		Генерал лейтенант	Вице адмиралы, генерал крикс комисар	Генерал прокурор	Обер стал мейстер
4:	Генералы мазоры	Полковник	Генерал мазор, генерал мазор от фортификации	Шаутбенахты, обер цейх мейстер	Президент от коллегиев и штатс канторы, тайные советники, обер прокурор	Обер гофмейстер, обер камергер
5:	Брегадирь обер штер крикс комисар, генерал правивант мейстер	Подполковники	Подполковники от артиллерии	Капитаны командоры, капитан над портом Кроншлотским, обер сарваер от строения карабельнаго интендант цейх мейстер обер штер крикс комисар	Геролд мейстер, генерал рекетен мейстер, обер церемонии мейстер или высшей надзиратель лесов, вице	Гофмейстер, обер гоф стал мейстер, тайный кабинет секретарь, обер гоф мейстер при ея величестве императрице, обер шенк

					президенты от коллегиев, генерал полицы мейстер, директор от строениев, генерал пост директор, архитеатер	
6:	Полковники, казначеи, обер правиаит мейстер, обер комисар, генералы адьютанты, прокурор, генералы квартир мейстеры лейтенанты	Маэоры	Подполковники от артилерии, полковники инженеры, обер комисар	Капитаны первого ранга капитаны над другими портами, сарваэр корабельной, прокурор, интендант партикулярной верфи в Питербурхе, казначеи, обер правиаит мейстер, обер комисар	Прокуроры в коллегиях статских, президенты в надворных судах, канцелярии тайные советники Иностранной коллегии, обер секретарь Сената, штатс комисар, обер рент мейстер в резиденции, советники в коллегиях	Штал мейстер, действительные камергеры, гоф маршал, обер ягер мейстер, первый лейб медикус
7:	Подполковники, генералы аудиторы,	Капитаны	Маэоры, подполковники инженеры, обер	Капитаны второго ранга, контролор	Вицепрезиденты в надворных судах; Во-	Гоф мейстер при ея величестве императрице, лейб медикус

	генералы правиант мейстеры лейтенан- ты, гене- ралы ва- ген мейс- теры, ге- нералы гевалди- геры, ге- нералы адъютан- ты при генерале фелт маршале, контролор		контролор		инской, Ад- миралтей- ской, Ино- странный колегиев обер секре- тари; экзе- кутор при Сенате, обер фискал гос- ударствен- ной, проку- роры при надворных судах, цере- монии мейс- тер	при ея величе- стве императри- це
8:	Маэоры, генералы адъютан- ты при генералех полных, генералы аудиторы лейтенан- ты, обер квартир- мейстр, обер фис- кал, цал мейстер	Капитаны лейтенанты	Маэор ин- женер, ка- питаны, штал мейс- тер, обер цейхвартер, контролор	Капитаны треть- его ранга, кора- бельные масте- ры, цал мейстер, обер фискал	Ундер стат галтер в ре- зиденции, экономии галтер, ре- гирунс раты в губерниях, обер дирек- тор над по- шлинами и акцизами в резиденции, обер лант- рихтеры в резиденции, президент в	Титулярные ка- мергеры, гоф сталмейстер, надворной ин- тендант

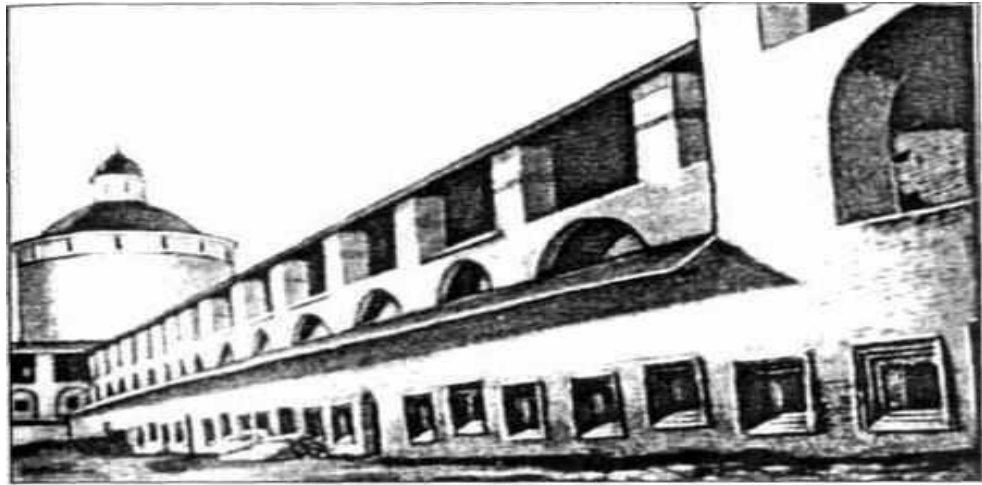
					<p>магистрате в резиденции, обер комиссары в коллегиях, ассесоры в коллегиях, обер правикант мастер в резиденции, обер секретари в прочих коллегиях, секретари в Сенате, обер берг мастер, обер валдейн, обер минц мастер, надворной советник, надзиратель лесов, воеводы</p>	
9:	Капитаны, флигель адъютанты при генерале фелт маршале и при генералех	Лейтенанты	Капитаны лейтенанты, капитаны инженеры, обер аудитор, квартирмейстер, камисары у пороховых	Капитаны лейтенанты, галерные мастера	Титулярной советник; воинских двух, Иностранной коллегии секретари; обер рент мастер в губер-	Надворной ягер мастер, надворной церемонии мастер, обер кухен мастер, камер юнкеры

	<p>полных, адъютан- ты при генералех лейтенан- тах, обер правиант мейстер, генерал штап квартир- мистр, обер аудиторы, полевые почтмей- стеры, ге- нералы профосы</p>		<p>и селитре- ных заводов</p>		<p>ниях, поли- цы мейстер в резиден- ции, бурго- мистры от магистрата в резиденции быть непре- менным, лантрихтеры в провинци- ях, профес- соры при академиях, докторы всяких фа- култетов, которые в службе об- ретаются, архиварии при обоих государ- ственных архивах, пе- реводчик и протоколист сенатские, казначей при манет- ном деле, асесоры в надворных судах в ре-</p>	
--	---	--	-----------------------------------	--	---	--

					зиденции, директоры над пошли- нами в пор- тах	
10:	Капитаны лейтенан- ты	Ундер лей- тенанты	Лейтенанты, капитаны лейтенанты инженер- ския, ауди- тор цей- хвартеры, обер ваген мейстер, капитан над мастеровы- ми людми	Лейтенанты	Секретари протчих ко- легей, бур- гомистры от магистрата в губерниях; переводчики Воинской, Адмирал- тейской, Иностран- ной [колле- гий]; прото- колисты тех же коллегей, обер эконо- мии комиса- ры в губер- ниях, обер комисары в губерниях, асесоры в надворных судах в гу- берниях, обер цегент- нер, берг мейстер, обер берг	

					пробиер	
11:				Секретари кара- белные		
12:	Лейтенан- ты	Фендрики	Ундер лей- тенанты, лейтенанты инженер- ския, фур- лецкие по- рутчики, ваген мейс- теры	Ундер лейтенан- ты, шхипоры перваго ранга	Секретари в надворных судах и кан- целяриях и /в/ губерни- ях, камери- ры при коле- гиях, ратма- ны в рези- денции, минц мейс- тер, форшт мейстер, ги- тен фор вал- тер, марк шейдер	Гоф юнкеры, надворной ле- карь
13:	Ундер лейтенан- ты, фли- гель адъ- ютанты при гене- ралех ма- эорех		Штык юн- керы, ундер лейтенанты инженер- ския		Секретари в провинциях, механикус, пост мейс- теры в Санкт- Питербурхе и в Риге переводчики протоколисты актуариус регистратор	
14:	Фендри- ки, фли- гель адъ-		Инженер- ския фенд- рики	Камисары кара- белные, шхипо- ры втораго ран-	Камисары при коледи- ях, фискалы	Надворной уставщик, гоф- мейстер пажев,

	<p>ютанты при гене- ралех лей- тенантех и у брега- диров, штап фу- риеры</p>			<p>га, канстапели</p>	<p>при надвор- ных судах и губерниях, камериры в провинциях, земския ка- мисары, асе- соры в про- винциалских судах, архи- вариус, ак- туариус, ре- гистратор и букгалтеры при коледи- ях; земския рент мейс- теры, почт мейстеры в Москве и протчих знатных го- родех, где губернато- ры; коледи юнкеры</p>	<p>гоф секретарь, надворной биб- лиотекарь, анти- квариус, надвор- ной камерир, надворной ауди- тор, надворной квартир мейстер, надворной апте- карь, шлос фохт, надворной цейх мейстер, кабинет куриеры, мунт шенк, кухен мейстер, келлер мейстер, эк- зерцыцеи мейс- тер, надворной балбир</p>
--	--	--	--	-----------------------	--	--

Здание тюрьмы Кирилло-Белозерского монастыря⁶⁷¹Различные телесные наказания⁶⁷²

Битье баготами

⁶⁷¹ Анисимов Е. В. Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. М., 2004. С. 66.

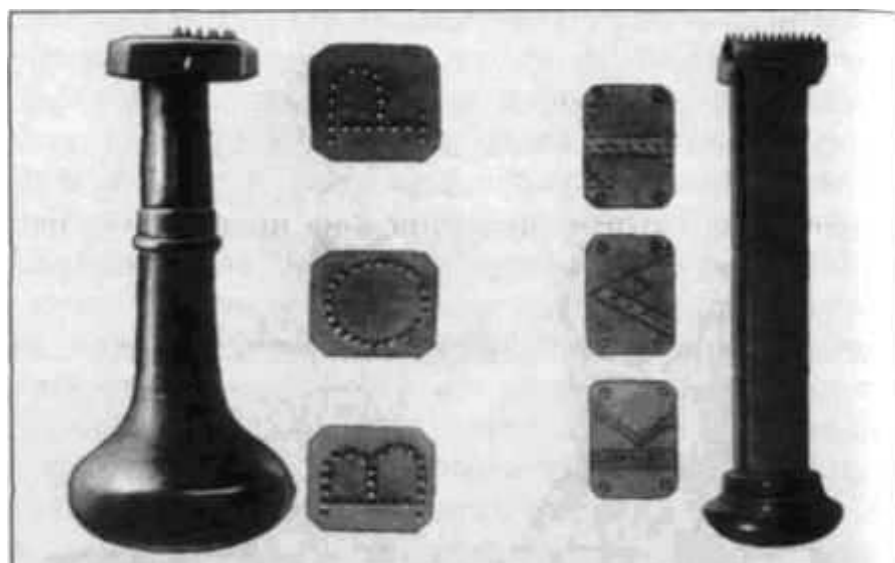
⁶⁷² Там же. С. 58.

Отрезание носа

Приложение 8

Инструменты для клеймения и клейма «В.О.Р.»⁶⁷³

⁶⁷³ Анисимов Е. В. Русская пытка ... С. 58.

Личный состав армии в начале XIX в.⁶⁷⁴

<i>Вооруженные силы / годы</i>	<i>1805</i>	<i>1808</i>	<i>1812</i>	<i>1814</i>
Гвардия	14300	17900	21600	35800
Регулярная ар- мия	365800	461100	521800	285800
Казачи	107800	110000	109600	135300
Гарнизонные войска	83000	82700	112200	107300
Всего	570900	611700	7652200	8642200

---

⁶⁷⁴ *Таннберг Т.* Комплектование российской армии ... С. 157.